

# ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА





*Selma Lagerlöf*

1858—1940

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сельма Лагерлёф

**ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ**

*Рисунки О. Ионайтис*

МОСКВА  
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»  
2004

УДК 821.113.6-93-34  
ББК 84(4Шве)-4  
Л14

Перевод со шведского

**В. СПАССКОЙ**

Вступительная статья

**Н. БУДУР**

**Лагерлёф С.**

**Л14** Легенды о Христе/Пер. со швед. В. Спасской;  
Вступ. ст. Н. Будур; Рис. О. Ионайтис. — М.: Дет.  
лит., 2004. — 207 с.: ил. — (Школьная б-ка).

ISBN 5-08-004112-9

В книгу вошли легенды о Христе, написанные под впечатлением путешествия знаменитой шведской писательницы по странам Ближнего Востока. Это законченное художественное произведение с высоким нравственно-гуманистическим содержанием.

**УДК 821.113.6-93-34**

**ББК 84(4Шве)-4**

ISBN 5-08-004112-9

© Издательство «Детская литература».  
Оформление серии, 2004  
© Н. Будур. Вступительная статья, 2004  
© О. Ионайтис. Рисунки, 2004



## СТАРАЯ ШЛЯПА ДЕТСТВА

*(О Сельме Лагерлёф)*

«Большинство людей сбрасывают с себя детство, как старую шляпу, и забывают его, как ставший ненужным номер телефона. Настоящий человек только тот, кто, став взрослым, остается ребенком». Эти слова принадлежат известному немецкому детскому писателю Эриху Кёстнеру.

К счастью, в мире не так мало людей, которые забыли или не захотели в юности сбросить с себя старую шляпу детства. Некоторые из них — писатели-сказочники.

Сказка — первая книга, которая приходит к ребенку. Сначала сказки малышам читают родители, дедушки и бабушки, затем дети подрастают и начинают читать их сами. Как же важно, чтобы в руки взрослым — ибо именно они покупают и приносят в дом книги — попали хорошие сказки.

Шведским родителям в этом отношении очень повезло. Народные предания, легенды и сказки в Швеции любили всегда. Именно на основе фольклорных произведений, произведений устного

народного творчества, на Севере была создана литературная, или авторская, сказка.

Нам известны имена Сельмы Лагерлёф, Захариуса Топелиуса, Астрид Линдгрэн и Туве Янссон. Эти сказочники писали на шведском языке. Они подарили нам книги про Нильса Хольгерссона, отправившегося в путешествие по родной стране вместе с гусаксом Мартином (или Мортенсом), сказки о Сампо-Лопарёнке и портном Тикке, пришившем Швецию к Финляндии, веселые повести о Малыше и Карлсоне, о Пеппи Длинныйчулок и, конечно, волшебную сагу о семействе Муми-троллей.

Пожалуй, менее всего в нашей стране известно творчество Сельмы Лагерлёф. Ее считают прежде всего «взрослой» писательницей. Однако это совсем не так.

Сельма Лагерлёф прославилась во всем мире (и в нашей стране) прежде всего как детский писатель своей книгой «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906—1907), в которой были использованы сказки, предания и легенды провинций Швеции. Но знаете ли вы, что эта книга — не просто сказка, а роман, да еще к тому же настоящий учебник географии для шведских школ?

Учебник этот долгое время не принимали в школах, учителя и строгие родители считали, что вовсе ни к чему их детям получать удовольствие от учебы. Однако писательница Лагерлёф придерживалась иного мнения, ибо воспитывалась в совершенно необычной для конца XIX века семье, где старшее поколение не сомневалось в необходимости развивать в детях фантазию и рассказывать им волшебные истории.

Сельма Луиса Оттилия Лагерлёф (1858—1940) родилась в дружной и счастливой семье отставного военного и учительницы, в усадьбе Морбакка,

расположенной на юге Швеции, в провинции Верmland.

Жизнь в Морбакке, сказочная атмосфера старинной шведской усадьбы оставили неизгладимый след в душе Сельмы. «Никогда не стала бы я писательницей, — признавалась она впоследствии, — если бы не выросла в Морбакке, с ее старинными обычаями, с ее богатством преданий, с ее добрыми, дружелюбными людьми».

Детство Сельмы было очень тяжелым, хотя и была она окружена любящими родителями, четырьмя братьями и сестрами. Дело в том, что в трехлетнем возрасте она перенесла детский паралич и потеряла возможность двигаться. Лишь в 1867 году в специальном институте в Стокгольме девочку смогли вылечить, и она стала самостоятельно ходить, но на всю жизнь осталась хромой.

Однако Сельма не унывала, ей никогда не было скучно. Отец, тетя и бабушка рассказывали девочке предания и сказки родного Верmlandа, да и сама будущая сказочница очень любила читать, а с семи лет уже мечтала стать писательницей. Даже в столь юном возрасте Сельма много писала — стихи, сказки, пьесы, но, конечно, они были далеки от совершенства.

Домашнее образование, полученное писательницей, было выше всяческих похвал, но его надо было продолжать. И в 1882 году Сельма поступает в Королевское высшее учительское училище. В том же году умирает ее отец, и любимая Морбакка продается за долги. Это был двойной удар судьбы, но писательница смогла выстоять, окончить училище и стала учительницей в школе для девочек в городе Ландскруна на юге Швеции. Сейчас в городе на одном из небольших домов висит мемориальная доска, в память о том, что именно там Лагерлёф написала свой первый роман, благодаря которому она состоялась как пи-

сательница, — «Сагу о Йёсте Берлинге» (1891). За эту книгу Лагерлёф получила премию журнала «Идун» и смогла оставить школу, посвятив себя целиком писательскому труду.

Уже в первом своем романе писательница использовала известные ей с детства сказания родной Южной Швеции и впоследствии неизменно возвращалась к фольклору Скандинавии. Сказочные, волшебные мотивы есть во многих ее произведениях. Это и сборник новелл о Средневековье «Королевы Кунгахеллы» (1899), и двухтомный сборник «Тролли и люди» (1915—1921), и повесть «Сказание о деревенской усадьбе», и, конечно, «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906—1907).

Сельма Лагерлёф верила в сказки и легенды и могла их талантливо пересказывать и придумывать для детей. Она и сама стала легендарной фигурой. Так, рассказывают, что идею «Удивительного путешествия Нильса...» писательнице подсказал... гном, повстречавшийся ей как-то вечером в родной Морбакке, которую писательница смогла выкупить, уже будучи известной, в 1904 году.

В 1909 году Лагерлёф была присуждена Нобелевская премия. На церемонии вручения писательница осталась верна себе и вместо серьезной и рассудительной благодарственной речи рассказала... о видении, в котором ей предстал отец «на веранде в саду, полном света и цветов, над которыми кружились птицы». Сельма в видении рассказала отцу о присуждении ей премии и о своем страхе не оправдать огромную честь, оказанную ей Нобелевским комитетом. В ответ отец после небольшого раздумья стукнул кулаком по подлокотнику кресла и грозно ответил дочери: «Я не собираюсь ломать голову над проблемами, которые невозможно решить ни на небе, ни на



земле. Я слишком счастлив оттого, что тебе дали Нобелевскую премию, и не намерен беспокоиться о чем-либо еще».

После вручения премии Лагерлёф продолжала писать о Вермланде, его легендах и, конечно, о семейных ценностях.

Она очень любила детей и была прекрасной рассказчицей. Даже самые скучные вещи, как, например, курс географии Швеции, ей удавалось рассказать весело и интересно.

Прежде чем создать «Удивительное путешествие Нильса...», Сельма Лагерлёф изъездила почти всю страну, внимательно изучила народные обычаи и обряды, сказки и предания Севера. В основе книги лежат научные сведения, но облечены они в форму приключенческого романа. Нильс Хольгерссон похож на Мальчика-с-пальчика, но он не сказочный герой, а непослушный ребенок, приносящий много огорчений своим родителям. Путешествие с гусиной стаей позволяет Нильсу не только много повидать и многому научиться, познать мир животных, но и перевоспитаться. Из злого и ленивого сорванца он превращается в доброго и отзывчивого мальчика.

Именно таким послушным и милым ребенком и была в детстве сама Сельма Лагерлёф. Ее родители не просто любили своих детей, они старались правильно воспитать их, привить им веру в Бога и стремление жить по заповедям Божиим.

Сельма Лагерлёф была глубоко верующим человеком, и потому особое место в ее творчестве занимают христианские легенды. Это, прежде всего, «Легенды о Христе» (1904), «Легенды» (1904) и «Сказка о сказке и другие сказки» (1908).

Писательница считала, что, слушая в детстве сказки и рассказы взрослых, ребенок формируется как личность, получает основные представления нравственности и морали.

Образ Иисуса из Назарета явно или незримо присутствует во всех произведениях писательницы. Любовь ко Христу как смысл жизни является главным мотивом в таких произведениях, как новелла «Астрид» из цикла «Королевы Кунгахеллы», в книге «Чудеса Антихриста» и двухтомном романе «Иерусалим». В Иисусе Христе Лагерлёф видела центральный образ человеческой истории, ее смысл и цель.

«Легенды о Христе» — одно из важнейших произведений Сельмы Лагерлёф, написанное в простой и доступной детям манере.

Цикл этот важен для понимания не только всего творчества Лагерлёф, но и личности самой писательницы, ибо именно в «Легендах о Христе» возникает образ одного из самых любимых Лагерлёф людей — ее бабушки.

Маленькая Сельма, лишённая возможности бегать и играть со сверстниками, всегда была увлеченной слушательницей бабушкиных историй. Мир ее детства, несмотря на физическую боль, был наполнен светом и любовью. Это был мир сказки и волшебства, в котором люди любили друг друга и старались помочь ближнему в беде, протянуть руку помощи страждущему и накормить голодного.

Сельма Лагерлёф считала, что нужно верить в Бога, почитать и любить Его, знать Его учение о том, как следует относиться к миру и людям, чтобы жить свято, достигнуть спасения и вечно блаженства. Она была убеждена в том, что любой христианин должен знать Божественное учение о происхождении мира и человека и о том, что с нами будет после смерти. Если человек ничего этого не знает, считала писательница, то жизнь его лишается всякого смысла. Не знающий, как нужно жить и почему нужно жить так, а не иначе, подобен ходящему во тьме.

Изложить учение христианской веры и сделать его понятным ребенку очень трудно, однако Сельма Лагерлёф нашла свой путь — она создала цикл легенд, каждая из которых читается как самостоятельная увлекательная история.

Лагерлёф поочередно обращается к евангельским событиям земной жизни Иисуса Христа: это и поклонение волхвов («Колодец Мудрецов»), и избиение младенцев («Вифлеемский младенец»), и бегство в Египет, и детство Иисуса в Назарете, и Его приход в храм, и Его страдания на кресте.

Каждое событие жизни Иисуса Христа излагается не в строгой и сухой канонической форме, а в увлекательной для ребенка манере, часто с совершенно неожиданной точки зрения. Так, крестные страдания Иисуса рассказывает маленькая птичка из легенды «Красношейка», а об истории бегства Святого семейства в Египет читатель узнает от... старой финиковой пальмы.

Часто легенда вырастает из одной лишь детали или упоминания, которые есть в Священном Писании, тем не менее писательница неизменно следует духу евангельских описаний земной жизни Иисуса.

Поскольку далеко не все сейчас знают историю жизни и вознесения Иисуса Христа, то мы считаем нужным рассказать здесь кратко о Его земных днях, поскольку предварительные сведения помогут вам лучше понять легенды Сельмы Лагерлёф.

Иисус Христос — Сын Божий и Бог, живший на земле как человек 33 года. До 30 лет Он жил в бедном галилейском городе Назарете с Матерью Своей Марией и Ее обручником Иосифом, разделяя его домашние труды и ремесло, — Иосиф был плотником. Потом явился Он на реку Иордан, где принял крещение от Своего Предтечи (предшественника) — Иоанна. После крещения

Христос провел в пустыне сорок дней в посте и молитве; здесь выдержал Он искушение от диавола и отсюда явился в мир с проповедью о том, как нам жить и что делать, чтобы войти в Царствие Небесное. Проповедь и вся земная жизнь Иисуса Христа сопровождалась многочисленными чудесами. Несмотря на это, иудеи, обличаемые Им в своей беззаконной жизни, возненавидели Его, и ненависть возросла до того, что после многих мучений Иисус Христос был распят на кресте между двумя разбойниками. Умерший на кресте и погребенный тайными учениками, Он, силой Своего всемогущества, на третий день после Своей смерти воскрес и по Воскресении в продолжение сорока дней многократно являлся верующим, раскрывая им тайны Царствия Божия. В сороковой день, в присутствии Своих учеников, Он вознесся на небо, а в пятидесятый — послал им Духа Святого, просвещающего и освящающего всякого человека. Со стороны Спасителя страдания и крестная смерть были добровольной жертвой за грехи людей.

Господь хотел, чтобы человек изменился, научился жить в любви и смирении, и потому свой цикл легенд о Нем писательница заканчивает историей «Свеча от Гроба Господня» — о преобразении буйного нравом рыцаря-крестоносца. Он перерождается, становится совсем другим человеком, добрым и кротким, готовым на жертву ради блага другого человека.

Сельма Лагерлёф, которая никогда не забывала про старую шляпу детства, всегда верила, что человек может измениться к лучшему, как рыцарь Раньеро ди Раньери или как Нильс Хольгерссон.

Постарайтесь измениться и вы, прочтя эту книгу!

*Наталья Будур*

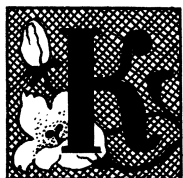
# ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ







## СВЯТАЯ НОЧЬ



Когда мне было пять лет, я пережила очень большую горе. Пожалуй, это было самое крупное горе, какое только выпадало на мою долю. У меня умерла бабушка. До самой своей смерти она проводила все время, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки. Помню я о бабушке очень мало. Помню, что у нее были красивые, белые как снег волосы, что ходила она совсем сгорбившись и постоянно вязала чулок. Потом я еще помню, что, рассказывая какую-нибудь сказку, она, бывало, положит мне на голову руку и скажет:

— И все это правда... Такая же правда, как и то, что мы сейчас видим друг друга.

Припоминается мне также, что она умела петь славные песни, только пела их не часто. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и русалке. У этой песни был припев:

А по морю, а по морю дул холодный ветер!

Помню я еще одну молитву и псалом, которым она меня научила. Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось слабое, смутное воспоминание, и только одну из них я помню так ясно, что могу ее пересказать. Это небольшая легенда о Рождестве Христове.

Вот, кажется, и все, что я помню о своей бабушке, кроме, впрочем, того чувства ужасного горя, которое я испытала, когда она умерла. Это я помню лучше всего. Словно вчера это было — так помню я утро, когда диван в углу вдруг оказался пустым и я не могла даже себе представить, как пройдет этот день. Это я помню вполне ясно и никогда не забуду.

Помню, как нас привели проститься с бабушкой и велели поцеловать ей руку, и как мы боялись поцеловать покойницу, и как кто-то сказал, что мы должны поблагодарить ее в последний раз за все те радости, которые она нам доставляла.

Помню я, как все наши сказки и песни положили вместе с бабушкой в длинный черный гроб и увезли... увезли навсегда. Мне казалось, что что-то исчезло тогда из нашей жизни. Как будто дверь в чудную, волшебную страну, по которой мы раньше свободно бродили, закрылась навсегда. И уж никто потом не сумел отворить эту дверь.

Мы, дети, постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить, как живут все другие дети. И со стороны можно было подумать, что мы перестали тосковать о бабушке, перестали ее вспоминать.



Но и теперь еще, хотя с тех пор прошло сорок лет, в моей памяти ясно встает небольшая легенда о Рождестве Христове, которую мне не раз рассказывала бабушка. И мне самой хочется рассказать ее, хочется и ее включить в сборник «Легенды о Христе».

\* \* \*

Это было в Рождественский сочельник. Все, кроме бабушки и меня, уехали в церковь. Только мы вдвоем, кажется, и остались во всем доме. Одна из нас была слишком стара, чтобы ехать, а другая — слишком мала. И обеим нам было грустно, что не придется услышать рождественский гимн и полюбоваться сиянием рождественских свечей в церкви. И бабушка, чтобы разогнать нашу грусть, принялась рассказывать.

— Однажды темной ночью, — начала она, — один человек отправился раздобыть огня. Он ходил от одного дома к другому, стучался и говорил: «Помогите мне, добрые люди! Жена моя родила ребеночка... Надо развести огонь и согреть ее и младенца».

Но дело было ночью, все уже спали, и никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали огонек. Он направился в ту сторону и увидел разведенный костер. Вокруг костра лежало стадо белых овец. Стадо сторожил старый пастух.

И вот человек, которому было нужно добыть огонь, подошел к овцам и увидел, что у ног пастуха лежат три большие собаки. При его приближении все три собаки проснулись, раскрыли свои широкие пасти, словно собираясь залаять, но не издали ни малейшего звука. Человек видел, как шерсть у собак на спине стала дыбом,



как засверкали их белые зубы и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна собака схватила было его за ногу, другая — за руку, а третья впиалась было ему в горло. Но челюсти и зубы не повиновались собакам, и они, не причинив ему ни малейшего вреда, отошли в сторону.

Тогда человек направился к костру, но овцы так плотно прижались друг к другу, что нельзя было пробраться между ними. Тогда он прошел по их спинам к костру, и ни одна из них не проснулась и даже не пошевелилась.

До сих пор бабушка рассказывала не останавливаясь, и я не прерывала ее, но тут у меня невольно вырвался вопрос:

— Почему же, бабушка, овцы продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? — спрашиваю я.

— Подожди немного, узнаешь! — говорит бабушка и продолжает свой рассказ.

— Когда человек этот почти дошел до костра, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, относившийся ко всем подозрительно и неприветливо. Когда он увидел приближавшегося к нему незнакомца, он схватил длинный, заостренный на конце посох, с которым ходил всегда за стадом, и бросил в него. Посох со свистом полетел прямо по направлению к незнакомцу, но, не долетая до него, отклонился и, пролетев мимо, со звоном упал в поле.

Бабушка хотела продолжать, но я опять перебила ее:

— Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка, не обратив внимания на мой вопрос, уже продолжала рассказ:

— Тогда незнакомец подошел к пастуху и сказал ему: «Помоги мне, друг мой. Дай мне огоньку. Жена моя родила ребеночка, и надо развести огонь, согреть ее и младенца!»

Пастух хотел ему отказать, но когда вспомнил, что собаки не могли укусить этого человека, овцы не испугались и не разбежались от него и посох не задел его, ему стало жутко, и он не посмел отказать незнакомцу.

«Бери сколько хочешь!» — сказал пастух. Но костер уже почти догорел, и не осталось ни одного полена, ни одного сучка — лежала только большая куча горячих угольев, а у незнакомца не было ни лопаты, ни ведра, в котором можно было бы их донести.

Увидев это, пастух повторил: «Бери сколько хочешь!» — и радовался при мысли, что тот не сможет унести с собой жар. Но незнакомец нагнулся, выгреб рукой из-под пепла уголья и положил их в полу своей одежды. И уголья не обожгли ему руки, когда он доставал их, и не прожгли его одежды. Он понес их, как будто это был не огонь, а орехи или яблоки.

На этом месте я перебиваю бабушку в третий раз:

— Отчего же, бабушка, уголья не обожгли его?

— Услышишь, услышишь! Подожди! — говорит бабушка и продолжает рассказывать дальше.

— Когда злой и угрюмый пастух увидал все это, он очень удивился: «Что это за ночь, что злые овчарки не кусаются, овцы не пугаются, посох не убивает, а огонь не жжет?!»

Он остановил незнакомца и спросил его: «Что за ночь сегодня? И отчего все к тебе относятся так милостиво?»

«Если ты сам не видишь, я не могу объяснить тебе этого!» — ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и отогреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять из вида незнакомца, пока не разузнает, что все это значит, и шел следом за ним, пока тот не добрался до своей стоян-

ки. И пастух увидел, что у этого человека не было даже хижины, а жена его и младенец лежали в пустой пещере, где ничего не было, кроме голых каменных стен.

И подумал тогда пастух, что бедный невинный ребенок может замерзнуть в пещере, и, хотя сердце у него было не из нежных, ему стало жаль младенца. Решив помочь ему, пастух снял с плеча свою сумку, вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот положил на нее младенца.

И в ту же самую минуту, когда оказалось, что и он, жестокосердый, грубый человек, может быть милосерд, — открылись глаза его, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидал, что вокруг него стоят плотным кольцом маленькие ангельчики с серебряными крылышками и в руках у каждого из них — арфа, и услышал, что они громко поют о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от грехов.

И тогда понял пастух, отчего никто в эту ночь не мог причинить зла незнакомцу.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду: они сидели в пещере, спускались с горы, летали по небу; громадными толпами шли они по дороге, останавливались у входа в пещеру и смотрели на младенца.

И повсюду царила радость, ликование, пение и нежная музыка... И все это видел и слышал пастух в темную ночь, в которой раньше ничего не замечал. И ощутил он великую радость оттого, что открылись глаза его, и, упав на колени, благодарил Господа.

При этих словах бабушка вздохнула и сказала: — Если бы мы умели смотреть, то и мы могли бы увидеть все, что видел пастух, потому что в

рождественскую ночь ангелы всегда летают по небесам...

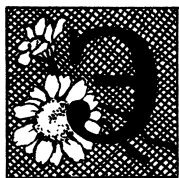
И, положив руку мне на голову, бабушка сказала:

— Запомни это... Это такая же правда, как и то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в луне и солнце, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!..





## ВИДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА



то было в те времена, когда Август был римским императором, а Ирод — царем иудейским. И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. То была самая темная ночь, какую когда-либо видели люди. Словно вся земля очутилась под какими-то мрачными сводами. Невозможно было отличить воду от земли и не заблудиться, идя даже по самой знакомой дороге. Да иначе и быть не могло, так как все звезды остались в эту ночь дома, а ласковый месяц отвернул свой лик от земли.

И так же глубоки, как и тьма, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не слышно было дуновения ветерка, и

даже осина перестала дрожать. Если бы кто пошел на берег моря, то увидел бы, что волны не бьются больше о берег; а если бы кто пошел в пустыню, песок не хрустнул бы у него под ногами. Все окаменело, и все было недвижимо, боясь нарушить тишину святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не падала, цветы не смели благоухать.

В эту ночь хищные звери не выходили на охоту, змеи не жалили, не лаяли собаки. И — что еще прекраснее — ни один из неодушевленных предметов не нарушал святости ночи, отказываясь помогать какому-либо дурному делу: отмычки не отпирали замков, нож отказывался пролить кровь.

В эту-то ночь в Риме небольшая кучка людей вышла из дворца на Палатине и направилась через Форум к Капитолию.

Незадолго перед тем, на закате дня, окружающие спросили императора, согласится ли он на то, чтобы ему воздвигнули храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, угодно ли будет богам, если ему воздвигнут храм наравне с ними, и решил раньше принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать его волю. И вот он, в сопровождении нескольких приближенных, отправился совершать это жертвоприношение.

Август велел нести себя на носилках, потому что он был стар и высокие лестницы Капитолия были ему уже не под силу. Он сам держал клетку с голубями, которых он намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов — одни лишь самые близкие друзья. Впереди шли, освещая дорогу, факельщики, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, мечи, священный огонь и остальные принадлежности жертвоприношения.



По пути император весело беседовал с приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельной тишины и мертвого молчания ночи. Только когда они достигли самой вершины Капитолия, где было выбрано место для нового храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи, потому что на краю скалы они увидели какой-то странный предмет. Сначала они приняли его за старый, опаленный молнией ствол оливкового дерева, потом им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь с ними императора, они все бы тотчас же разбежались и попрятались в свои постели.

— Вот та, — шептали они друг другу, — которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Но почему именно сегодня, в эту ночь, вышла она из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, пишущая свои пророчества на листьях деревьев, зная, что ветер отнесет их тому, для кого они предназначены?

Они все так перепугались, что, сделай Сибилла малейшее движение, они тотчас же упали бы на колени. Но она сидела неподвижно, как бездыханная. Согнувшись, сидела она на краю скалы и, полуприкрыв глаза рукою, всматривалась в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы рассмотреть что-то, происходившее в это время где-то там, бесконечно далеко. Значит, могла она что-нибудь разглядеть в такую темную ночь!

И в это самое мгновение император и вся свита заметили поразительную темноту ночи. Ничего не было видно даже на расстоянии руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Но от этого неподвижного воздуха они задыхались, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и обессилели. Они чувствовали, что должно совершиться что-то ужасное. Но никто не хотел обнаружить своего страха, и все говорили императору, что это счастливое предзнаменование: вся вселенная затаила дыхание, чтобы приветствовать нового бога. Они предложили Августу приступить к жертвоприношению и говорили, что старая Сибилла покинула свою пещеру, вероятно, для того, чтобы приветствовать императора.

В действительности же все внимание Сибиллы было так поглощено представшим перед нею видением, что едва ли она даже и заметила, как Август прибыл на Капитолий. Мысленно она перенеслась в далекую страну и там, казалось ей, брела по бесконечной равнине. В темноте она постоянно натыкалась на что-то, что принимала за кочки. Она наклонилась и ощупала их рукой. Но нет, это не кочки, это — овцы. Она блуждала меж огромных стад спящих овец.

Затем она заметила костер пастухов. Костер горел среди поля, и она побрела туда. Пастухи расположились вокруг огня и спали, а подле них лежали длинные, заостренные посохи, которыми они обыкновенно защищали свои стада от диких зверей. Но вот эти маленькие зверьки, с сверкающими глазами и пушистыми хвостами, что крадучись подползали к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них посохов, собаки продолжали спать, овцы не разбегались, и дикие звери спокойно улеглись рядом с людьми.

Вот что развертывалось перед взорами Сибил-



лы, но она ничего не знала о том, что делается позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, посыпали куренья и император вынул из клетки голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его так онемели, что он не мог удержать птицы. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и исчез в ночной тьме.

Увидев это, придворные недоброжелательно посмотрели на древнюю Сибиллу. Они думали, что она виновата в этом.

Откуда могли они знать, что Сибилле чудится, будто она стоит у пастушьего костра и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди мертвенной тишины ночи. Долго спустя после того, как она услышала эту музыку, Сибилла поняла, что она несется не с земли, а с неба. Тогда она подняла голову и увидела скользившие в темноте светлые лучезарные создания. То были небольшие группы ангелов, которые с радостным пением носились взад и вперед по равнине, словно ища кого-то.

Пока Сибилла внимала пению ангелов, император готовился принести новую жертву. Он умыл руки, очистил жертвенник и велел подать второго голубя. И хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать его, гладкое тело птицы выскользнуло из его рук, и голубь исчез в непроглядной тьме.

Императора охватил ужас. Он преклонил колена пред алтарем и стал молиться своему духу-покровителю. Он молил отвлечь несчастье, которое предвещала ему эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое звучало все громче и громче. Наконец оно раздалось так громко, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светлые сонмы

ангелов длинными колеблющимися вереницами, подобно перелетным птицам, прорезывали ночную тьму. У одних были в руках лютни и скрипки, у других — цитры и арфы, и пение их звучало радостно, как детский смех, и беззаботно, как щебетание ласточек. Услышав это, пастухи встали и направились к нагорному городку, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Они пошли узкой извилистой тропинкой — и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно вершина горы озарилась светом... Яркая, большая звезда зажглась над самой горой — и городок заблистал, как серебро, при свете звезд. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов с радостными кликами устремились туда, а пастухи ускорили шаги и наконец побежали...

Прибежав в город, они увидали, что ангелы собрались над низким стойлом близ городских ворот. То была прилепившаяся к скале бедная лачужка с соломенной крышей. Над ней сияла звезда, и сюда слетались все новые и новые сонмы ангелов. Одни спустились на соломенную крышу и на отвесную скалу позади дома, другие парили, раскинув крылья, над хижинкой. И от их лучезарных крыльев весь воздух высоко-высоко светился ярким светом.

И когда над горным городком засияла звезда, вся природа сразу пробудилась, и кучка людей на Капитолии не могла не заметить этого. Они почувствовали, как свежий ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как вокруг них разлилось благоухание, деревья зашумели, Тибр зарокотал, звезды засияли, и луна вдруг встала высоко на небе и осветила землю. А с облаков спустились два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август в горделивой радости поднялся, а друзья и рабы бросились на колени.



— Ave, Caesar!<sup>1</sup> — воскликнули они. — Твой дух ответил тебе. Ты — тот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия.

И восторженные клики, которыми славили Августа пораженные люди, были так громки, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видения. Она поднялась с своего места на краю скалы и направилась к кучке людей. Казалось, темное облако поднялось из бездны и понеслось к вершине горы. Страшна была она в своей старости: спутанные волосы висели жидкими космами вокруг ее головы, суставы ее членов были вздуты, потемневшая кожа покрывала тело бесчисленными морщинами, как кора покрывает дерево.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она взяла его за локоть, другой — указала ему на далекий Восток.

— Смотри! — сказала она ему.

И император поднял глаза и стал глядеть.

Пространство разверзлось пред его взором, и они проникли в далекую страну Востока. И он увидел бедное стойло под отвесной скалой и в открытых дверях — несколько коленопреклоненных пастухов. В стойле он увидел мать, преклонившуюся пред младенцем, лежавшим на соломе.

И костлявые пальцы Сибиллы указали на это бедное дитя.

— Ave, Caesar! — сказала Сибилла с презрительным смехом. — Вот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной.

Но Сибиллой овладел могучий дух предвидения. Ее тусклые глаза засветились, руки про-

---

<sup>1</sup> Да здравствует, Цезарь! (лат.)



стерлись к небу, голос преобразился и казался чужим; он стал таким звучным и могучим, что разносился по всей Вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, читала в звездах:

— Поклоняться на высотах Капитолия будут обновителю мира — Христу или Антихристу, — но не ничтожным людям.

Сказав это, она прошла мимо окаменевших от ужаса людей, медленно спустилась с горы и исчезла.

А на следующий день Август строго запретил народу воздвигать ему храм на Капитолии. Вместо этого он построил там храм в честь новорожденного Сына Божия и назвал его «Алтарь Неба» — «Ara Coelli».





## КОЛОДЕЦ МУДРЕЦОВ



а древнюю иудейскую страну спустилась Засуха. Жестокая, неумолимая, проходила она по выжженной траве и поблекшему чертополоху.

Стояло лето. Солнце палило обнаженные склоны гор, малейший ветерок гнал облака известковой пыли по серовато-белой дороге, и изнуренные зноем стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха бродила и отыскивала водохранилища. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что в их скалистых берегах хранилось еще много влаги. Потом она спустилась вниз, к знаменитому колодцу Давида у Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда, шатаясь, попле-



лась она по большой дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим. Пройдя приблизительно полпути, она увидела Колодец Мудрецов, лежавший у самой дороги, и сразу заметила, что он близок к гибели. Засуха села на сруб колодца, высеченный из цельного камня, и заглянула вниз. Блестящая водная поверхность, видневшаяся раньше у самого края колодца, отступила теперь глубоко вниз, а ил и тина со дна загрязнили и замутили ее.

Когда загорелое, обветренное лицо Засухи отразилось в тусклом зеркале воды, на дне колодца послышался жалобный плеск.

— Желала бы я знать, — сказала Засуха, — когда придет твой конец? Едва ли найдутся родники, которые могли бы возродить тебя. А о дожде, слава Богу, еще месяца два-три нечего и думать.

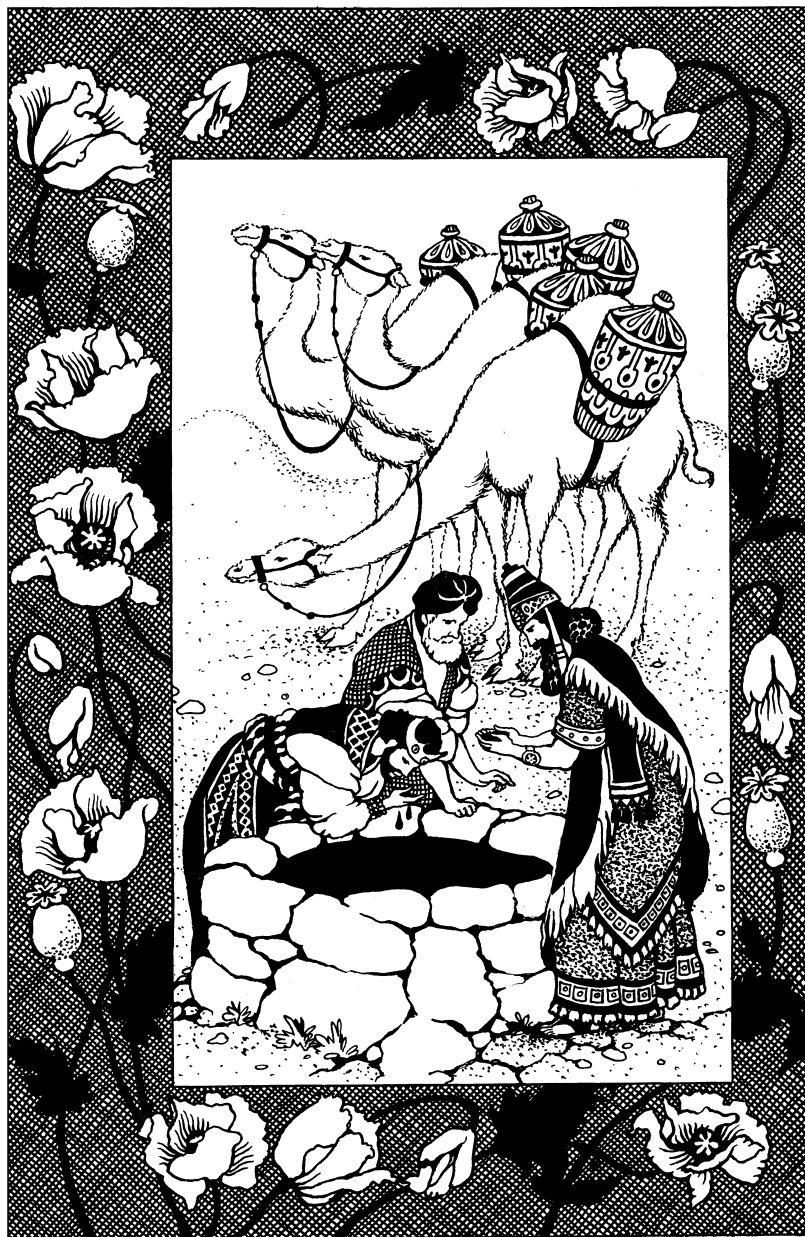
— Успокойся, — со вздохом ответил колодец. — Мне уже ничто не поможет. Спасти меня может только райский ключ.

— Я не покину тебя, пока ты весь не иссякнешь, — сказала Засуха.

Она видела, что древнему колодцу осталось недолго жить, и ей захотелось насладиться зрелищем его смерти, захотелось полюбоваться на то, как жизнь капля за каплей будет покидать его. Она уселась поудобнее на краю колодца и радостно прислушивалась к его предсмертным вздохам. Она ликовала, видя, как измученные жаждой путники подходили к колодцу, опускали в него бадью и вытаскивали ее обратно с несколькими каплями мутной, илистой воды.

Так прошел весь день, и, когда наступили сумерки, Засуха снова заглянула в колодец. На дне виднелось еще немного воды.

— Я просижу здесь всю ночь, — воскликнула она, — не торопись! С восходом солнца я снова



загляну в тебя, и тогда уж наверно в тебе не уцелет ни одной капли!

И Засуха уселась на крыше колодца. Душная ночь, еще ужаснее и мучительнее, чем день, спустилась на Иудею. Ежеминутно раздавался вой шакалов и собак, которому жалобно вторили из своих душных стойл истомившиеся от жажды коровы и ослы. Поднимавшийся по временам ветерок не приносил с собою прохлады, а был зноен и удушлив, как тяжелое горячее дыхание огромного спящего чудовища.

Звезды ярко сияли, и молодой месяц обливал серые холмы мерцающим голубовато-зеленым светом. И при его сиянии Засуха увидала, как большой караван поднимается на холм, где находится Колодец Мудрецов. Засуха всматривалась в приближавшихся путников, и ее снова охватывала радость при мысли о том, что все эти люди, стремящиеся к колодцу в надежде утолить свою жажду, не найдут здесь ни капли воды. В караване было так много животных и людей, что они могли бы вычерпать весь колодец, если бы даже он был полон. Вдруг ей показалось, что в этом караване, путешествующем ночью, есть что-то необычайное и таинственное.

Все верблюды появились как-то вдруг на холме, возвышавшемся над горизонтом, как будто они спустились с неба. При лунном свете они казались крупнее обыкновенных верблюдов и несли как-то слишком легко свою тяжелую кладь.

Но в то же время не могло быть никакого сомнения в том, что это были настоящие верблюды и настоящие живые люди. Засуха могла даже различить, что трое передних животных были кровные дромадеры<sup>1</sup>, с серой лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, роскошные

---

<sup>1</sup> Д р о м а д е р (дромедар) — одногорбый верблюд.



чепраки, а в седлах покачивались красивые знатные всадники.

Караван остановился у колодца, дромадеры в три приема опустили на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды продолжали стоять; к ним подходили другие, и скоро они образовали бесконечную вереницу длинных шей, горбов и искусно привязанных вьюков.

Три всадника тотчас же подошли к Засухе и поклонились ей, приложив, по восточному обычаю, правую руку ко лбу и сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно белые одежды и такие же громадные тюрбаны, на верхушках которых горели лучистые звезды, снятые, казалось, прямо с неба.

— Мы прибыли из далекой страны, — сказал один из чужестранцев, — и просим тебя сказать нам, действительно ли перед нами Колодец Мудрецов?

— Так еще называют его сегодня, — отвечала Засуха, — но завтра здесь уже не будет колодца. Он иссякнет сегодня ночью.

— Я это вижу, потому что ты здесь, — сказал путник. — Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не иссякнут? Иначе зачем бы ему носить это имя?

— Я знаю, что это — священный колодец, — сказала Засуха, — но что же из этого? Три мудреца, от которых он получил свое название, давно ведь в раю.

Три путешественника молча переглянулись.

— А знаешь ли ты историю этого древнего колодца? — спросил один из них.

— Я знаю истории всех колодцев и рек, всех ручьев и источников, — гордо ответила Засуха.

— Так, будь добра, расскажи нам историю этого колодца, священного Колодца Мудрецов, — просили чужестранцы.

И они уселись вокруг Засухи, исконного врага всего живущего на земле, и приготовились слушать.

Засуха откашлялась, выпрямилась, как сказочник, на своем сиденье и начала рассказ:

— В Габесе, в Мидии, в городе, расположенном у самой пустыни и потому являвшемся любимым моим местопребыванием, жили много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. Они были очень бедны, а это могло бы показаться очень странным для Габеса, где знание всегда было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного: один из них был в очень преклонных годах, другой был поражен проказой, а третий был черный толстогубый негр. Люди считали первого слишком старым для того, чтобы что-нибудь извлечь из его мудрости; второго они избегали, боясь страшной заразы, а третьего не хотели и слушать, потому что в Габесе были убеждены, что мудрец не может прийти из Эфиопии.

Нужда сблизила трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, а ночью спали на одной и той же кровле. Не разлучаясь друг с другом, они могли, по крайней мере, коротать время, передавая друг другу все, что им приходилось наблюдать над жизнью и людьми.

Однажды ночью, когда они спали бок о бок на крыше, густо поросшей красными маками, старший из них проснулся и едва открыл глаза, как принялся будить других.

«Да будет благословенна наша бедность, заставляющая нас спать под открытым небом! — воскликнул он. — Проснитесь и взгляните на небо!»

— Это была ночь, — сказала Засуха, несколько смягчив голос, — которую никто не мог забыть. Было так светло, что небо, обычно похожее

на темный свод, казалось глубоким и прозрачным и волновалось, словно море. Свет колебался в нем, и звезды, казалось, плавали на разных глубинах, одни в его светившихся волнах, другие на их поверхности.

И трое мудрецов, вглядываясь в небо, заметили на нем какое-то маленькое пятнышко, спускавшееся с небесных высот, как стрела, пущенная из лука. Приближаясь, оно светило, как светлеют розы — да увянут они все! — когда они распускаются. Пятнышко становилось все больше, темные покровы его постепенно расходились все дальше, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с ближайшей звездой, оно остановилось. Тогда темные краешки совсем отогнулись в сторону, и стали разворачиваться один за другим лепестки дивной звезды, перед розовым сиянием которой побледнели звезды всего небосклона. Когда бедняки увидели это, то мудрость их подсказала им, что в этот час на земле родился царь, который славой своей затмит царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного и расскажем им, что мы видели. Может быть, они наградят нас за это кошельком червонцев или золотым запястьем!»

Они взяли свои длинные дорожные посохи и двинулись в путь. Пройдя через весь город, они остановились в нерешительности у городских ворот: перед ними лежала великая пустыня, которой люди так боятся. Но, вглядываясь в нее, они заметили, что от новой звезды по песку пустыни тянулась узкая полоска света, как бы манившая их за собой. И они доверчиво двинулись в путь, следуя за этой бежавшей впереди их полоской света. Всю ночь шли они по бесконечной песчаной пустыне, беседавая дорогой о молодом

новорожденном царе. Они найдут его, без сомнения, в золотой колыбели, играющим драгоценными камнями... И ночь прошла незаметно в разговорах о том, как царь и царица, родители новорожденного, выйдут к ним навстречу и как они поведают им, что небо предрекает их сыну могущество и силу, красоту и счастье, с которым не сравнится счастье самого Соломона... Они гордились тем, что Бог избрал именно их и указал им чудесную звезду.

«Конечно, — говорили они, — родители новорожденного дадут нам в награду не менее двадцати кошельков золота, а может быть, наградят и так, что нам никогда уже больше не придется знать нужды и лишений».

— Я лежала в пустыне, как лев, подстерегающий добычу, — продолжала Засуха, — так хотелось мне преградить им путь мучениями жажды; но они ускользнули от меня. Всю ночь вела их звезда, а утром, когда небо посветлело и другие звезды погасли, она все еще сияла и освещала пустыню, пока не привела их к оазису, где они нашли родник и финиковые деревья. Там отдыхали они целый день, а едва наступила ночь, как звезда снова засияла розовым светом и, освещая путь мудрецам, повела их дальше. По мнению людей, — продолжала Засуха, — это было чудесное путешествие. Звезда вела их так, что они не страдали ни от голода, ни от жажды. Она вела их мимо колючих кустарников, отводила от глубоких зыбучих песков, охраняла от жгучего солнца и знойного вихря пустыни. Три мудреца то и дело повторяли друг другу: «Бог хранит нас!.. Он благословляет наш путь!.. Мы — послы Его!..» Но мало-помалу я завладевала ими незаметно для них самих, и через несколько дней сердца этих странников превратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они

шли. Души их преисполнились бесплодной гордостью и алчностью.

«Мы послы Божьи, — повторяли трое мудрецов, — отец новорожденного царя должен подарить нам по меньшей мере караван, нагруженный золотом!..»

Наконец звезда привела их к прославленной реке Иордану и заставила подняться на холмы страны иудейской. И однажды ночью она остановилась над маленьким городком Вифлеемом, огни которого виднелись среди зеленых масличных деревьев, покрывавших скалистый холм.

Путники стали озираться и искать пышные дворцы, укрепленные башни, неприступные стены... Но ничто не указывало на близость царской столицы. А хуже всего было то, что звезда привела их даже не в город, а остановилась как раз над какой-то жалкой придорожной пещерой. Нежные лучи ее тянулись к самому входу, и три мудреца, заглянув в глубину пещеры, увидели младенца, тихо спавшего на коленях матери. Но хотя мудрецы и видели, что лучи звезды словно сияющим венцом осеняли головку ребенка, они продолжали в недоумении стоять перед входом. Они не вошли в пещеру, чтобы предсказать малютке славу и царство, а повернули назад и, стараясь ничем не выдать своего присутствия, спустились с холма.

«Разве мы были посланы к нищим, таким же бедным и ничтожным, как и мы? — говорили они. — Разве Бог привел нас сюда, чтобы себе на посмеяние мы предсказали ребенку какого-то пастуха почести и славу? Это дитя всю свою жизнь будет пасти стада в долине!»

Засуха умолкла и как бы в подтверждение своих слов кивнула слушателям.

«Разве я не права? — казалось, спрашивала она. — Есть вещи безжизненнее песков пустыни. Но ничего нет бесплоднее сердца человеческого».





— Три мудреца отошли недалеко, когда им пришло в голову, что, может быть, они ошиблись и сбились с пути, указанного звездой, — продолжала Засуха, — и подняли глаза, чтобы по звезде найти верную дорогу. Но звезда, которая привела их с Востока, уже исчезла с неба.

Три чужестранца, внимательно слушавшие рассказ Засухи, вздрогнули при этих словах, и на лицах их отразилось глубокое страдание.

— Тут, — снова начала рассказчица, — случилось нечто в высшей степени радостное, по крайней мере, если судить об этом так, как судят люди. Не видя больше звезды, мудрецы, конечно, сейчас же поняли, что они согрешили пред Богом. И с ними произошло то же, — продолжала, содрогаясь от отвращения, Засуха, — что бывает осенью с землей, когда наступает пора дождей. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома. Все существо их смягчилось, и смирение пробилось в их сердцах, как пробивается весной первая травка... Три дня и три ночи бродили они по стране в поисках младенца, на поклонение которому вела их чудесная звезда. Но звезда не показывалась на темном ночном небе; они все больше и больше сбивались с пути, и все сильнее охватывала их скорбь. На третью ночь подошли они к этому колодцу, чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжалился над ними и отпустил им их грехи. Наклонившись над колодцем, они увидели в глубине его дрожащее отражение звезды, приведшей их с Востока. Они радостно подняли глаза к небу — звезда по-прежнему сияла над ними, и розовый луч ее снова повел их к пещере в Вифлеем. Там они пали ниц перед ребенком и сказали: «Мы приносим тебе золотые кубки, полные ладана и драгоценных ароматов. Тебе суждено быть величайшим из царей, когда либо правивших

на земле от самого ее сотворения. Приветствуем Тебя, Владыка мира, нашими смиренными дарами!»

Ребенок положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наградил их дарами, какими не мог бы одарить их и самый могущественный царь: престарелый мудрец обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным, белолицым мужем. И говорят, что по возвращении каждый из них сделался царем в своей стране.

Засуха замолчала, кончив свой рассказ, и чужестранцы стали хвалить ее.

— Ты хорошо рассказала, — сказал один из них, — но меня удивляет, что три мудреца ничего не делают для колодца, показавшего им звезду. Неужели они забыли о таком благодеянии?

— Разве этот колодец не должен постоянно оставаться здесь, — сказал второй чужестранец, — чтобы напоминать людям, как счастье, которое теряется на высотах гордости, снова обретается в глубинах смирения?

— Разве умершие хуже живых? — сказал третий. — Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Услышав это, Засуха с воплем бросилась в сторону от пришельцев. Она поняла, кто были эти путники. И, как безумная, она бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца позовут своих слуг, введут на холм верблюдов, нагруженных мехами с водой, и как бедный иссякший колодец наполнится водой, привезенной из рая...



## ВИФЛЕЕМСКИЙ МЛАДЕНЕЦ



Вифлееме у городских ворот стоял на часах римский легионер. На голове у него был медный шлем, у пояса висел короткий меч, а в руке он держал длинное копье. Весь день стоял он почти неподвижно, так что издали его можно было принять за железную статую. Целый день жители входили и выходили из ворот, нищие усаживались в тени под их аркой, торговцы зеленью и вином ставили свои корзины и сосуды на землю возле воина, а он едва поворачивал голову, чтобы взглянуть на этих людей.

«Здесь не на что глядеть, — как бы говорил его презрительный взгляд, — что мне до всех вас, кто работает, торгует и приходит сюда с маслом

и вином! Я хотел бы видеть войско, готовое ударить на врага, видеть беспорядочное смятение при схватке конницы с пехотой! Дайте взглянуть мне на храбрецов, бегущих с осадными лестницами, чтобы взобраться на стены вражеского города! Ничто, кроме войны, не может радовать моего взора. Сверкающий римский орел, блестящее оружие, смятые шлемы, кровавые следы победоносной битвы — вот от чего радостно бьется солдатское сердце!..»

Сейчас же за городскими воротами расстилось великолепное поле, все заросшее лилиями. Легионер стоял здесь каждый день, и взгляд его был направлен как раз на это поле, но ему, конечно, никогда и в голову не приходило обратить внимание на необычайную красоту цветов. Порой замечал он, что прохожие останавливаются и любуются лилиями, и тогда он удивлялся, как могут они тратить время на то, чтобы глядеть на такие пустячные вещи.

«Вот люди, — думал он, — которые не понимают, что действительно прекрасно!»

И он равнодушно смотрел на поля и масличные рощи, окружающие Вифлеем, и отдавался своим любимым мечтам, в которых видел себя в раскаленно-знойной пустыне, под ярким солнцем Ливии... Легион воинов длинной вереницей тянется по желтым пескам. Нигде нет защиты от зноя, нигде не видно признаков воды, конца-края нет пустыне, ничто не говорит о том, что близка цель, для которой предпринят поход. Видит он, как, едва держась на ногах, двигаются вперед легионеры, истомленные голодом и жаждой, видит он, как падают они один за другим наземь, словно подкошенные палящим солнцем. И однако, несмотря на все это, отряд упорно подвигается вперед, не жалуясь, не думая о том, чтобы изменить полководцу и вернуться...

«Вот что прекрасно, взгляните на это, — думал воин, — вот что достойно внимания храброго мужа». Стоя на своем посту изо дня в день на одном и том же месте, легионер имел полную возможность наблюдать прелестных детей, игравших вокруг него. Но с детьми было то же, что и с цветами: дети не привлекали его взора, не смягчали его суровости, и он удивлялся тому, что окружающие с радостной улыбкой смотрят на детские игры.

«Удивительно, — усмехнулся он, — как много охотников попусту радоваться!»

Как-то раз, стоя на своем обычном посту у городских ворот, легионер увидел мальчугана лет трех, прибежавшего поиграть на лугу.

Это было дитя из бедной семьи, прикрытое лишь овечьей шкурой; мальчик играл один-одинешенек. Воин пристально смотрел на мальчика и, сам того не замечая, следил за ним. Первое, что бросилось ему в глаза, — это то, что мальчик так легко бегал по лугу, словно скользил по верхушкам былинки. Когда же он стал затем играть, легионер пришел в еще большее изумление.

— Клянусь моим мечом, — сказал он, — этот ребенок играет не так, как другие дети. Чем это он там забавляется?

Ребенок играл всего в нескольких шагах от него, и ему легко было следить за всем, что делает мальчик. И он увидел, что мальчуган протянул ручку, чтобы поймать пчелку, сидевшую на цветке и до того отягощенную цветочной пылью, что она была уже не в силах улететь. К великому удивлению воина, пчела не только не пыталась улететь с цветка и не жалила ребенка, а, наоборот, охотно далась сама ему в руки.

Крепко держа ее между пальчиками, крошка побежал к городской стене, нашел в одной из ее расщелин улей и оставил там пчелку. Затем он

поспешил на помощь к другой пчеле, и целый день солдат видел ребенка за этой работой — малютка помогал пчелам вернуться в улей.

«Этот мальчик глупее всех, кого я до сих пор видел, — думал про себя воин. — И как это приходит ему в голову помогать пчелам, которые отлично обошлись бы и без него и которые к тому же могут больно его ужалить. Что за человек выйдет из этого ребенка, если только он вырастет...»

Ребенок приходил изо дня в день и играл на лугу, а часовой не переставал удивляться его играм.

И он спрашивал себя: почему за все три года, которые он провел на своем посту, ничто так не привлекало его внимания, как этот глупо забавлявшийся ребенок?

Однако этот мальчик несколько не радовал воина. Напротив, при виде его он вспоминал предсказание одного древнего иудейского пророка, предвещавшего, что наступит время, когда на земле воцарится мир и в течение целого тысячелетия не прольется ни капли крови, не будут вестись войны и люди будут жить друг с другом в любви, как братья. Легионера охватывал ужас при одной мысли о таком отвратительном времени, и он судорожно сжимал свое копьё, как бы ища опоры.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и за его играми, тем чаще думал он о грядущем царствии тысячелетнего мира.

Конечно, он не боялся, что это царство наступит теперь же, но он не любил думать даже и о далеком будущем, которое может отнять у воина шум битвы и военные утехи.

Однажды, когда ребенок играл среди цветов на прекрасном лугу, нависли тучи, и разразился ливень.

Увидав, как большие, тяжелые дождевые кап-

ли падают на нежные лилии, мальчик испугался за судьбу своих прекрасных друзей. Подбегая к самым большим и красивым цветам, он пригибал к земле их жесткие стебли с цветками, подставляя дождевым каплям их наружную сторону. Защитив так один цветок, он перебежал к другому, третьему, четвертому, заботливо наклоняя их, пока наконец не защитил все цветы от ливня.

Легионер едва удерживался от смеха, глядя на всю эту возню мальчугана с цветами.

«Боюсь, что цветы не очень-то будут ему благодарны, — подумал он про себя. — Теперь все стебли, конечно, поломаны. Лилии нельзя так сгибать».

Когда же буря стихла, он увидел, что ребенок снова бегаёт от одной лилии к другой, чтобы их выпрямить. К его безграничному удивлению, ребенок без малейшего труда выпрямил все жесткие стебли, и ни один из них не был ни сломан, ни поврежден. И вскоре все спасенные мальчиком лилии снова засияли во всем своем блеске.

При виде всего этого воина охватило непонятное смущение. «Что это за дитя? — думал он. — Трудно даже поверить, что можно делать такую бессмыслицу. Что за мужчина выйдет из ребенка, который не в состоянии перенести даже вида растоптанной лилии? Что же будет, если ему придется воевать? Что сделал бы он, если бы ему приказали поджечь дом, переполненный женщинами и детьми, или пустить ко дну корабль со всем экипажем?

И опять припомнилось ему древнее пророчество, и он начинал опасаться, что близится время, когда это пророчество начнет сбываться. Раз мог появиться такой мальчик, как этот, значит, это ужасное время недалеко. И теперь уже царит по всей вселенной мир, и, верно, войнам никогда больше не бывать. Отныне все люди будут такие

же, как этот ребенок. Они не только будут бояться навредить друг другу, а даже, больше того, сердце не позволит им погубить пчелу или цветок.

Не станет больше великих героев и славных подвигов. Не будет больше блестящих побед, и доблестный триумфатор не проследует больше к Капитолию. И в мире не будет ничего, о чем бы мог мечтать храбрец. И легионер, до той поры все еще надеявшийся дожидаться новых войн и благодаря геройским подвигам добиться власти и богатства, почувствовал такое раздражение против трехлетнего мальчика, что, когда тот пробежал мимо него, он пригрозил ему копьем.

В один из ближайших дней внимание его привлекла еще новая странность. То была уже не помощь пчелам и цветам; теперь ребенок делал нечто такое, что казалось солдату еще более бессмысленным и нелепым.

Стоял чрезвычайно жаркий день, и солнечные лучи, падая на каску и вооружение легионера, так накаляли их, словно на нем было огненное одеяние. Прохожим казалось, что он должен ужасно страдать от зноя. Налившиеся кровью глаза выступали из орбит, губы потрескались. Но закаленному воину, привыкшему к палящему зною африканских пустынь, это не казалось ничем особенным: ему и в голову не приходило оставить свой пост. Напротив, ему доставляло удовольствие показать прохожим, что он так силен и вынослив, что не нуждается в защите от палящего солнца.

И вот в то время, как он стоял на карауле, заживо жарясь, мальчик вдруг подошел к нему. Он знал, что легионер не относится к числу его друзей, и остерегался подходить к нему на расстояние вытянутого копья. Но тут он вплотную подошел к нему, долго и пристально глядел на него и затем бросился бегом через дорогу. Скоро он



вернулся и принес в горсточке несколько капель воды.

«Неужели же мальчику пришло в голову побежать за водой для меня? — думал воин. — Это уже действительно бессмысленно. Разве римский легионер не сможет вынести легкого зноя? Зачем этому крошке бегать и помогать тем, кто не нуждается в его помощи? Мне не нужно его милосердие. Я хотел бы, чтобы он и все ему подобные совсем не существовали на свете».

Мальчик приближался очень осторожно, крепко сжимая пальчики, чтобы не расплескать и не пролить ни одной капли. Он не отводил глаз от воды и не замечал поэтому, что воин стоит, нахмутив лоб, и негодуя глядит на него.

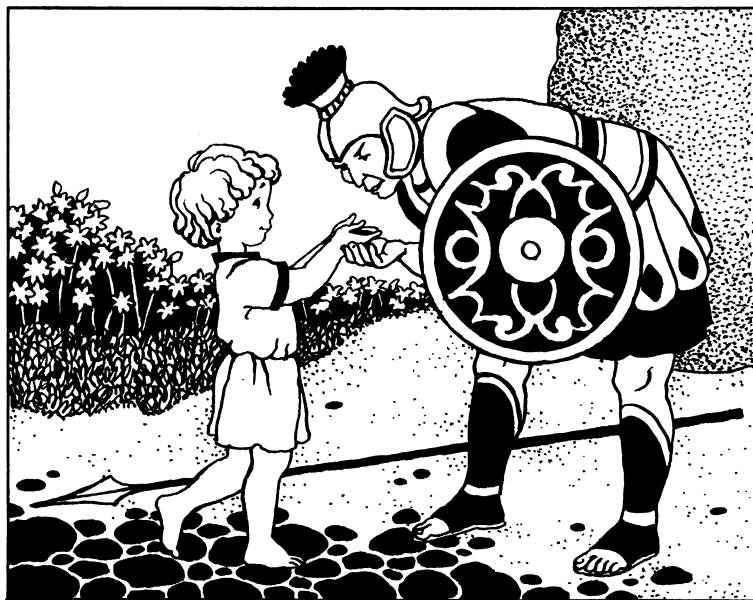
Наконец мальчик остановился перед легионером и предложил ему воду.

Пока он шел, тяжелые светлые локоны ребенка все ниже спускались ему на лоб и наконец упали совсем на глаза. Он несколько раз встряхивал головкой, чтобы откинуть волосы и взглянуть на солдата.

Когда это наконец удалось ему и он увидел суровое выражение на лице часового, он все-таки не испугался, но остался на месте и с очаровательной улыбкой предложил воину освежиться принесенной им водой. Но тот не имел ни малейшего желания пользоваться услугами этого ребенка, на которого смотрел как на своего врага. Он не глядел на прелестное личико ребенка, а продолжал стоять неподвижно, как статуя, не показывая виду, понимает ли он, что хочет сделать для него мальчик.

Ребенок продолжал доверчиво улыбаться, приподнялся на цыпочки и вытянул ручонки так высоко, как только мог, чтобы огромному воину легче было достать воду. Настойчивое желание ребенка помочь ему так оскорбило легионера, что

он замахнулся на крошку копьём. Но в эту минуту перед глазами у него замелькали красные круги, и он почувствовал, что в голове его все пылает. Он ужаснулся при мысли, что умрет от солнечного удара, если тотчас же не найдет себе облегчения. Близость смерти заставила его забыть о всем остальном; он швырнул на землю копьё, схватил обеими руками ребенка, приподнял его и высосал из его ручек всю влагу.



Конечно, ему удалось только смочить язык несколькими каплями, но больше ему и не было нужно. Как только он отведал воды, блаженная прохлада разлилась по его телу, и он не чувствовал больше, как шлем и щит тяготят и жгут его. Лучи солнца утратили свою смертоносную силу. Пересохшие губы часового снова увлажнились, и красные круги перестали мелькать перед его глазами.

Едва успев опомниться, он спустил с рук мальчика, и тот снова побежал играть на лугу.

Теперь только воин пришел в себя и подумал: «Что это за вода, которую принес мне мальчуган? Это был такой чудесный напиток, за который следовало бы хорошенько поблагодарить крошку».

Но так как он ненавидел мальчика, то тотчас отогнал от себя эту мысль.

«Ведь он еще ребенок, — подумал он, — и не знает, почему поступает так или иначе; он просто играет всем, что его развлекает; разве он получает благодарность от пчел или лилий? Не стоит думать об этом малыше; он даже не сознает, что помог мне».

Еще больше вознегодовал на ребенка легионер, когда спустя несколько минут он увидел выходящего из городских ворот начальника римских войск, расположенных в Вифлееме.

«Какой опасности я подверглся, — подумал легионер, — из-за затей мальчугана. Приди Вольтигий немного раньше, он застал бы меня на посту с ребенком на руках».

А начальник подошел прямо к нему и спросил, могут ли они поговорить, будучи уверены, что их никто не подслушает. Он хотел бы сообщить солдату одну тайну.

— Если мы отойдем шагов на десять от ворот, — ответил воин, — нас никто не услышит.

— Ты знаешь, — сказал начальник, — что царь Ирод несколько раз пытался овладеть одним ребенком, который живет здесь, в Вифлееме. Пророки и первосвященники сказали ему, что этот мальчик унаследует его престол и положит основание тысячелетнему царству мира и святости. Ты, конечно, понимаешь, что Ирод хочет избавиться от этого ребенка.

— Конечно, понимаю, — с жаром сказал легионер, — но ведь нет ничего легче этого.

— Разумеется, это было бы легко,— возразил военачальник, — если бы царь знал, к которому из вифлеемских младенцев относится это предсказание.

Глубокие морщины легли на челе воина.

— Жаль, что прорицатели не могут дать ему никакого указания относительно этого.

— Но теперь Ирод придумал такую хитрость, посредством которой он надеется обезопасить себя от малолетнего царя мира, — продолжал начальник, — и обещает щедрую награду всякому, кто захочет помочь ему в этом деле.

— Что Вольтигию угодно будет приказать, будет всегда исполнено без какой-либо платы и награды.

— Спасибо, — ответил начальник. — Теперь выслушай план царя. Он хочет отпраздновать день рождения своего младшего сына, устроив праздник, на который будут приглашены, вместе со своими матерями, все вифлеемские мальчики в возрасте от двух до трех лет. И на этом празднике...

Он вдруг замолк и засмеялся, заметив выражение отвращения, появившееся на лице воина.

— Друг мой, не бойся, — продолжал он, — что Ирод захочет возложить на нас обязанности нянек. Нагнись поближе, и я на ухо доверю тебе его замысел.

Начальник долго шепотом рассказывал что-то легионеру и, кончив, прибавил:

— Мне, конечно, не надо тебе объяснять, что необходимо хранить все это в тайне, иначе все предприятие может разрушиться.

— Ты знаешь, Вольтигий, что на меня ты можешь положиться, — ответил тот.

Когда начальник удалился и воин снова стал на свой пост, он стал искать глазами мальчика.

Тот все еще играл среди цветов, и воин поймал

себя на мысли, что ребенок, словно бабочка, легко и мило движется среди цветов.

Но вдруг воин засмеялся.

«Ну, этот ребенок недолго будет мозолить мне глаза. Он, конечно, тоже будет приглашен на праздник к Ироду».

Весь день он простоял на своем посту, пока не настал вечер, когда нужно было запирать городские ворота. Тогда он направился узкими темными улочками к роскошному дворцу, принадлежавшему Ироду в Вифлееме.

Внутри этого громадного дворца был мощный двор, окруженный зданиями, вдоль которых шли одна над другой три открытые галереи. На верхней из этих галерей — по приказанию царя — должен был состояться праздник для вифлеемских детей. Эта галерея — по повелению царя — превращена была в чудесный сад.

По крыше вились виноградные лозы, с которых свешивались тяжелые гроздья, а вдоль стен и колонн стояли невысокие гранатные и апельсиновые деревья, сгибавшие свои ветви под тяжестью зрелых плодов. Пол был усыпан лепестками роз, лежавших густым мягким душистым ковром; балюстрады, углы, столы и низкие скамейки — все было обвито гирляндами нежных белых лилий. Среди этой рощи цветов скрывались мраморные бассейны, а в их прозрачной воде играли сверкающие золотом и серебром рыбки. По деревьям порхали заморские птицы, а в одной из клеток беспрерывно каркал старый ворон.

К началу торжества дети, в сопровождении матерей, стали собираться в галерею. При входе во дворец малюток наряжали в белые ткани с пурпурными краями и надевали на темнокудрые головки венки из роз. Женщины чинно входили, одетые в красные и голубые ткани, с белыми прозрачными покрывалами, спускавшимися с

высоких шаровидных головных уборов, украшенных золотыми монетами и тонкими цепочками. Одни входили, неся своих детей на плече, другие вели их за руку, некоторые же, чьи дети особенно робели и смущались, держали их на руках.

Женщины садились на пол галереи. Едва они уселись, как появились рабы и поставили перед ними низенькие столы с изысканными яствами и напитками, — все, как полагается на царском пиру.

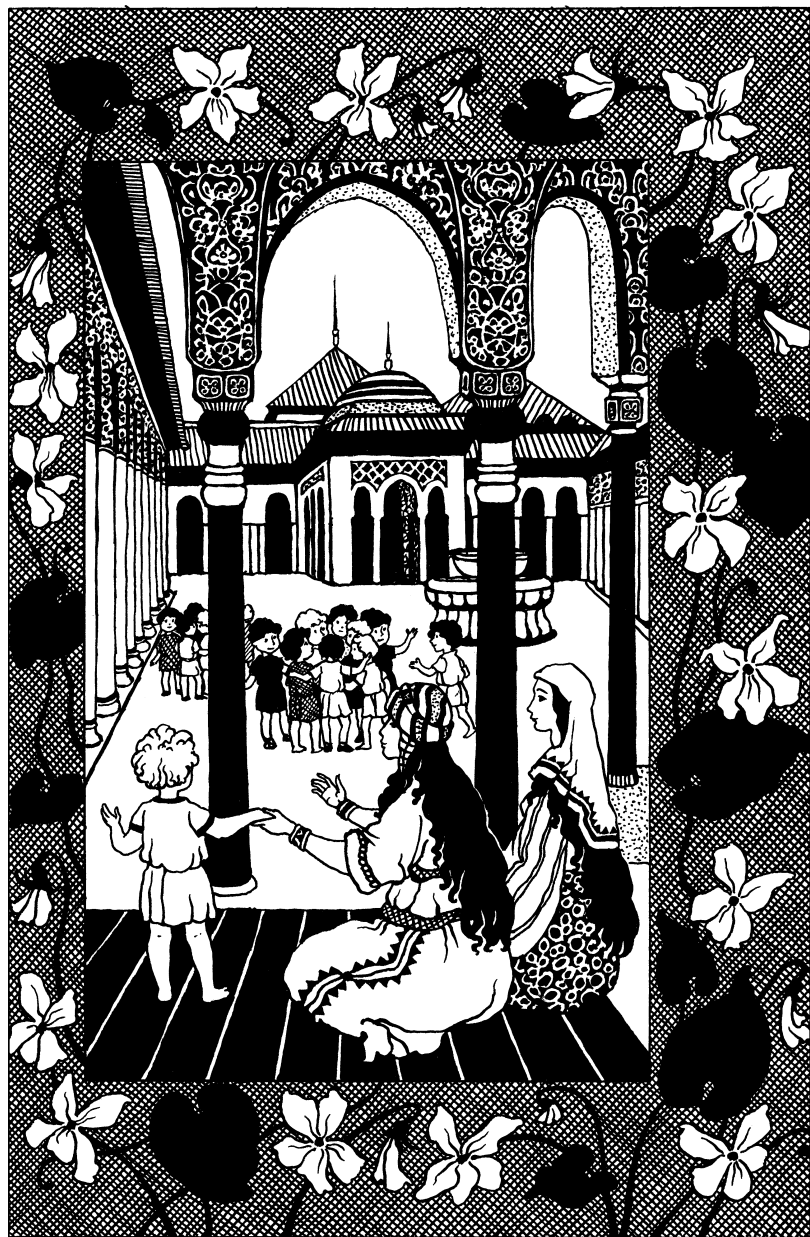
И счастливые матери стали есть и пить, сохраняя по-прежнему горделивое выражение достоинства, составляющее главную прелесть виффлемских женщин.

Вдоль самых стен галереи, почти скрытые гирляндами цветов и фруктовыми деревьями, были выстроены в два ряда воины в полном боевом вооружении. Они стояли совершенно неподвижно, как будто их вовсе не касалось все происходящее кругом. Женщины не могли время от времени не бросить удивленного взгляда на эту толпу вооруженных людей.

— К чему они здесь? — шептали они соседкам. — Разве Ирод думает, что мы не сумеем себя вести, или думает, что нужно такое множество солдат, чтобы сдержать нас?

Другие отвечали шепотом, что, очевидно, все делается так, как и должно всегда быть у царя. Ирод, говорят, на всех своих торжествах наполняет дворец воинами. Теперь же эти вооруженные легионеры стоят здесь на карауле в честь приглашенных.

В начале праздника малютки стеснялись, неуверенно бродили по галерее или робко жались к матерям. Но скоро они оживились, забегали и потянулись за всеми очаровательными вещами, приготовленными для них Иродом.



То было поистине сказочное царство, созданное царем для его маленьких гостей.

Гуляя по галерее, они то находили соты, откуда могли брать мед без боязни быть укушенными пчелами, то им попадались деревья, склонявшие к ним свои отягченные плодами ветви. Далее, в одном углу, они видели фокусника, который в одно мгновение наполнил все их карманы игрушками, а в другом месте появился укротитель, который показывал детям ручных тигров, на которых можно было кататься верхом.

Однако в этом раю, со всеми его очарованиями, ничто так не привлекало внимания детей, как длинный ряд воинов, неподвижно стоявших вдоль стен галереи. Блестящие шлемы, строгие, гордые лица, короткие мечи в богатых ножнах — все это приковывало детские взоры. Играя и шая, дети не переставали следить за воинами, и хотя держались в стороне от них, но страстно хотели подойти поближе к ним, поглядеть, живые ли они и могут ли они действительно двигаться.

Игры и веселье с каждой минутой все разгорались, а воины все продолжали стоять неподвижно, как статуи.

Дети никак не могли понять, как можно стоять так близко от винограда и разных лакомств и не протянуть руки, чтобы достать что-нибудь.

Но вот один из мальчиков не в силах был дольше бороться с любопытством: он осторожно приблизился к одному из закованных в броню воинов, но, так как солдат и тут не вышел из своей неподвижности, мальчик подошел ближе — и наконец так близко, что мог ощупать ремни от сандалий и одежду солдата. И вмиг — как будто прикосновение ребенка было неслыханным преступлением — все эти железные статуи ожили.

С неописуемым зверством накинулись они на



детей и стали их хватать. Одни с размаху бросали малюток через лампы и гирлянды с галереи во двор, где они разбивались о мраморные плиты. Другие обнажили мечи и пронзали сердца детей, некоторые разбивали им головки о стену, а потом бросали маленькие трупки во двор, объятый ночной тьмою.

В первую минуту царила мертвая тишина.

Матери окаменели от ужаса.

Но в следующий миг эти несчастные ясно поняли, что случилось, и с диким воплем отчаяния бросились на палачей.

На галерее еще оставались дети, которых не успели схватить при первом нападении. Воины погнались за ними, а матери бросались на колени перед извергами и ловили голыми руками обнаженные мечи, чтобы отвести смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже убиты, бросались на легионеров, хватали их за горло и пытались задушить, чтобы отомстить за своих малюток.

Среди этого дикого смятения, когда отчаянные крики оглашали дворец и в нем шла жестокая бойня, тот воин, который стоял всегда на посту у городских ворот, стоял, как и всегда, неподвижно, у начала лестницы, ведущей с галереи. Он не участвовал ни в нападении, ни в убийствах; он подымал свой меч лишь против тех женщин, которые, схватив своих детей, пытались спастись по лестнице, — и один его вид, мрачный и непреклонный, был так ужасен, что они предпочитали бросаться через перила или возвращаться назад, чем рискнуть пройти мимо этого солдата.

«Вольтигий был прав, поручив этот пост мне, — думал он, — молодой и легкомысленный воин оставил бы указанное место и бросился бы в общую свалку. Если бы я поддался соблазну и ушел

отсюда, по меньшей мере дюжина детей спаслась бы от гибели».

Вдруг он заметил молодую женщину, которая, схватив ребенка, бегом приближалась к нему. Ни один из легионеров, мимо которых она бежала, не мог ее остановить, потому что все они были заняты борьбой с другими женщинами, и таким образом ей удалось добежать до конца галереи.

«Вот одна все-таки чуть было не спаслась, — подумал воин, — ни она, ни ребенок не ранены. Если бы я не стоял здесь...»

Женщина быстро приближалась к нему, словно на крыльях, и он не успел разглядеть ни ее лица, ни лица ребенка. Он успел только загородить ей путь мечом, и она устремилась прямо на этот меч. Он ожидал, что в следующее мгновение увидит и ее и ребенка пронзенными насквозь.

Но в это время он вдруг услышал над своей головой сердитое жужжание и тотчас же почувствовал жестокую боль в глазу. Эта боль была так остра и мучительна, что он совсем обезумел и меч выпал из его рук. Он схватился рукой за глаз и, поймав пчелу, понял, что это она причинила ему такую невыносимую боль. Мгновенно нагнулся он за мечом, надеясь еще задержать беглецов.

Но маленькая пчелка прекрасно исполнила свое дело. За это время молодой матери удалось спуститься мимо него по лестнице, и хотя он сейчас же побежал за ней, но нигде уже не мог найти ее. Она исчезла.

\* \* \*

На следующее утро тот же легионер с несколькими товарищами стоял на страже у городских ворот. Было еще рано, и тяжелые ворота только что отперли. Но, казалось, никто не ожидал, что

их откроют этим утром, — не видно было даже толпы сельских рабочих, выходявших каждое утро в это время из города. Все жители Вифлеема оцепенели от ужаса после кровавой бойни, и никто не решался выйти из дому.

— Клянусь моим мечом, — говорил воин, вглядываясь в узкую улицу, ведущую к воротам, — мне кажется, Вольтигий неумно распорядился. Лучше бы запереть ворота и приказать обыскать один за другим все дома в городе, пока не нашли бы мальчика, которому удалось убежать с праздника. Вольтигий рассчитывает на то, что родители этого ребенка постараются увезти его отсюда, как только узнают, что ворота открыты; он надеется, что в таком случае удастся захватить ребенка в воротах. Но я боюсь, что это неверный расчет и им очень легко может удастся его спрятать.

И он старался угадать, попытаются ли они провезти ребенка в корзине с фруктами, нагруженной на осла, или в огромном кувшине для масла, или же провезти его в караване среди вьюков.

Обдумывая, как его попытаются перехитрить, воин вдруг увидел, что по улице торопливо идут, приближаясь к воротам, мужчина и женщина. Они шли быстро, боязливо озираясь по сторонам, как будто убегая от угрожающей им опасности. Мужчина держал в руке дубину и так крепко сжимал ее, словно решил силой проложить себе дорогу, если кто-нибудь вздумает остановить его.

Но воин всматривался не столько в мужчину, сколько в женщину. Он заметил, что она была такого же роста, как и та молодая мать, которой удалось вчера проскользнуть мимо него с галереи дворца. Он заметил также, что она перекинула через голову край своей одежды.

«Может быть, она сделала это, чтобы скрыть ребенка?» — подумал он.

Чем ближе они подходили, тем яснее он видел, как обрисовывался ребенок, которого женщина несла на руках под одеждой.

«Я уверен, что это — та самая женщина, которая вчера ушла из моих рук. Конечно, я не заметил ее лица, но узнаю теперь ее фигуру. И вот она идет с ребенком на руках, даже не пытаюсь спрятать его. По правде сказать, я и не смел надеяться на такой счастливый случай».

Мужчина и женщина продолжали торопливо идти к воротам. Они, по-видимому, не ожидали, что их здесь остановят, и вздрогнули, когда легионер, вытянув копьё, загородил им дорогу.

— Почему ты не даешь нам выйти в поле на работу? — спросил мужчина.

— Иди! Только сперва я должен поглядеть, что спрятано у твоей жены под одеждой.

— Что тут смотреть? — ответил тот. — Здесь хлеб и вино, которыми нам придется питаться до вечера.

— Может быть, ты говоришь и правду, — сказал воин, — но если так, отчего же она не хочет показать мне, что такое она несет?

— Я не хочу, чтобы ты это видел, и советую тебе пропустить нас.

И с этими словами муж поднял было свою дубинку, но жена положила руку ему на плечо и попросила:

— Не заводи ссоры, я иначе поступлю, я покажу ему, что несу, и уверена, что он не причинит никакого зла тому, что увидит.

И с гордой и доверчивой улыбкой она обернулась к воину и отвернула край своей одежды. Легионер мгновенно отпрянул назад и закрыл глаза, словно ослепленный ярким сиянием. То, что женщина скрывала под одеждой, сверкнуло перед ним такой ослепительной белизной, что сперва он не мог даже и понять, что же это такое.

— Я думал, что ты держишь на руках ребенка, — сказал он.

— Ты видишь, что я несу, — ответила женщина.

Теперь только воин разглядел, что так ярко и ослепительно светился сноп лилий — тех самых лилий, которые цвели тут же на лугу. Но блеск их был гораздо прекраснее и ярче. Он едва мог глядеть на них. Он сунул руку в цветы, так как не мог отделаться от мысли, что эта женщина несет ребенка, но, кроме нежных цветов, он ничего не нащупал.

Он испытывал горькое разочарование и охотно задержал бы и мужа и жену, но понимал, что не найдет никакого объяснения своему поступку.

Заметив его смущение, женщина сказала:

— Не позволишь ли нам теперь пройти?

И воин молча отвел копьё, которым загородил ворота, и отошел в сторону. А женщина снова закрыла цветы своим платьем, глядя со счастливой улыбкой на то, что держала на руках.

— Я знала, что ты не сможешь причинить нам никакого зла, если только увидишь это, — сказала она воину.

Затем они быстро ушли, а воин продолжал стоять и смотреть им вслед, пока они не исчезли окончательно из виду.

И, следя за ними взглядом, он опять почувствовал уверенность, что эта женщина несла на руках не сноп лилий, а настоящее живое дитя.

Он еще стоял и смотрел вслед путникам, когда услышал вдруг громкий оклик: к нему торопливо приближался Вольтигий с отрядом.

— Задержи их, — кричали они, — запрети перед ними ворота, не дай им уйти!

И, подойдя к воину, они рассказали ему, что напали на след исчезнувшего вчера ребенка. Они

только что искали его в доме, но он снова исчез. Они видели, как родители унесли его. Отец — крепкий седобородый человек, с дубиной в руках, мать — высокого роста женщина, прятала ребенка в складках перекинутой через голову одежды.

В это время к воротам подъехал на прекрасном коне бедуин. Не говоря ни слова, воин бросился к бедуину, сбросил его с коня, сам вскочил в седло и помчался по дороге.

\* \* \*

Прошло несколько дней, а воин все еще продолжал погоню по ужасной гористой пустыне, тянущейся вдоль южной части Иудеи. Он все еще продолжал преследовать трех вифлеемских беглецов и был вне себя от того, что этой бесплодной погоне не предвиделось и конца.

— Кажется, эти люди в самом деле способны провалиться сквозь землю, — ворчал он. — Сколько уже раз в эти дни я подъезжал к ним так близко, что готовился уже пронзить ребенка копьем — и все же они каждый раз скрывались от меня! Я начинаю думать, что мне никогда не удастся их поймать.

Он стал уже терять мужество, как человек, которому кажется, что борется с чем-то, что выше его сил. Он задумывался: быть может, сами боги защищают этих людей от него?

— Вся эта погоня — бесплодный труд. Лучше бы мне вернуться, не то я погибну от голода и жажды в этой мертвой пустыне, — говорил он все чаще и чаще.

Но тотчас его охватывал страх перед тем, что ожидает его по возвращении, если он вернется, не исполнив возложенного на него поручения. Ведь он и так уже два раза упустил ребенка.

Трудно предположить, чтобы Вольтигий или Ирод простили ему это.

«Пока Ирод знает, что хоть один из вифлеемских мальчиков жив, его по-прежнему будет мучить страх, — думал воин. — Вернее всего, что он попытается заглушить свой гнев и муки страха тем, что прикажет меня распять».

Был жаркий полдень, и легионер ужасно страдал, пробираясь верхом среди скалистой, лишенной деревьев местности, по тропинке, которая извивалась змеей в глубоком ущелье, куда не доносилось ни малейшего ветерка.

Лошадь и всадник готовы были упасть от изнеможения. Уже несколько часов, как легионер потерял всякий след и чувствовал еще сильнее, чем когда-либо, упадок духа.

«Я должен отказаться от погони, — думал он. — В самом деле, я думаю, не стоит труда их дальше преследовать. Они неизбежно должны так или иначе погибнуть в этой ужасной пустыне».

Вдруг он заметил в одной из скал, близ дороги, сводчатый вход в пещеру. Он тотчас направил коня к этому входу. «Надо мне немного отдохнуть. Может быть, тогда я с новыми силами примусь опять за погоню».

Когда он хотел войти в пещеру, его поразило необычайное явление. По обеим сторонам входа росли две прекрасные лилии. Они стояли высокие и стройные, неся множество цветов, распространявших одуряющий запах меда. Вокруг цветов летали тучи пчел. Среди мертвой пустыни это было такое необыкновенное зрелище, что и воин сделал необыкновенный для него самого поступок. Он сорвал большой белый цветок и взял его с собой в пещеру.

Пещера была не глубока и не темна, и воин тотчас увидел, что там уже отдыхают три путника. То были мужчина, женщина и ребенок, ко-

торые лежали на земле, погрузившись в глубокий сон. Никогда еще сердце воина не билось так, как при виде этих путников.

Это были как раз те беглецы, за которыми он уже так долго гнался. Он их тотчас узнал. И вот они лежали, спящие, беззащитные, всецело находясь в его власти. Быстро вынул он меч из ножен и наклонился над спящим ребенком. Осторожно направив меч в сердце ребенка, воин приготовился одним ударом покончить с мальчиком.

Уже готовясь заколоть его, он остановился на мгновение, чтобы разглядеть лицо ребенка. Теперь, когда он был уверен в победе, он захотел доставить себе жестокое наслаждение и посмотреть на свою жертву. Но когда он взглянул в лицо ребенку, радость его еще усилилась, так как он узнал в нем того крошечного мальчика, которого видал играющим с пчелами и лилиями на лугу, у городских ворот.

«Конечно, — подумал он, — я давно должен был бы об этом догадаться; потому-то я всегда и ненавидел этого ребенка. Это и есть обещанный пророчеством князь мира».

Он опустил меч, и у него промелькнула мысль: «Если я положу перед Иродом голову этого ребенка, он сделает меня начальником своих телохранителей». И, приближая острие меча все ближе и ближе к спящему ребенку, он радостно говорил:

— На этот раз наконец никто не станет между нами и не вырвет его из моей власти.

Но он все еще держал в руке лилию, сорванную им при входе в пещеру, и вдруг из чашечки ее вылетела спрятавшаяся там пчела и, жужжа, стала кружиться вокруг его головы.

Воин вздрогнул. Он вдруг вспомнил о пчелах, которым помогал когда-то ребенок; ему пришло в голову, что одна из этих пчел помогла мальчику скрыться с праздника Ирода.



Эта мысль поразила его. Он опустил меч, выпрямился и стал прислушиваться к пчеле.

Но вот жужжание насекомого затихло. Продолжая стоять неподвижно, воин вдыхал сильный сладкий аромат, струившийся из лилии, которую он держал в руке. Запах напоминал ему о лилиях, которые мальчик спасал от дождя, и о том, как сноп их скрыл ребенка от его взоров и помог крошке спастись через городские ворота.

Он все больше задумывался и вложил меч обратно в ножны.

«Пчелы и лилии благодарили его за его благодеяния», — пробормотал он про себя.

Он припомнил, что и ему ребенок однажды оказал благодеяние, и густая краска залила его лицо. «Разве может римский легионер забыть оказанную ему услугу?»

Недолго боролся он с собой. Он подумал об Ироде и о собственном своем желании уничтожить юного владыку мира — и решил в душе: «Мне не следует убивать этого ребенка, который спас мне жизнь».

И он наклонился и положил свой меч возле ребенка, чтобы беглецы, проснувшись, узнали, какой опасности они избегли.

В это время ребенок проснулся и глядел на него своими прекрасными очами, сиявшими, как звезды. И легионер преклонил пред ним колени.

— Владыка, Ты — Всемогущий, — сказал он, — Ты — Победитель, Ты — Тот, которого любят боги, Ты — Тот, который может спокойно наступать на скорпионов и змей.

Он поцеловал ножку ребенка и тихо вышел из пещеры; мальчик же продолжал лежать и глядеть ему вслед большими удивленными детскими глазками.



## БЕГСТВО В ЕГИПЕТ



алеко-далеко, в одной из пустынь восточных стран, росла с незапамятных времен пальма.

Она была стара и невероятно высока. Все проходившие через пустыню невольно останавливались и любовались ею, потому что она была гораздо выше остальных пальм, и даже можно было сказать, что она выше обелисков и пирамид.

И вот однажды, когда эта пальма одиноко стояла и созерцала пустыню, она заметила нечто до того удивительное, что могучая вершина ее закачалась от изумления.

Там, в конце пустыни, шли два одиноких путника. Они были на таком далеком расстоянии,

откуда верблюды кажутся не больше муравья, но все-таки это, несомненно, были два человека.

Эти чужестранцы — пальма хорошо знала всех постоянных путников пустыни — были мужчина и женщина, с ними не было ни проводников, ни вьючных животных, ни палаток, ни бурдюков с водой.

«Они пришли сюда, вероятно, чтобы умереть», — подумала пальма. И быстро осмотрелась кругом.

«Удивительно, — продолжала она, — что львы еще не вышли на охоту, завидя добычу. Насколько я вижу, ни один из них даже не пошевелился. Я не вижу и разбойников. Но они, вероятно, еще появятся».

«Им грозят семь видов смерти, — думала она дальше. — Их пожрут львы, ужалят насмерть змеи, их иссушит жажда, погребут пески, на них нападут разбойники, их сожжет солнцем, они погибнут от страха».

И она старалась думать о чем-нибудь другом. Судьба этих людей беспокоила ее.

Но куда ни обращала она свой взор, она видела только то, что было знакомо ей уже тысячи лет.

Ничто не приковывало к себе ее внимания.

И мысли ее снова возвращались к двум путникам.

— Клянусь засухой и бурей! — сказала пальма, призывая в свидетели опаснейших врагов жизни. — Что это несет на руках женщина? Мне кажется, эти безумцы несут с собой и ребенка.

Пальма, которая, как и все старцы, была дальнорозорка, не ошиблась.

Женщина несла на руках ребенка, который спал, положив головку ей на плечо.

— Дитя почти голенькое, — продолжала пальма. — Я вижу, как мать прикрыла его своим пла-

щом. Она второпях схватила его с постельки и отправилась в путь. Теперь я понимаю: это беглецы. Но все-таки они безумцы. Если их не охраняют ангелы, лучше было бы им все претерпеть от врагов, чем отправляться в пустыню.

Я представляю себе, как все это произошло. Муж стоял за работой, ребенок спал в колыбели, а жена вышла за водой. Едва успела она отойти на несколько шагов от двери, как увидела приближавшихся врагов. Она бросилась назад, схватила ребенка, позвала мужа, и они побежали! Целый день провели они в пути, не останавливаясь ни на минуту.

Да, вот как все это произошло.

Но повторяю: если их не охраняют ангелы...

Они так напуганы, что не чувствуют ни усталости, ни других страданий, но я вижу жажду, горящую в их глазах. Мне ли не знать лица человека, страдающего от жажды?

И когда пальма подумала про жажду, судорожная дрожь пробежала по ее высокому стволу, а бесчисленные перышки ее длинных листьев съежились, как от дыхания огня.

— Если бы я была человеком, — говорила она, — я никогда не отважилась бы отправиться в пустыню. Надо быть безумцем, чтобы отважиться идти сюда, не имея корней, простирающихся до неиссякающих родников. Здесь опасно и для пальм. Даже и для такой пальмы, как я!

Если бы я могла им дать совет, я уговорила бы их вернуться. Враги никогда не смогут быть так жестоки к ним, как пустыня. Может быть, им кажется, что в пустыне легко живется. Но я знаю, что даже и мне иногда приходится трудно. Я помню, как еще в молодости ветер нанес на меня целую гору песка. Я едва не задохнулась. Если бы я могла умереть, это был бы мой последний час.



Пальма продолжала думать вслух по привычке одиноких стариков.

— Я слышу какой-то чудный мелодичный шелест в моих ветвях, — говорила она. — Все перышки моих листьев трепещут. Не понимаю, что делается со мной при виде этих бегущих чужестранцев. Эта грустная женщина так прекрасна. Она приводит мне на память самое чудесное явление в моей жизни.



И под мелодичный шелест листьев пальме вспомнилось, как однажды, за много-много лет, этот оазис посетили два знатных путника. Это были царица Савская и премудрый Соломон.

Прекрасная царица возвращалась домой, царь Соломон проводил ее часть пути, а теперь они должны были расстаться.

«На память об этой минуте, — сказала царица, — я сажаю в землю финиковую косточку.

Я хочу, чтобы из нее выросла пальма, которая будет жить и расти, пока в стране Иудейской не родится царь, который превзойдет Соломона».

Сказав это, она посадила косточку и оросила ее своими слезами.

«Почему я вспомнила об этом именно сегодня? — подумала пальма. — Неужели эта женщина напоминает мне своей красотой прекраснейшую из цариц, по слову которой я выросла и живу до нынешнего дня? Я слышу, как листья мои шелестят все громче, и шелест их печален, как погребальная песнь. Они словно предсказывают, что скоро прервется чья-то жизнь. Хорошо, что я знаю, что никогда не умру».

Пальма думала, что печальный шелест ее листьев предсказывает смерть этим одиноким путникам.

Да и они сами, вероятно, думали, что близится их последний час.

Это видно было по выражению их лиц, когда они проходили мимо скелетов верблюдов, лежавших по дороге.

Это видно было по взглядам, которыми они провожали пролетающих мимо коршунов.

Да иначе и быть не могло.

Они должны погибнуть.

Они заметили пальму и оазис и быстро направились к ним в надежде найти воду. Но, придя туда, они остановились в отчаянии, потому что источник иссяк.

Утомленная женщина положила ребенка на землю и стала, плача, на берегу источника.

Мужчина бросился рядом с ней на землю и стал бить по песку кулаками.

Пальма слышала, как они говорили между собой, что им придется умереть.

Она узнала также из их слов, что царь Ирод



велел умертвить всех детей в возрасте от двух до трех лет, боясь, что среди них родился ожидаемый царь иудейский.

«Мои листья шелестят все громче, — думала пальма. — Пришел последний час этих несчастных беглецов».

Она поняла, что оба они боятся пустыни. Муж говорил, что лучше было бы остаться и вступить в бой с воинами, чем бежать от них. Они погибли бы более легкой смертью.

— Бог поможет нам, — отвечала жена.

— Мы беззащитны против хищных зверей и змей. У нас нет ни пищи, ни питья. Как может Бог помочь нам? — Он разорвал в отчаянии свое платье и припал лицом к земле. Он потерял всякую надежду, как человек, смертельно раненный в сердце.

Жена сидела, выпрямившись, охватив руками колени. Но взоры, которые она кидала на пустыню, говорили о безграничном, безутешном отчаянии.

Пальма слышала, как тоскливый шелест в ее листьях становился все громче.

Женщина, вероятно, также услышала его, потому что подняла голову.

И тотчас невольно протянула руки к вершине дерева.

— О, финики, финики!.. — воскликнула она. В ее голосе слышалось такое страстное желание, что пальме захотелось быть не выше дрока, чтобы финики ее было так же легко рвать, как и цветы шиповника.

Она знала, что вершина ее покрыта гроздьями фиников, но как могут достать их люди на такой головокружительной высоте?

Муж уже раньше видел, как высоко висели финики. Он даже не поднял головы и только попросил жену не мечтать о невозможном.







Но ребенок, игравший травками и стебельками, услышал восклицание матери.

Малютке и в голову не приходило, что мать может не получить всего, что только она пожелает. Как только он услышал про финики, он начал пристально смотреть на дерево.

Он думал и соображал, как бы их достать. Лобик его наморщился под светлыми кудрями. Наконец на его личике появилась улыбка.

Он придумал способ.

Он подошел к пальме, ласково погладил ее своими ручонками и сказал нежным, детским голосом:

— Пальма, наклонись! Наклонись, пальма!

Что это? Что случилось?

Листья пальмы шумели, словно по ним пронесся ураган, а по высокому стволу пробежала дрожь. И пальма почувствовала, что малютка сильнее ее.

Она не могла противиться ему. И склонилась своим высоким стволом перед ребенком, как люди склоняются перед властелинами. Пальма нагнулась до самой земли, так что верхушка ее с дрожащими листьями легла на песок.

Ребенок набрал уже много фиников, а дерево все еще продолжало лежать на земле; тогда мальчик подошел к нему, снова ласково погладил его ручкой и нежно сказал:

— Пальма, поднимись! Поднимись, пальма!

И громадное дерево тихо и благоговейно выпрямило свой гибкий ствол, и листья его зазвенели, словно арфа.

— Теперь я знаю, кому они пели песнь смерти, — сказала пальма, когда снова выпрямилась. — Не этим людям.

Муж и жена, стоя на коленях, славили Бога.

— Ты видел нашу печаль и избавил нас от нее. Ты — Всемогущий, сгибающий ствол пальмы,

как тростник! Каких врагов трепетать нам, когда сила Твоя охраняет нас?

Вскоре после этого через пустыню прошел караван, и путники увидели, что вершина пальмы завяла.

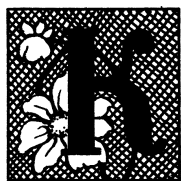
— Как это могло случиться? — сказал один из путников. — Эта пальма должна была умереть, увидав царя, более славного, чем премудрый Соломон?

— Может быть, она и видела его, — ответил другой путник.





## В НАЗАРЕТЕ



Как-то раз, когда Иисусу было еще пять лет, он сидел на пороге мастерской своего отца и из комка глины, которую дал ему гончар, живший на другой стороне улицы, усердно лепил птиц. Иисус был счастлив, как никогда: мальчики говорили ему, что гончар — человек суровый, которого очень трудно упротить. И вдруг он подарил ему глины!

Иисус и сам хорошенько не знал, как это случилось. Он стоял на пороге и пристально смотрел, как работал сосед, и вдруг тот подошел и подарил ему большой ком глины.

На ступеньке лестницы соседнего дома сидел некрасивый рыжий мальчик, Иуда. От постоян-

ных драк лицо его было в синяках, а одежда — в лохмотьях. Но в эту минуту он сидел спокойно, никого не задира, а так же, как и Иисус, занимался лепкой из глины. Но получить эту глину сам он не мог: он старался не попадаться на глаза угрюмому гончару, потому что частенько бросал камнями в его посуду, — и, подойди он попросить глины, гончар прогнал бы его.

Глиной поделился с ним Иисус.

Когда птицы были готовы, каждый из мальчиков поставил их перед собою полукругом. Они имели обычную форму: вместо ног большой серый ком глины, коротенькие хвостики, полное отсутствие шеи и едва заметные крылышки.

Но птицы Иуды были так плохо сделаны, что не могли стоять и сейчас же падали; и как он ни старался придать им красивую форму и устойчивость, маленькие жесткие пальцы его не слушались, и из его работы ничего не выходило. Порой он посматривал в сторону Иисуса и удивлялся, как это он ухитряется вылепливать птиц такими ровными и гладкими, как дубовые листья в лесу Фавора.

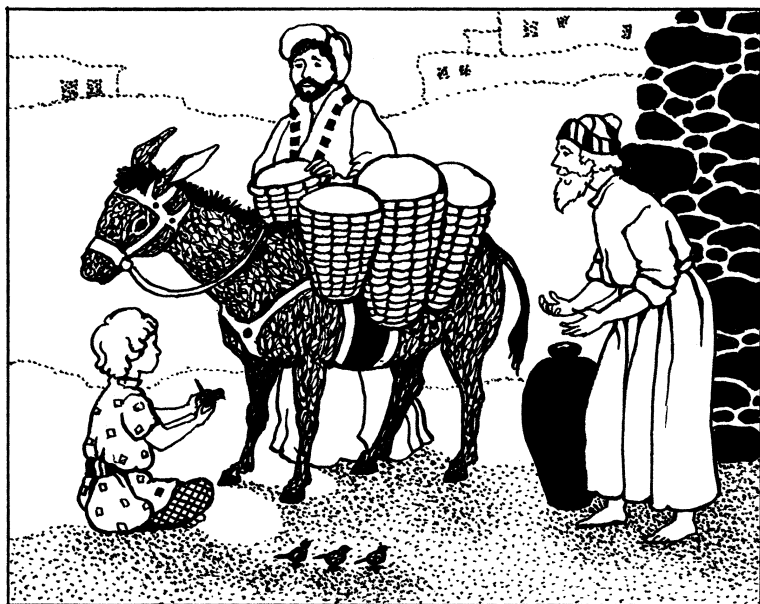
С каждой новой птицей Иисус чувствовал себя все счастливей и счастливей. Одна казалась ему красивее другой, и он с гордостью и любовью смотрел на них, не отрывая взгляда. Они будут товарищами его игр, его маленькими сестренками, будут спать у него в постельке, болтать с ним и петь ему песни, когда мать будет уходить из дому и оставлять его одного. Теперь уж никогда он не будет чувствовать себя одиноким.

В это время мимо мальчиков проходил водонос, согнувшись под тяжестью своей ноши, а следом за ним проехал верхом на осле торговец зеленью, окруженный корзинами. Водонос положил руку на кудрявую головку Иисуса и стал спрашивать его о птичках, и Иисус начал рассказывать, что у каждой из них есть свое имя и что

они умеют петь. Все эти птички прилетели к нему из чужих стран и рассказали ему такие истории, которые знают только они да он. Иисус рассказывал так интересно, что водонос и торговец зеленью заслушались и забыли о своих делах.

Когда они собрались наконец уходить, Иисус показал им на Иуду и сказал:

— А посмотрите, каких хорошеньких птичек сделал Иуда!



И торговец зеленью придержал своего осла и ласково спросил Иуду, есть ли имена у его птиц и умеют ли они петь. Но Иуда упрямо молчал, не отрывая глаз от работы. Торговец зеленью сердито отбросил ногой одну из его птиц и поехал дальше.

Так прошел день. Солнце опустилось так низко, что лучи его проходили уже сквозь низкие, украшенные римским орлом ворота. Криво-

красные лучи заходящего солнца, скользя по узкой улице, окрашивали все по пути в яркий пурпур. Посуда горшечника, доска, скрипевшая под пилою плотника, покрывало на голове Марии — все стало огненно-багровым. Но красивей всего сверкали лучи в лужицах воды между каменными плитами мостовой.

И вдруг Иисус окунул туда свою ручку. Ему пришло в голову раскрасить своих серых глиняных птичек этой чудной краской пурпурных лучей, сверкавших в воде и обливавших заревом стены домов и всю улицу.

Солнечные лучи радостно дали поймать себя, и, когда Иисус провел рукой по глиняным птичкам, они покрыли их алмазным блеском. Иуда громко вскрикнул от восторга, увидав, как Иисус раскрашивал своих птичек солнечным лучом, игравшим в лужице. Иуда сейчас же окунул руку в воду и тоже хотел поймать солнечный луч. Но луч не дался ему и проскользнул между пальцев. И как ни старался он, лучи ускользали от него, и он не мог окрасить своих птиц.

— Пстой, Иуда! — сказал Иисус. — Давай я помогу тебе раскрасить птичек.

— Не надо, — ответил Иуда. — Не смей трогать моих птиц. Они и так хороши!

И он встал, нахмурил лоб, стиснул зубы и вдруг с яростью стал топтать своих птичек. Одна за другой обращались они в комки глины.

Уничтожив всех своих птиц, Иуда подошел к Иисусу, который продолжал красить своих птичек, сверкавших, как драгоценные камни. С минуты Иуда молча разглядывал их, а потом наступил на одну из них.

Когда Иуда увидал, что маленькая птичка превратилась в безобразный комок серой глины, его охватило злорадование, он захохотал и поднял ногу, чтобы раздавить и следующую.



— Иуда! — закричал Иисус. — Что ты делаешь? Ведь это живые птички! Они поют!

Но Иуда продолжал со злости топтать его птичек.

Иисус озирался кругом, ища помощи. Иуда был больше его, и у Иисуса не хватило бы сил удержать его. Он искал глазами мать. Она была недалеко, но, прежде чем она подошла бы, Иуда мог раздавить всех его птиц. Глаза Иисуса наполнились слезами. Под ногами Иуды валялись уже четыре птички. Оставалось всего только три! Иисусу было больно и горько, что птицы лежали неподвижно и не пытались спастись, он захлопал в ладоши, чтобы спугнуть их, и закричал:

— Улетайте! Улетайте!..

И три оставшиеся птички вдруг ожили, замаха-ли крылышками и, робко вспорхнув, перелетели на край крыши, где им уже не грозила опасность.

Иуда, увидав, что птицы по приказанию Иисуса ожили, распустили крылья и полетели, зарыдал, начал рвать на себе волосы и бросился к ногам Иисуса, целуя его колени и умоляя Иисуса раздавить его так же, как он топтал глиняных птиц.

Мария, все время молча следившая за игрой детей, теперь встала, подняла Иуду с земли, посадила к себе на колени и приласкала его.

— Бедный мальчик! — сказала она. — Ты не понимаешь, что ты поступил так, как ни одно живое существо не смеет поступать. Никогда не делай этого, если не хочешь сделаться самым несчастным из людей. Горе человеку, который захочет сравняться с Тем, Кто может солнечные лучи превращать в краску и мертвой глине придавать дыхание жизни!..





## В ХРАМЕ



или некогда двое людей — муж и жена. Однажды они отправились со своим маленьким сыном в Иерусалимский храм. Сын их был необыкновенно красивый ребенок: волосы его ниспадали мягкими локонами, а глаза сияли как звезды.

Мальчика ни разу еще не брали в храм, пока он не подрос настолько, чтобы понимать все окружающее. И теперь родители водили его по храму и показывали все его великолепие.

Там были длинные ряды колонн, золотые алтари; святые мужи сидели на циновках и получали своих учеников; тут можно было видеть и первосвященника с нагрудником из драгоцен-

ных камней; занавеси из Вавилона, затканые золотыми розами; громадные медные двери, которые были так тяжелы, что тридцать человек едва могли отворять и затворять их... Не перечесть всего, чем славился этот знаменитый храм!..

Но мальчика, которому всего было двенадцать лет, мало занимала роскошь и великолепие храма. Мать говорила ему, что все это величайшие редкости во всем мире. Она говорила, что ему еще не скоро придется снова увидеть их: в бедном городке Назарете, где они жили, нечем было любоваться, кроме пыльных улиц.

Но ее рассказы не производили на мальчика большого впечатления. Мальчик, казалось, с удовольствием убежал бы из храма и вернулся играть в узкие улицы Назарета.

Но вот что было удивительно: чем равнодушнее выглядел мальчик, чем рассеянее делался его взор, тем веселее и довольнее становились его родители. Они радостно кивали друг другу за спиной мальчика и, казалось, были вполне счастливы. Наконец мать сжалась над усталым ребенком и сказала:

— Мы ходили слишком долго. Поди отдохни немного!

Она присела у подножия одной из колонн и сказала мальчику, чтобы он лег на пол и положил голову ей на колени. Мальчик охотно ее послушался и сейчас же задремал.

Как только он заснул, жена сказала мужу:

— Ничего я так не боялась, как той минуты, когда он войдет в Иерусалимский храм. Я думала, что, увидя Дом Божий, он захочет навсегда остаться в нем.

— Я тоже боялся этого путешествия, — сказал муж. — При его рождении было немало чудесных знамений, указывавших на то, что ему суждено стать великим царем. Но что принесет

ему с собой даже царский сан, кроме забот и опасностей? Я всегда говорил, что, как для него, так и для нас, лучше всего будет, если он останется простым плотником в Назарете.

— С тех пор как ему минуло пять лет, — задумчиво сказала мать, — с ним не случилось больше никаких чудес. И сам он не помнит ничего из того, что происходило во время его младенчества. Теперь он такой же ребенок, как и все остальные дети. Конечно, да будет на все воля Господня, но я начинаю надеяться, что Бог в Своей милости изберет другого для высоких судеб и оставит мне моего сына.

— Что касается меня, — продолжал муж, — я уверен, что все пойдет хорошо, если он ничего не узнает о знамениях и чудесах, происходивших в первые годы его жизни.

— Я никогда не заговариваю с ним об этом, — отвечала жена. — Но я боюсь, что помимо меня может случиться что-нибудь такое, что откроет ему, кто он. Больше всего боялась я вести его в этот храм.

— Ты можешь успокоиться: опасность минувала, — сказал муж. — Скоро мы снова вернемся в Назарет.

— Я боялась книжников в храме, — продолжала жена. — Я боялась пророков, которые сидят здесь на своих циновках. Я думала, что, когда он появится перед ними, они все встанут и преклонятся пред ним, как перед царем иудейским. Странно, что они не узнали его. Никто из них за всю свою жизнь ведь не встречал такого ребенка.

Она помолчала немного, задумчиво глядя на спящего сына.

— Одного я не понимаю, — снова заговорила она, — я думала, что когда он увидит судей, разбирающих здесь людские распри, книжников, поучающих юношей, или священников, служащих

Господу, то он очнется, и переполнится душа его, и он воскликнет: «Я родился, чтобы жить здесь среди этих судей, книжников и священнослужителей!»

— Что за счастье для него жить в этих галереях? — прервал муж. — Разве он не может бродить по холмам и горам в окрестностях Назарета?

Жена тихо вздохнула.

— Он так счастлив там, дома, — сказала она. — Как любит он ходить со стадами овец на далекие пустынные пастбища, как любит он бродить по полям и смотреть на труды поселян!.. Нет, я не могу и подумать, что мы поступаем нехорошо, стараясь удержать его около себя...

— Мы только избавим его от величайших страданий, — сказал муж.

Так продолжали они тихо беседовать, пока не проснулся мальчик.

— Ну что, — спросила мать, — ты теперь отдохнул? Вставай, наступает уже вечер, и мы должны успеть вернуться к палаткам.

Они находились в это время в самой дальней от входа части здания.

...Немного спустя им пришлось проходить по старинной пещере, которая сохранилась со времен первой постройки храма. Там у стены стоял медный рог, такой большой и тяжелый, что никто не мог поднять его и затрубить. Он был исцарапан и погнут, снаружи и внутри покрыт пылью и затянута паутиной, сквозь которую едва виднелись следы древних письмен. Тысячи лет прошли, и никто не пытался извлечь из него звук.

Увидя громадный рог, мальчик в изумлении остановился.

— Что это такое? — спросил он.

— Это рог, называемый голосом Князей Мира, — отвечала мать. — Им Моисей сзывал детей Израиля, когда они рассеялись по пустыне.



С тех пор никто не мог извлечь из него ни единого звука. Это удастся сделать только тому, под чьей властью соберутся все народы земли.

Женщина с улыбкой, как старую сказку, передавала сыну это предание, но мальчик стоял как очарованный перед громадным рогом, пока мать не позвала его. Из всего, что он видел в храме, ему понравился только этот рог. Он охотно остался бы, чтобы хорошенько разглядеть его.

Пройдя еще немного, они очутились на большом, широком дворе храма.

В одном месте толщу холма, на котором стоял храм, прорезала широкая, бездонная расщелина, образовавшаяся еще в незапамятные времена; когда царь Соломон строил храм, он не велел ее засыпать. Вместо же моста или решетки Соломон приказал укрепить над расщелиной клинок в несколько локтей длины лезвием вверх. Проходили века за веками, текли события, а клинок по-прежнему висел над расщелиной. Его покрыла ржавчина, заклепки его расшатались от времени, а лезвие дрожало и качалось, когда кто-нибудь тяжелой поступью проходил по двору.

Когда мать с сыном дошли до этой расщелины и обходили ее стороной, мальчик спросил:

— Что это за мост?

— Его устроил здесь царь Соломон, — отвечала мать. — Зовется он Райским мостом. Кто перейдет бездну по этому дрожащему клинку, острие которого тоньше солнечного луча, тот может быть уверен, что попадет в рай.

И она улыбнулась и пошла дальше, а мальчик стоял и смотрел на тонкий дрожащий стальной клинок, пока мать не позвала его.

Он со вздохом повиновался ей, сожалея, что она не показала ему этих чудесных вещей раньше, когда он мог хорошенько разглядеть их.

Они шли не останавливаясь до большого входного портика с пятью рядами колонн. Здесь, в углу, возвышались две колонны из черного мрамора. Высокие, величественные, они стояли на одном пьедестале и так близко одна к другой, что между ними едва можно было просунуть соломинку. Вверху их украшали капители с изображениями голов невиданных животных. Все они сверху донизу были покрыты трещинами и царапинами: время попортило их более других колонн. Даже каменные плиты пола вокруг них были стерты больше других, и на них ясно видны были углубления — следы бесчисленных ног множества поколений. Мальчик снова остановил мать вопросом:

— Что это за колонны?

— Их привез в Палестину наш праотец Авраам из далекой Халдейской земли, — ответила мать, — и они называются Вратами Справедливости. Кто может пройти между ними, тот непорочен перед Господом и не совершил ни единого греха.

Ребенок остановился и, широко раскрыв глаза, смотрел на колонны.

— Не хочешь ли ты попробовать пройти между ними? — спросила мать, улыбаясь. — Видишь, как истерт пол кругом них теми, кто пытался пройти через эту щель. Но поверь мне, это еще никому не удалось. Пойдем скорее! Слышишь: уже гремят медные ворота. Их затворяют тридцать служителей храма, упираясь плечами в тяжелые створы...

Всю ночь мальчик пролежал в палатке без сна. Перед его глазами стояли Врата Справедливости, Райский мост и Голос Князей Мира. Он никогда раньше не слышал о таких чудесных вещах. И они не выходили у него из головы.

На следующее утро было то же самое. Он не

мог думать ни о чем другом. В это утро они должны были отправиться в обратный путь. Родителям его было много дела. Они должны были разобрать палатку, уложить все вещи и нагрузить ими верблюда. С ними вместе возвращалось очень много родственников и соседей, и, благодаря тому что сразу столько народа отправлялось в путь, сборы продолжались, конечно, очень долго.

Мальчик не помогал при уборке, а сидел в стороне от шума и суматохи и думал о трех чудесных вещах.

Вдруг ему пришло в голову, что он еще успеет сходить в храм и еще разок взглянуть на них. Сборы в дорогу были еще далеко не окончены. Он успеет вернуться до отъезда.

Он быстро отправился в путь, не сказав никому, куда он идет. Он думал, что этого не стоит говорить. Ведь он скоро вернется обратно.

Вскоре он достиг храма и вошел в галереи, где стояли две черные колонны.

При виде их глаза его засияли от радости. Он опустил перед ними на пол и стал пристально смотреть на них. Он думал о том, что тот, кто может пройти между этими колоннами, непорочен перед Богом и никогда не совершал греха, и ему думалось, что он еще ни разу не видал ничего столь чудесного.

Он думал, как хорошо было бы пройти между ними, но они стояли так близко одна к другой, что напрасно было бы и пытаться. Так просидел он неподвижно целый час и не заметил, как пролетело время. Ему казалось, что он пробыл здесь всего лишь несколько минут.

Но случилось так, что в великолепной галерее, где находился мальчик, собрались судьи Верховного Совета, чтобы разобрать несколько тяжб. Весь портик был полон народа. Одни жаловались на

перестановку межевых камней; другие — на то, что у них из стада увели овец и поместили новыми тавро; третьи пришли с жалобой на должников, не желавших платить долгов.

В числе просителей был один богатый человек в длинной пурпурной одежде. Он привел на суд бедную вдову, которая, по его словам, должна была ему несколько сиклей<sup>1</sup> серебра.

Бедная вдова рыдала и уверяла, что богач несправедливо обвиняет ее: она уже заплатила свой долг и ей нечем платить его вторично. Она так бедна, что если суд приговорит ее к уплате этих денег, то ей придется отдать богачу свою дочь.

Главный судья обратился к богачу и сказал:

— Можешь ли ты поклясться, что эта бедная женщина не заплатила тебе своего долга?

Богач с улыбкой ответил:

— Господин, я — богатый человек. Стал ли бы я утруждать себя и требовать денег у этой бедной вдовы, если бы не имел на это законного права? Клянусь тебе, эта женщина должна мне! Это так же верно, как и то, что никто не пройдет Вратами Справедливости.

Услыхав такую клятву, судьи поверили словам богача и решили, что бедная вдова должна в уплату долга отдать ему в рабыни свою дочь.

Мальчик сидел около них и слышал все. Он подумал про себя: «Как хорошо бы было, если бы кто-нибудь мог пройти через Врата Справедливости! Этот богач, наверное, сказал неправду. Как мне жаль бедную женщину, которой придется отдать дочь в рабыни».

Он вскочил на пьедестал, на котором стояли колонны, и заглянул в скважину.

---

<sup>1</sup> С и к л (щекл) — денежно-весовая единица и серебряная монета Персии и Иудеи.



«Ах, если бы это было возможно!» — подумал он.

Сердце его переполнилось жалостью к несчастной женщине. Он уже не думал о том, что тот, кто пройдет между колоннами, непорочен и безгрешен. Он хотел пройти между ними только ради бедной вдовы.

Он просунул плечо в углубление между колонн, словно желая проложить себе дорогу.

В ту же минуту судьи и народ, окружавший их, обернулись и взглянули на Врата Справедливости, ибо по галереям внезапно пронесся грохот, древние колонны загудели, раздвинулись в стороны: одна направо, другая налево — и гибкое тело мальчика проскользнуло между ними на глазах у всех.

В первую минуту никто не знал, что делать. Народ стоял и в оцепенении смотрел на мальчика, совершившего такое великое чудо. Первым пришел в себя старейший из судей. Он приказал схватить богача и привести его на суд. Судья постановил, чтобы за ложную клятву в храме Божьем богач отдал бедной вдове все свое имущество и золото.

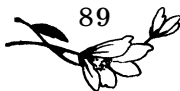
Покончив с этим, судья спросил о мальчишке, прошедшем чрез Врата Справедливости, но, когда бросились его искать, его уже не было.

В ту минуту, когда колонны опять сдвинулись, он словно очнулся ото сна и вспомнил о родителях и об их отъезде.

«Теперь мне надо скорее вернуться, чтобы родители не ждали меня», — подумал он.

Он не знал, что просидел целый час перед Вратами Справедливости. Ему казалось, что он провел перед ними всего несколько минут, и поэтому подумал, что еще успеет взглянуть на Райский мост, прежде чем покинуть храм.

Торопливо проскользнул он через толпу и при-



шел к Райскому мосту, который находился в совершенно другой части огромного храма.

Когда он увидел острый стальной клинок, повисший над бездной, и вспомнил, что тот, кто пройдет по этому мосту, наверное, будет в раю, то подумал, что никогда не видал ничего более удивительного.

И он сел у края расщелины, чтобы получше рассмотреть Райский мост.

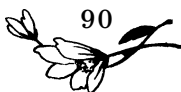
Он сидел и думал о том, как отрадно было бы попасть в рай и с какой радостью перешел бы он через этот мост. Но он хорошо понимал, что нечего было и пытаться сделать хоть один шаг!..

Так сидел он и мечтал, не замечая, как летело время... Уже прошло два часа, а он все еще сидел на том же месте и предавался мечтам о рае. Как раз в той части двора, где находился Райский мост, возвышался большой алтарь для жертвоприношений. Кругом него ходили священнослужители в белых одеждах, поддерживая священный огонь и принимая дары для жертвы. На дворе было много приносивших жертвы и еще больше народу, который только присутствовал при служении Богу.

В числе других пришел принести жертву один бедный старик. Он нес маленького, тощего ягненка, у которого, кроме того, зияла большая рана от укуса собаки.

Старик подошел к алтарю и попросил служителей Бога принести в жертву его ягненка, но они отказали ему, сказав, что такое жалкое животное нельзя принести в жертву Богу. Старик просил сжалиться над ним и принять его приношение, потому что сын его лежал при смерти, а у него нет ничего иного, что он мог бы принести в жертву за его выздоровление.

— Примите моего ягненка, — просил он, —



молитва моя без жертвоприношения не дойдет до Господа, и сын мой умрет.

— Поверь мне, нам очень жаль тебя, — сказал священник, — но закон воспрещает нам принести в жертву раненых животных. Исполнить твою просьбу так же невозможно, как перейти через Райский мост.

Мальчик сидел так близко, что слышал все это. Острая жалость охватила его при мысли, что никто не может перейти этот мост. Может быть, сын старика остался бы в живых, если бы ягненок принесли в жертву.

Убитый горем, старик пошел со двора храма. Мальчик поднялся, подошел к дрожащему мосту и поставил на него ногу.

Он не думал о том, что если он перейдет мост, то, наверное, попадет в рай. Все его мысли были заняты стариком, которому он хотел помочь.

Но он отдернул ногу, подумав: «Это невозможно. Мост слишком стар и весь заржавел. Он не выдержит меня».

Но тут он вспомнил о старике, сын которого лежал при смерти. И он снова ступил на стальной клинок.

На этот раз ему показалось, что мост больше не дрожит и становится под его ногой как бы шире и надежнее.

А когда он сделал еще шаг, то почувствовал, что окружающий воздух поддерживает его и не дает ему упасть. Он нес его, словно мальчик был птицей и имел крылья.

Как только мальчик ступил на висящий клинок, раздался дрожащий нежный звук. Один из стоявших на дворе, услышав этот звук, обернулся. Он громко вскрикнул, и тогда все обернулись и увидели мальчика, идущего по Райскому мосту.

Все, видевшие это, пришли в смятение. Первыми опомнились священники. Они сейчас же

послали воротить бедняка и, когда он пришел, сказали ему:

— Бог сотворил чудо, чтобы показать нам, что Он принимает твой дар. Давай сюда твоего ягненка, мы принесем его в жертву!

После этого они спросили о мальчишке, перешедшем через бездну. Но когда стали искать его, то не могли больше найти.

Как только мальчик перешел бездну, он вдруг вспомнил об отъезде и о родителях. Он не знал, что утро уже прошло и наступил день, и думал: «Мне надо спешить обратно, чтобы они не ждали меня. Только взгляну еще разок на Голос Князей Мира».

Он проскользнул в толпу и быстрой, легкой поступью поспешил в полутемную галерею, где стоял у стены медный рог.

Когда он увидел и вспомнил, что тот, кому удастся извлечь из него звук, соберет под своей властью все народы земли, — он забыл обо всем, опустился на каменный пол возле чудесного рога и не мог оторвать от него своего взора.

Он думал о том, какая слава, величие и могущество ждут того, кто подчинит своей власти все народы земли, заставив зазвучать Голос Князей Мира. И все существо его было охвачено одним желанием — затрубить в чудесный рог... Но он был убежден, что это невозможно, и даже не решился попытаться.

Так просидел он несколько часов, не замечая, как идет время, и думая только о том, что должен чувствовать человек, соединивший под своей властью все народы земли.

Между тем в этой прохладной галерее сидел святой старец и поучал своих учеников. И вот он обратился к одному юноше, сидевшему у его ног, и сказал ему, что он обманщик. Мудрость открыла святому старцу, что этот юноша был чужест-

ранец, а не израильтянин. И святой спросил юношу: зачем он проник в число его учеников под чужим именем?

Тогда поднялся юноша чужестранец и сказал, что он прошел пустыни и переплыл безбрежные моря, чтобы услышать истинную мудрость — учение об едином Боге.

— Душа моя изнемогала от ненасытного желания, — сказал он святому. — Но я знал, что ты не захочешь просветить меня, если я скажу, что я не израильтянин, поэтому я солгал тебе, чтобы попасть в число учеников твоих и утолить жажду знания истины. И я прошу тебя: позволь мне остаться.

Но святой поднялся и, гневно потрясая рукой, поднятой к небу, воскликнул:

— Ты не можешь остаться среди нас, как никто не может поднести к губам большой медный рог, называемый Голосом Князей Мира, и затрубить в него! Ты не смел даже войти в эту часть храма, потому что ты язычник. Уходи отсюда, или ученики мои бросятся на тебя и растерзают тебя, ибо ты оскверняешь своим присутствием храм.

Но юноша стоял не двигаясь и сказал:

— Я не уйду отсюда, где душа моя находит себе пищу. Лучше я умру у твоих ног.

Едва он произнес эти слова, как ученики святого вскочили и бросились на него.

И когда он стал защищаться, они повалили его и хотели убить.

Мальчик сидел совсем близко, он все видел и слышал, и душа его переполнилась скорбью и страхом за жизнь юноши. «О бессердечные люди! — подумал он. — Если бы я мог затрубить в рог и спасти несчастного!»

В волнении он вскочил и положил руку на рог. В эту минуту он хотел поднести его к губам не

для того, чтобы стать великим царем, но потому, что надеялся спасти жизнь юноши.

Он обхватил рог своими маленькими руками и попробовал приподнять его.

И вдруг почувствовал, что громадный рог сам поднимается к его губам. И как только дохнул он в него, древний Голос Князей Мира зазвучал и наполнил весь храм мощными трубными звуками.



Тогда все оглянулись и увидели, что какой-то мальчик держит огромный рог в руках и трубит в него так, что дрожат своды и колонны.

В одно мгновение все собравшиеся побить чужестранца опустили руки, а святой учитель сказал юноше:

— Пойди и сядь у моих ног, где ты сидел раньше! Бог сотворил чудо, чтобы показать мне, что Он хочет, чтобы ты познал учение истинной веры в Него!

Когда день склонялся к вечеру, муж с женой поспешно возвращались в Иерусалим. Испуганные, взволнованные, они еще издали кричали всем, кто шел им навстречу:

— Мы потеряли сына! Мы думали, что он ушел с родственниками или соседями, но никто из них не видал его. Не видали ли вы по дороге заблудившегося мальчика?

Люди, шедшие из Иерусалима, отвечали им:

— Нет, мы не видели вашего сына. Но в храме мы видели чудесного мальчика. Он похож на ангела небесного и прошел чрез Врата Справедливости.

Они охотно рассказали бы все подробно, но у родителей не было времени их слушать.

Пройдя еще немного, они встретили других прохожих и обратились к ним с тем же вопросом. Но люди, шедшие из Иерусалима, твердили только о прекрасном ребенке, словно сошедшем с неба, который прошел по Райскому мосту.

Им хотелось остановиться и до самой ночи говорить об этом, но мужу с женой некогда было их слушать — они спешили в город.

Они ходили взад и вперед по улицам и нигде не находили сына. Наконец они дошли до Иерусалимского храма. И жена сказала своему мужу:

— Раз уж мы здесь, войдем и посмотрим, что это за ребенок, о котором все говорят, что он словно сошел с неба!

Они вошли и спросили, где бы им увидеть ребенка, совершившего чудо.

— Идите прямо туда, где сидит с учениками святой учитель. Там и мальчик. Старцы посадили его рядом с собой, они спрашивают его, и он задает им вопросы, и все дивятся на него. И весь народ стоит на дворе храма, чтобы хоть взглянуть на того, кто поднес к своим устам Голос Князей Мира.

Муж и жена пробрались через толпу и увидели, что ребенок, сидевший среди мудрецов, был их сын.

Как только жена узнала мальчика, слезы полились из ее глаз.

И мальчик, сидевший среди мудрых мужей, услышал ее рыдания и узнал голос матери. Он встал и подошел к ней. Отец и мать взяли мальчика и увели из храма.

Но мать все время не переставала плакать, и сын спросил ее:

— О чем ты так плачешь? Ведь я же подошел к тебе, как только услышал твой голос?

— Как же мне не плакать? — отвечала мать. — Я думала, что потеряла тебя.

Давно городские ворота остались позади них, наступила уже темнота, а мать все продолжала плакать.

— Почему ты плачешь? — спросил мальчик. — Я не знал, что день уже прошел. Я думал, что еще утро... а как только услышал твой голос, я подошел к тебе.

— Как же не плакать мне? — сказала мать. — Я искала тебя целый день. Я думала, что навсегда потеряла тебя.

Всю ночь шли они, и, когда начало светать, мальчик, увидев лицо матери в слезах, сказал ей:

— Ты все еще плачешь? О чем же? Верь мне, я сделал это не ради собственной славы. Бог помог мне совершить эти чудеса, потому что Он хотел помочь этим несчастным людям. А как только я услышал твой голос, я вернулся к тебе.

— Дитя мое, — ответила мать, — я плачу так горько оттого, что навеки теряю тебя. Ты уже не принадлежишь мне. С этого дня стремлением твоей жизни будет справедливость, твоей заветной мечтой — рай и любовь твоя обратится на всех несчастных, населяющих землю.





## ПОКРЫВАЛО СВЯТОЙ ВЕРОНИКИ



В один из последних годов царствования императора Тиберия какой-то бедняк виноградарь поселился с женой высоко в Сабинских горах в одиноко стоявшей хижине. Они были здесь пришельцами, жили очень уединенно, и никто никогда не посещал их. Но однажды утром виноградарь, отворив дверь своей хижины, увидел, к своему удивлению, что у порога сидит, сгорбившись, старая женщина. Она куталась в простой серый плащ и казалась очень бедной. Однако когда она поднялась и обернулась к нему, то вид ее показался ему таким благородным, что он невольно вспомнил сказания о богинях, которые иногда являются людям в образе старой женщины.

— Друг мой, — сказала старуха виноградаря, — не удивляйся, что я эту ночь проспала здесь, у порога... Родители мои жили в этой хижине, и я родилась в ней почти девяносто лет тому назад. Я думала, что найду ее пустой и брошенной. Я не знала, что люди снова поселились в ней.

— Неудивительно, — ответил тот, — что ты думала найти необитаемой и брошенной эту хижину, приютившуюся среди диких скал на такой высоте! Но я и жена моя пришли из далекой страны, и, бедные чужестранцы, мы не могли найти лучшего пристанища. Для тебя же, проголодавшейся и уставшей после длинного пути, в твои годы, конечно, приятнее найти в этой хижине людей, а не наткнуться в ней на волков Сабинских гор. У нас ты найдешь постель, на которой можешь отдохнуть, и чашку козьего молока с куском хлеба, если только это тебе угодно.

Старуха слегка улыбнулась, но эта улыбка не могла согнать выражения затаенной скорби, лежавшей на ее лице.

— Я прожила всю мою юность здесь, в горах, — сказала она. — Я еще не забыла, как выжить волка из его берлоги.

И действительно, она выглядела еще крепкой и сильной, и виноградарь не сомневался, что, несмотря на свою глубокую старость, она сохранила еще достаточно силы, чтобы вступить в борьбу с диким зверем.

Однако он снова повторил свое приглашение, и старуха вошла в хижину. Она присела к завтраку бедняков и без уговоров приняла в нем участие. Она осталась очень довольна едой — грубым хлебом, размоченным в молоке, — но муж и жена не переставали думать: «Откуда могла забрести к нам эта странница? Она, наверное, чаще ела фазанов на серебряных блюдах, чем пила козье молоко из глиняной кружки».

По временам старуха поднимала глаза от еды, как бы припоминая постепенно эту хижину. Бедная обстановка, голые глиняные стены, истоптанный пол, конечно, очень сильно изменились. Она даже показала теперешним хозяевам на сохранившиеся еще кое-где на стенах следы изображений собак и оленей, которых рисовал там ее отец, чтобы позабавить своих малюток. А наверху, на полке, она как будто нашла черепки глиняного сосуда, из которого когда-то сама пила молоко.

Но муж и жена думали про себя: «Возможно, конечно, что она родилась в этой хижине; а уж позже занималась не доением коз и приготовлением сыра».

Они заметили также, что часто мысли ее уносятся куда-то далеко и что каждый раз, когда она приходит в себя, она тяжело и печально вздыхает.

Наконец встали из-за стола. Старушка приветливо поблагодарила за оказанное ей гостеприимство и направилась к двери.

И вдруг она показалась виноградарю такой жалкой, одинокой и бедной, что он сказал:

— Если я не ошибаюсь, то, взобравшись вчера ночью к этой хижине, ты вовсе не думала так скоро покинуть ее. Если ты действительно так бедна, как кажется, то ты, вероятно, надеялась провести здесь оставшиеся годы твоей жизни... А теперь ты собираешься уйти, потому что мы, моя жена и я, уже поселились в этой хижине.

Старуха не стала отрицать, что он угадал ее желание.

— Но, — добавила она, — эта хижина, стоявшая столько лет заброшенной, принадлежит тебе столько же, сколько и мне. Я не имею никакого права выгонять тебя отсюда.

— Но ведь это хижина твоих родителей, — ответил виноградарь, — и у тебя на нее, конечно, больше прав, чем у нас. Кроме того, мы —

молоды, а ты — стара. Поэтому ты оставайся, а мы уйдем.

Услыхав это, старуха крайне удивилась. Стоя уже на пороге, она обернулась и пристально посмотрела на виноградаря, как бы не понимая, что хотел он этим сказать.

Но тут в разговор вмешалась молодая женщина.

— Если мне позволено будет высказать свое мнение, — обратилась она к мужу, — я просила бы тебя спросить эту старую женщину, не пожелает ли она смотреть на нас, как на своих детей, и не позволит ли она нам остаться здесь и заботиться о ней. Что пользы в том, что мы уступим ей эту хижину и затем оставим ее здесь одну? Для нее было бы ужасно жить одинокой в горах. И чем стала бы она жить? Это значило бы обречь ее на голодную смерть.

Тут старуха приблизилась к мужу и жене и испытующе взглянула на них.

— Отчего вы так говорите со мной? — спросила она. — Почему вы так ко мне сострадательны? Ведь вы же чужестранцы!..

Тогда молодая женщина ответила:

— Потому что мы сами встретили однажды в жизни великое сострадание!..

\* \* \*

Таким образом старуха поселилась в хижине виноградаря и скоро очень привязалась к молодой чете. Однако она никогда не говорила им, откуда она пришла или кто она, и они чувствовали, что ей бы не понравилось, если бы они стали ее расспрашивать.

Однажды вечером, окончив работы, они сидели втроем на большом плоском обломке скалы, лежавшем перед хижинкой, и ужинали; вдруг они увидели поднимавшегося по тропинке старика.

Это был человек высокого роста, крепкого сложения, широкоплечий, как борец. Лицо его было мрачно и жестоко. Лоб резко выступал над глаубоко запавшими глазами, и в линиях рта сквозило разочарование и презрение.

У него была военная выправка и быстрые движения. Старик был просто одет, и виноградарь, завидев его, подумал: «Это старый легионер, получивший отставку; он идет теперь на родину».

Приблизившись к ужинавшим, старик в нерешительности остановился. Виноградарь, знавший, что дорога сейчас за хижиной кончается, положил ложку и обратился к нему:

— Ты, верно, сбился с дороги, путник, что пришел к этой хижине? Обыкновенно никто не забирается сюда, если только у него нет дела до кого-нибудь из нас, живущих здесь.

В это время старик подошел ближе.

— Ты прав, — сказал он, — я потерял дорогу и теперь не знаю, как мне пройти. Я буду тебе благодарен, если ты позволишь мне отдохнуть здесь и потом укажешь, как добраться до деревни.

С этими словами он опустился на один из камней, лежавших перед хижиной. Молодая женщина предложила ему поужинать с ними, но от этого он с улыбкой отказался; зато, видимо, очень охотно стал беседовать, пока они ели. Он спросил молодых людей об их образе жизни и занятии, и они ему приветливо и откровенно отвечали.

Но вот виноградарь, в свою очередь, обратился к путнику и стал его расспрашивать.

— Ты видишь, — сказал он, — как замкнуто и одиноко мы живем. Уже целый год, как я ни с кем не говорил, кроме пастухов и виноградарей. Не можешь ли ты, пришедший, конечно, из какого-нибудь лагеря, рассказать нам что-нибудь о Риме и императоре?

Едва муж произнес эти слова, как жена заметила, что старуха бросила на него предостерегающий взгляд и сделала рукой знак, как бы давая понять, что надо всегда осторожно относиться к своим словам.

Путник же очень дружелюбно ответил на вопрос:

— Я вижу, что ты принимаешь меня за легионера, и ты действительно отчасти прав, хотя я уже давно оставил службу. В царствование Тиберия для нас, военных, немного было работы. А ведь он был когда-то великим полководцем! Это было порою его счастья... Теперь же он только и думает о предупреждении заговоров. Весь Рим говорит о том, что на прошлой неделе он приказал, по самому ничтожному подозрению, арестовать сенатора Тита и казнить его.

— Бедный император! — воскликнула молодая женщина. — Он перестал понимать, что делает. — Она заломила руки и с сожалением и удивлением покачала головой.

— Ты в самом деле права, — ответил старик, и глубокое огорчение отразилось на его лице. — Тиберий знает, что все его ненавидят, и это еще больше сводит его с ума.

— Что ты говоришь! — воскликнула молодая женщина. — За что нам его ненавидеть? Мы только жалеем, что он перестал быть великим императором, каким был в начале своего царствования.

— Ошибаешься, — сказал старик, — все презирают и ненавидят Тиберия. Да и как же иначе? Он ведь только жестокий, не знающий пощады тиран. И в Риме думают, что в будущем он станет еще невыносимее, чем теперь.

— Разве случилось что-нибудь такое, что может превратить его в еще большее чудовище? — спросил простосердечно виноградарь.

И снова молодая женщина заметила, что при этих словах ее мужа старуха вторично сделала ему знак быть осмотрительнее, но так осторожно, что он не заметил.

Старик спокойно ответил, но в то же время на губах его скользнула странная улыбка.

— Ты, вероятно, слышал, что Тиберий до сих пор имел около себя друга, которому он мог довериться и который всегда говорил ему правду. Все прочие, живущие при его дворе, — искатели счастья и льстецы, одинаково превозносящие его злые и низкие поступки, как и добрые и благородные дела. Но было, как я сказал, одно существо, которое никогда не боялось открывать ему глаза на его поступки. Этот человек, имевший больше мужества, чем сенаторы и полководцы, была старая кормилица императора, Фаустина...

— Да, я слышал о ней, — прервал виноградарь. — Говорили, что император всегда был к ней очень расположен.

— Да, Тиберий умел ценить преданность и верность этой женщины. Он относился, как ко второй своей матери, к этой простой крестьянке, вышедшей когда-то из жалкой хижины в Сабинских горах. Пока он сам пребывал в Риме, она жила в отдельном доме на Палатинском холме, чтобы быть всегда вблизи императора. Ни одна из знатных римских матрон не жила лучше ее. Ее носили по улицам на носилках, и одевалась она как императрица. Когда император переселился на остров Капри, она должна была его сопровождать, и он велел купить ей там виллу со множеством рабов и драгоценной утвари.

— Ей действительно жилось хорошо, — снова вставил виноградарь, который один только и поддерживал разговор с гостем.

Жена его сидела молча и с удивлением следила

за переменной, происшедшей со старухой. С тех пор как пришел путник, она не проронила ни слова. Она совсем утратила свое обычное приветливое и мягкое выражение. Отодвинув от себя еду, сидела она теперь прямо, словно застывшая, прислонясь к двери и глядя в пространство, а лицо ее стало строгим и как бы окаменевшим.

— Такова воля императора, чтобы она жила счастливо, — сказал старик, — но, несмотря на все эти благодеяния, она теперь оставила его.

При этих словах старуха вздрогнула, но молодая женщина ласково погладила ее и, обратившись к старику, сказала своим мягким, нежным голосом:

— Я все же не могу поверить, чтобы старая Фаустина была так счастлива при дворе, как ты это описываешь. Я уверена, что она любила Тиберия, как собственного сына. Я представляю себе, как гордилась она его благородной юностью, и также могу представить, как велико было ее горе, когда он под старость отдался во власть подозрительности и жестокости. Она, наверное, каждый день говорила ему об этом и останавливала его. Ужасно тяжело было ей видеть, что все ее мольбы тщетны. И наконец, она не в силах была видеть, как он все глубже и глубже падает.

При этих словах старик удивленно придвинулся ближе, но он не мог разглядеть молодую женщину. Она сидела с опущенными глазами и говорила очень тихо и грустно.

— Ты, быть может, права в том, что ты говоришь о старухе, — ответил он. — Фаустина в действительности не была счастлива при дворе. И все-таки странно, что она оставила императора в старости, после того как у нее хватило терпения оставаться около него в течение всей жизни.

— Что ты говоришь!.. — воскликнул виноградарь. — Старая Фаустина покинула императора?



— Она скрылась с острова Капри, никому не сказав об этом ни слова, — ответил путник. — Она ушла такой же нищей, какой пришла. Она не взяла с собой ничего из своих сокровищ.

— И император в самом деле не знает, куда она ушла? — спросила молодая женщина.

— Нет, никто точно не знает, куда направилась старуха, но считают очень вероятным, что она отправилась искать убежища в родных горах.

— И император не знает причины, заставившей ее уйти от него? — продолжала спрашивать молодая женщина.

— Нет, император не знает причины. Ведь не может же он поверить, что она покинула его потому, что он как-то раз сказал ей, что она служит ему, чтобы получать плату и подарки, как и все остальные. Она ведь знает, что он никогда не сомневался в ее бескорыстии. Он все еще надеялся, что она добровольно к нему вернется, потому что никто лучше ее не знает, что у него теперь совсем нет друзей.

— Я не знаю ее, — сказала молодая женщина, — но думаю, что могу все-таки тебе сказать, почему она ушла от императора. Эта старая женщина воспитана была здесь в простоте и благочестии, и ее всегда влекло назад, сюда. Но все же она, конечно, никогда не оставила бы императора, если бы он не оскорбил ее. И я понимаю, что после этого она наконец сочла себя вправе подумать о себе самой, так как дни ее уже близятся к концу. Если бы я была бедной женщиной, родившейся в горах, и я бы, вероятно, так же поступила, как она. Я сказала бы себе, что довольно сделала, прослужив моему господину всю жизнь. Я ушла бы наконец от роскоши и царской милости, чтобы дать душе моей насладиться истиной и правдой, перед тем как она меня оставит и направится в свой далекий путь.

Старик окинул молодую женщину мрачным и печальным взглядом.

— Ты не думаешь о том, что жизнь императора станет теперь страшнее, чем когда бы то ни было раньше. Теперь не стало более никого, кто мог бы его успокоить, когда им овладевают недоверие и презрение к людям. Ты только подумай, — и старик мрачным взглядом впился в глаза молодой женщины, — во всем мире нет теперь человека, которого бы он не ненавидел, которого бы он не презирал, ни одного!..

Когда он произнес эти слова горького отчаяния, старуха сделала резкое движение и обернулась к старику, но молодая женщина посмотрела путнику прямо в глаза и ответила:

— Тиберий знает, что Фаустина снова вернется к нему, как только он этого пожелает. Но она должна раньше знать, что старым глазам ее не придется видеть при дворе его порока и бесстыдства.

При этих словах они все поднялись, но виноградарь и его жена стали впереди старухи, как бы защищая ее.

Незнакомец не произнес больше ни слова, но устремил на старуху вопросительный взгляд.

«И это твое последнее слово?» — казалось, говорил этот взгляд.

Губы старухи дрожали, и язык не повиновался ей.

— Если император любит свою старую прислужницу, то он должен дать ей покой в последние ее дни, — сказала молодая женщина.

Путник еще медлил, но вдруг его мрачное лицо прояснилось.

— Друзья мои, — сказал он, — что бы ни говорили о Тиберии, но есть одно, чему он научился лучше всех других — самоотречению. Еще одно я должен вам сказать: если бы старая жен-



щина, о которой мы говорили, пришла в эту хижину, примите ее ласково. Милость императора будет оказана каждому, кто поможет старухе.

Он завернулся в свой плащ и ушел той же дорогой, по которой пришел.

\* \* \*

После этого случая виноградарь и жена его никогда больше не говорили со старухой об императоре. В беседах же между собой они удивлялись, что, несмотря на глубокую старость, она нашла в себе силы отказаться от роскоши и влияния, к которым привыкла.

«Не вернется ли она скоро снова к Тиберию? — спрашивали они себя. — Она, конечно, все еще любит его. Она оставила его в надежде, что это образумит его и заставит отказаться от жестокостей...»

— Такой старый человек, как император, никогда уже не начнет новой жизни, — говорил муж. — Как хочешь ты отнять у него беспредельное презрение к людям? Кто позволил бы себе выступить перед ним и учить его любви к человеку? А пока этого не случится, он не может исцелиться от своего упрямства и жестокости.

— Ты знаешь, — ответила жена, — что есть только одно существо во всем мире, которое действительно в силах было бы это сделать. Я часто думаю о том, что было бы, если бы эти двое встретились!.. Но пути Господа непостижимы.

...Старуха, по-видимому, совсем не чувствовала ни лишения, ни потребности вернуться к своей прежней жизни.

Когда через некоторое время молодая женщина родила, старуха стала ходить за малюткой и казалась такой довольной, словно забыла все свое горе.

Каждые полгода, закутавшись в свой длинный серый плащ, она обыкновенно отправлялась в Рим. Но там она ни к кому не заходила, а пробиралась прямо на форум. Она останавливалась перед небольшим храмом, стоявшим на одной из сторон богато украшенной площади.

Этот храм состоял, собственно, из очень большого алтаря, воздвигнутого под открытым небом, среди выложенного мрамором дворика. На алтаре восседала Фортуна, богиня счастья, а у подножия стояла статуя Тиберия. Кругом двора шли помещения для жрецов, кладовые для дров и стойла для жертвенных животных.

Странствования старой Фаустины не шли никогда дальше этого храма, посещаемого всеми желавшими молиться о счастье Тиберия. Заглянув в храм и увидав, что статуи богини и императора украшены цветами, что жертвенный огонь пылает и толпы молящихся благоговейно собираются вокруг алтаря, послушав тихие гимны жрецов, она выходила из храма и возвращалась в горы.

Так, не говоря ни с кем ни одного слова, узнавала Фаустина, что Тиберий еще жив и что все идет у него благополучно.

Когда старуха в третий раз совершала свое путешествие, она увидела нечто неожиданное. Приблизившись к храму, она заметила, что он заброшен и пуст. Перед изваянием не было ни одного светильника, а в храме не видно было ни одного молящегося. На одной из стен алтаря висело еще несколько сухих венков, и это было все, что осталось от былой пышности. Жрецы исчезли, и статуя императора, более не охраняемая, была попорчена и в пыли.

Старуха обратилась к первому встречному.

— Что должно это означать? — спросила она. — Разве Тиберий умер? Или у нас уже другой император?

— Нет, — ответил римлянин. — Тиберий все еще царствует, но мы перестали молиться о нем. Наши молитвы ему больше не помогут.

— Друг мой, — сказала старуха, — я живу далеко отсюда, в горах, где ничего не знаешь о том, что делается на свете. Не будешь ли ты так добр сказать мне, какое несчастье постигло императора?

— Самое ужасное несчастье обрушилось на Тиберия, — ответил тот, — его поразила болезнь, которая до сих пор неизвестна была в Италии, но, говорят, нередкая на Востоке. Болезнь изуродовала императора, голос его стал похож на рычание зверя, а пальцы на руках и ногах разъедены язвами. И от этой болезни будто бы нет никакого лекарства. Предполагают, что через несколько недель он умрет; если же он не умрет, то его придется низложить, так как несчастный человек не может дольше царствовать. Ты понимаешь теперь, что судьба его решена. Теперь бесполезно молить богов о даровании ему счастья, да и не стоит, — прибавил римлянин с легкой усмешкой, — нечего теперь заискивать у него и трепетать перед ним. К чему же нам теперь заботиться о нем?

Он поклонился старухе и отошел, а она застыла на месте, ошеломленная словами прохожего.

В первый раз в своей жизни она почувствовала себя обессиленной и выглядела старухой, придавленной своими годами. Она стояла, согнувшись, с трясущейся головой, а руки ее бесильно ловили что-то в воздухе.

Ей хотелось поскорее уйти отсюда, но ноги у нее подкашивались, и, пошатываясь, едва подвигаясь вперед, она искала взглядом что-нибудь, на что могла бы опереться.

Через несколько минут невероятным усилием воли ей удалось, однако, преодолеть упадок сил.

Она снова выпрямилась во весь рост и заставила себя идти твердыми шагами по кишевшим людьми улицам.

\* \* \*

Спустя неделю старая Фаустина взбиралась по крутым склонам острова Капри. Был жаркий день, и удручающее чувство старости и слабость снова овладели ею, пока она плелась по извилистым дорожкам и прорубленным в скалах ступенькам, ведущим к вилле Тиберия.

Это чувство еще более усилилось, когда она заметила, как сильно изменилось все за время ее отсутствия. Прежде здесь всегда встречались целые толпы людей, то взбиравшихся, то спускавшихся по ступеням. Здесь были сенаторы, несомые великанами либийцами; чиновники со всех провинций, являвшиеся в сопровождении длинной вереницы рабов; искатели должностей и вельможи, приглашенные на пир к императору.

А теперь все лестницы и переходы опустели. Серо-зеленые ящерицы были единственными живыми существами, которых старуха встретила на своем пути.

Она поражалась, видя, что все начинало уже приходить в упадок. Со времени заболевания императора могло пройти не более нескольких месяцев, а между тем между мраморными плитами пробивалась уже сорная трава. Благородные растения в прекрасных вазах уже засохли, и наглые разрушители, не встречая помехи, уже разломали в нескольких местах ограду.

Но больше всего ее поразило совершенное отсутствие людей. Хотя посторонним и запрещено было появляться на острове, но все же здесь еще должны были находиться эти бесконечные толпы солдат и рабов, танцовщиц и музыкантов,



поваров и прислужников за столом, дворцовой стражи и садовников, которые принадлежали ко двору императора.

Только дойдя до самой верхней террасы, Фаустина увидела двух старых рабов, сидевших на ступенях лестницы, которая вела к вилле. Когда она приблизилась к ним, рабы встали и склонились перед ней.

— Привет тебе, Фаустина, — сказал один из них, — боги посылают тебя, чтобы смягчить наше несчастье.

— Что это значит, Милон, — спросила Фаустина, — почему здесь все так запущено? Мне ведь сказали, что Тиберий еще на Капри.

— Император разогнал всех своих рабов, потому что он подозревает, будто один из нас дал ему отравленного вина, и это вызвало его болезнь. Он бы прогнал и меня, и Тита, если бы мы не отказались подчиниться ему. Ты ведь знаешь, что мы всю нашу жизнь служили императору и его матери.

— Я спрашиваю не только о рабах, — сказала Фаустина. — Где сенаторы и полководцы, где приближенные императора и все льстивые придворные прихлебатели?

— Тиберий не желает теперь показываться посторонним, — ответил раб. — Сенатор Люций и Макрон, начальник личной стражи, являются сюда каждый день и получают приказания. Кроме них, никто не смеет его видеть.

Фаустина поднялась по лестнице к вилле. Раб шел впереди, и на ходу она спросила его:

— Что говорят врачи о болезни Тиберия?

— Никто из них не умеет лечить эту болезнь. Они даже не знают, убивает ли она медленно или скоро. Но одно могу я тебе сказать, Фаустина, что Тиберий непременно умрет, если он и дальше будет отказываться от пищи из боязни

быть отравленным. И я знаю, что больной человек не может вынести бодрствования днем и ночью, как это делает Тиберий, боясь быть убитым во сне. Если он захочет довериться тебе, как в прежние годы, то тебе, быть может, удастся уговорить его есть и спать. Этим ты можешь продлить его жизнь на многие дни.

Раб проводил Фаустину через множество проходов и дворов к террасе, на которой обыкновенно сидел Тиберий, наслаждаясь открывавшимся оттуда видом на прихотливые изгибы морского берега и на гордый Везувий.

Войдя на террасу, Фаустина увидела там ужасное существо с распухшим лицом и звероподобными чертами лица. Руки и ноги его были завернуты в белые бинты, но сквозь повязки видны были наполовину изъеденные пальцы рук и ног. Одежда этого человека была в пыли и грязи. Видно было по всему, что он не в состоянии держаться на ногах и должен ползать по террасе. Он лежал с закрытыми глазами у самого края и не двигался, когда вошли раб и Фаустина. Но она шепнула рабу:

— Кто это, Милон? Как посмел такой человек забраться на императорскую террасу? Выпроводи-ка его поскорей отсюда...

Но не успела она договорить, как увидела, что раб склонился до земли перед лежавшим жалким человеком и сказал:

— Цезарь Тиберий, наконец могу я принести тебе радостную весть!

И тотчас раб обернулся к Фаустине, но отскочил, пораженный, и не мог произнести ни одного слова.

Он не узнал гордой матроны, которая выглядела такой могучей, что казалось, что она доживет до лет Сибиллы. В это мгновение она поддалась бессильной старческой дряхлости, и раб увидел





перед собой сгорбленную старушку с померкшим взглядом и беспомощно трясущимися руками.

Несмотря на то что Фаустина была предупреждена, что император ужасно изменился, все же она ни одной минуты не переставала представлять его себе таким же крепким, каким он был, когда она видела его в последний раз. Она слышала от кого-то, что болезнь, поразившая Тиберия, изменяет человека медленно и нужны целые годы, чтобы она изуродовала человека до неузнаваемости. Но здесь болезнь пошла вперед так быстро, что обезобразила императора уже в несколько месяцев.

Спотыкаясь, добрела Фаустина до императора. Она не в силах была говорить и молча плакала, стоя возле Тиберия.

— Ты пришла наконец, Фаустина, — промолвил он, не открывая глаз, — я лежал тут, и мне чудилось, будто ты стоишь здесь и плачешь обо мне. Я не решаюсь взглянуть из боязни, что это только обман моего больного воображения!

Тогда старуха села около него. Она приподняла его голову и спрятала ее на своей груди.

Но Тиберий продолжал тихо лежать и не взглянул на Фаустину. Чувство умиротворения наполнило его, и он тотчас же погрузился в спокойный сон.

\* \* \*

Спустя несколько недель один из рабов императора шел по направлению к одинокой хижине в Сабинских горах. Наступал вечер, и виноградарь с женой стояли в дверях и глядели на заходящее на далеком западе солнце. Раб свернул с дороги, подошел к хижине и приветствовал их. Затем он вытащил тяжелый кошелек, спрятанный за поясом, и положил его в руку виноградаря.

— Это шлет тебе Фаустина, старая женщина, к которой вы были добры, — сказал раб. — Она велела мне сказать тебе, чтобы ты на эти деньги купил виноградник и построил жилище не так высоко в горах, как это орлиное гнездо.

— Значит, старая Фаустина еще жива? — спросил виноградарь. — Мы искали ее по всем обрывам и болотам; когда она не вернулась к нам, я думал, что она погибла в какой-нибудь пропасти или заблудилась в горах.

— Помнишь, — сказала жена мужу, — я все не хотела верить, что она умерла? Разве я не говорила тебе, что она вернулась к императору?

— Да, — подтвердил муж, — ты действительно говорила это, и я радуюсь, что ты была права, не только потому, что Фаустина снова стала такой богатой, что может спасти нас от бедности, но я рад также и за бедного императора.

Раб хотел тотчас же уйти, чтобы засветло добраться до жилых мест, но муж и жена не отпустили его.

— Ты должен остаться у нас до утра, — говорили они. — Мы не можем отпустить тебя прежде, чем ты не расскажешь нам все, что испытала Фаустина. Почему вернулась она к императору? Какова была их встреча? Счастлива она, что теперь снова живет вместе с ним?

Раб уступил их просьбам. Он вошел вместе с ними в хижину и за ужином рассказал им о болезни императора и о возвращении Фаустины.

По окончании рассказа он увидел, что муж и жена сидят неподвижно, словно чем-то пораженные. Взоры их были опущены, как будто они хотели скрыть волнение, овладевшее ими.

Наконец муж поднял глаза и, обращаясь к жене, сказал:

— Не думаешь ли ты, что это — перст Божий?

— Да! — ответила она. — Наверно, именно



ради этого Господь послал нас через море в эту хижину. Наверно, Он указал старухе постучаться в дверь нашей хижины.

Едва она произнесла эти слова, как виноградарь снова обратился к рабу.

— Друг мой, — сказал он, — ты должен передать Фаустине мое поручение. Скажи ей это слово в слово: «Вот что сообщает тебе твой друг, виноградарь с Сабинских гор. Ты видела его жену. Не показалась ли она тебе цветущей здоровьем и красотой? И тем не менее эта молодая женщина раньше страдала той же болезнью, которая теперь поразила Тиберию».

Раб сделал невольный жест удивления, но виноградарь продолжал еще решительнее:

— Если Фаустина не захочет поверить моим словам, то скажи ей, что и моя жена, и я, мы оба родом из Палестины, в Азии, страны, где часто встречается эта болезнь. И там существует закон, по которому прокаженные изгоняются из городов и деревень и должны жить в пустынных местах или искать себе убежища близ гробниц и в пещерах. Скажи Фаустине, что жена моя родилась в скалистой пещере от больных родителей. И пока она была ребенком, она была здорова, а когда стала взрослой девушкой, у нее появилась эта болезнь.

При этих словах виноградаря раб, смеясь, покачал головой и сказал ему:

— Как ты хочешь, чтобы Фаустина поверила тебе? Она ведь видела твою жену цветущей и здоровой! А она знает, что от этой болезни не существует никаких лекарств.

Но виноградарь настаивал:

— Было бы лучше всего, если бы она мне поверила. Но кроме того, у меня есть и свидетели; пусть пошлет она гонца в Назарет, в Галилею. Там любой человек подтвердит мои слова.

— Быть может, жена твоя исцелена чудом какого-нибудь бога? — спросил раб.

— Да, — ответил виноградарь, — это именно так и было, как ты говоришь. Однажды среди больных, живших в пустыне, разнеслась весть: «Говорят, что в городе Назарете, в Галилее, появился великий пророк. Он преисполнен силы Духа Божия и может исцелить вашу болезнь, если только возложит руку на ваше чело». Но больные, подавленные своим несчастьем, не хотели верить, что эта весть истинна. «Нас никто не может исцелить, — говорили они. — Со времен великого пророка никто не мог спасти ни одного из нас от этого несчастья». Но среди больных была одна, которая верила, — и это была девушка. Она ушла от остальных искать дорогу в Назарет, где жил пророк. И вот однажды, когда она шла по широкой равнине, встретила она человека высокого роста, с бледным лицом и ниспадавшими черными блестящими локонами. Темные глаза его сияли как звезды и притягивали ее к себе. Но, еще не приблизившись к нему, она крикнула:

— Не подходи ко мне близко, потому что я заражена, а скажи мне, где могу я найти пророка из Назарета?

Но человек этот продолжал приближаться к ней и, когда подошел совсем близко, спросил ее:

— Зачем ищешь ты пророка из Назарета?

— Я ищу его, чтобы он возложил руку на мое чело и исцелил меня от моей болезни.

Тогда он подошел к ней и положил свою руку ей на чело.

Но она сказала ему:

— Что пользы мне в том, что ты положил свою руку на мое чело, ведь ты — не пророк?

Он улыбнулся и сказал ей:

— Теперь иди в город, лежащий вон там, на склоне горы, и покажись священникам.

Больная подумала про себя: «Он насмехается надо мной, потому что я верю в исцеление; от него я, видно, не узнаю ничего».

И она пошла дальше. Вскоре она увидела на поле человека, ехавшего верхом на охоту. Когда он подъехал к ней так близко, что мог слышать ее, она крикнула ему:

— Не подходи ко мне близко — я заражена; но скажи мне, где я могу найти пророка из Назарета?

— Чего хочешь ты от пророка? — спросил встречный и продолжал медленно приближаться к ней.

— Я хочу только, чтобы он возложил руку мне на чело и исцелил меня от моей болезни.

Тогда всадник подъехал еще ближе.

— От какой болезни хочешь ты излечиться? — спросил он. — Ты вовсе не нуждаешься во враче.

— Разве ты не видишь, что я прокаженная? Я родилась от больных родителей, в скалистой пещере.

Но всадник подъезжал к ней все ближе и ближе, потому что она была мила и прекрасна, как едва раскрывшийся цветок.

— Ты — красивейшая девушка в иудейской стране! — воскликнул он.

— Перестань издеваться надо мной, — ответила она. — Я знаю, что лицо мое изъедено болезнью, а голос мой подобен вою дикого зверя.

Но он заглянул ей глубоко в глаза и сказал:

— Голос твой звонок, как весенний ручеек, пробирающийся меж камней, а лицо твое гладко, как нежный шелк.

В эту минуту он подъехал к ней так близко, что она могла увидеть свое лицо в блестящей обшивке, украшавшей его седло.

— Посмотри на свое отражение, — сказал он.

Она так и сделала и увидела лицо, нежное и

мягкое, как только что раскрывшееся крылышко бабочки.

— Что я вижу? — спросила она. — Это не мое лицо.

— Это и есть твое лицо, — сказал всадник.

— Но разве голос мой не скрипуч, разве не звучит он, как телега, с трудом взбирающаяся на гору?

— Нет, он звенит, как самые нежные струны арфы, — ответил ей путник.

Она повернулась и указала на дорогу.

— Знаешь ли ты того человека, который сейчас скроется за двумя дубами? — спросила она всадника.

— Это и есть тот, о ком ты только что спрашивала, — пророк из Назарета, — ответил он ей.

Пораженная, закрыла она лицо руками, и глаза ее наполнились слезами.

— О, ты святой, о, ты носитель Божьей силы! — воскликнула она. — Ты исцелил меня!

А всадник посадил ее на седло и привез в город, стоявший на обрыве горы, и пошел с ней к старейшинам и священникам и рассказал им про свою встречу с ней. Они подробно расспросили его обо всем, но когда услышали, что девушка родилась в пустыне от больных родителей, то не поверили, что она исцелена.

— Возвращайся туда, откуда ты пришла, — сказали они ей. — Если ты была больна, то должна остаться больной весь свой век. Ты не смеешь приходить сюда в город, чтобы не заразить нас всех своей болезнью.

Она же сказала им:

— Я знаю, что я здорова, потому что пророк из Назарета возложил свою руку мне на чело.

При этих словах девушки все они закричали:

— Кто он такой, что может нечистых делать чистыми? Все это одно ослепление, исходящее от



злых духов. Возвращайся обратно к твоим родным, иначе ты погубишь всех нас!

Они не захотели считать ее исцеленной и не позволили ей оставаться в городе. Они объявили, что всякий, кто окажет ей гостеприимство, будет считаться зараженным.

Когда священники изрекли такой приговор, девушка обратилась к человеку, встретившему ее в поле, и сказала:

— Куда мне теперь идти? Неужели мне придется вернуться снова в пустыню, к больным?

Но он посадил ее к себе на седло и ответил:

— Конечно, ты не должна возвращаться к больным в их пещеры, лучше уедем с тобой отсюда за море, в иную страну, где нет законов для чистых и нечистых. — И они оба...

Но тут раб поднялся и прервал его.

— Тебе незачем дальше рассказывать, — сказал он. — Лучше пойдем, проводи меня немного, так как ты знаешь, конечно, дорогу в город, чтобы мне еще сегодня отправиться обратно, не дожидаясь утра. Император и Фаустина должны узнать тотчас, не теряя времени, все, что ты рассказал мне.

Когда виноградарь проводил раба и, указав ему дорогу, вернулся в хижину, его жена еще не спала.

— Я не могу уснуть, — сказала она, — я все думаю о том, как встретятся они оба: один, который любит всех людей, и другой, который их ненавидит. Кажется, эта встреча должна перевернуть весь мир.

\* \* \*

Старая Фаустина прибыла в далекую Палестину, направляясь в Иерусалим. Она не хотела, чтобы кому-нибудь другому было поручено найти

пророка и привезти его к императору. Разумеется, она при этом думала так: «Того, что мы хотим от этого чужестранца, нельзя добиться силой или купить за деньги; но, может быть, он и совершит это, если кто-нибудь упадет к его ногам и расскажет ему, какое несчастье постигло императора. Но кто же будет просить за Тиберия пламеннее той, которая страдает от его несчастья не меньше его самого?»

Старая женщина словно помолодела от надежды, что, быть может, удастся спасти Тиберия. Без труда перенесла она далекое морское плавание до Яффы, а дорогу до Иерусалима она совершала не в носилках, а верхом. Казалось, она переносит трудное путешествие так же легко, как и благородные римляне, солдаты и рабы, которые составляли ее свиту.

Это путешествие от Яффы до Иерусалима наполнило сердце старухи радостью и светлой надеждой. Была весна, и Саронская долина, по которой они ехали в первый день пути, представляла собою сверкающий ковер цветов. И на второй день путешествия, когда они уже вступили в Иудейские горы, цветы не покидали их. Все разнообразные холмы, между которыми вилась дорога, были покрыты плодовыми деревьями, стоявшими в полном цвету. Когда путешественники уставали глядеть на бледно-розовые цветы персиковых и абрикосовых деревьев, глаз их мог отдохнуть, любясь молодыми побегами винограда, пробивавшимися сквозь темно-коричневые лозы. Они так быстро росли, что, казалось, можно было чуть ли не глазом видеть их рост.

Но не только цветы и весенняя зелень делали это путешествие очаровательным. Более всего привлекали внимание разнообразные толпы народа, попадавшиеся в это утро по пути в Иерусалим. Со всех дорог и тропинок, с одиноких



вершин и из самых отдаленных уголков долины шли странники. Выйдя на большую дорогу в Иерусалим, отдельные путники соединялись в большие толпы и отсюда шли радостно все вместе. Вокруг одного старика, ехавшего на верблюде, шли его сыновья и дочери, зятя и невестки, и все его внуки. Это была такая огромная семья, что она составляла целый маленький отряд. Одну старушку, которая была слишком слаба, чтобы идти пешком, сыновья посадили на плечи; гордая своими детьми, она подвигалась так сквозь почтительно расступавшуюся толпу.

Это было действительно такое утро, которое могло наполнить радостью даже самое удрученное сердце. Небо, правда, было не совсем ясно, а покрыто легкими серовато-белыми облаками, но никому из путников не приходило в голову огорчаться этим, так как таким образом смягчался палящий резкий блеск солнца. Под этим затуманенным небом благоухание цветущих деревьев и молодой листвы уносилось не так быстро, как обыкновенно, в пространство, а как бы ложилось кругом по пути следования. И этот дивный день, своим бледным светом и неподвижным воздухом несколько напоминавший мирный покой ночи, казалось, создавал какое-то особенное настроение, так что все шли вперед радостно и торжественно, напевая вполголоса древние гимны или играя на своеобразных старинных инструментах, звучавших как жужжание мух или стрекотание кузнечика.

И, подвигаясь вперед вместе со всеми этими людьми, старая Фаустина заражалась их бодростью и их радостью. Она то и дело подгоняла своего коня и, обращаясь к молодому римлянину, ехавшему рядом с ней, сказала:

— Сегодня ночью я видела во сне Тиберия, и он просил меня не задерживаться в пути, а

достигнуть Иерусалима непременно сегодня. Мне кажется, боги хотели этим сном внушить мне, что надо приехать в Иерусалим в такое прекрасное утро, как сегодня.

В это время они достигли вершины гребня длинного горного хребта, и Фаустина невольно придержала коня. Перед ней лежала большая глубокая котловина, окруженная живописными холмами, а из темной, тенистой глубины ее выступали могучие скалы, приютившие на своей вершине Иерусалим.

И тесный горный городок, своими стенами и башнями венчавший, словно драгоценной короной, плоскую вершину скалы, в этот день, казалось, бесконечно разросся. Все окрестные холмы, поднимавшиеся в долине, покрылись цветными палатками и оживились людским говором.

Фаустина видела, что все население страны направляется в Иерусалим, чтобы праздновать какой-то великий праздник. Жители более отдаленных местностей прибыли заранее и разбили уже свои палатки. А живущие вблизи Иерусалима еще только подходили. Со всех сторон спускались они теперь с холмов непрерывным смешанным потоком белых тканей, песен, праздничного сверкающего веселья.

Долго смотрела старуха на надвигающиеся толпы и на длинные ряды палаток. Затем она обратилась к ехавшему рядом молодому римлянину:

— Должно быть, Сульпиций, весь народ пришел в Иерусалим?

— Это так и есть, — ответил римлянин, которого Тиберий назначил сопровождать Фаустину, потому что он несколько лет жил в Иудее. — Они празднуют теперь большой весенний праздник, и в это время все, и стар и млад, направляются в Иерусалим.

Фаустина на мгновение задумалась.

— Я рада, — сказала она, — что мы прибудем в город именно в день народного праздника. Это служит важным предзнаменованием, что боги покровительствуют нашей поездке. Не думаешь ли ты, что и тот, кого мы ищем, пророк из Назарета, тоже придет в Иерусалим, чтобы принять участие в празднестве?

— Ты права, Фаустина, — ответил римлянин, — он, вероятно, в Иерусалиме. Это действительно милость богов. Как ты ни крепка и ни сильна, ты можешь все же считать себя счастливой, что тебе не придется совершить в поисках пророка далекое и утомительное путешествие в Галилею.

Затем он подъехал к проходившим мимо путникам и спросил, не знают ли они, не в Иерусалиме ли пророк из Назарета?

— Мы видели его там каждый год в это время, — ответил один из них. — Наверно, он и в этом году пришел туда, потому что он богобоязненный и праведный человек.

Какая-то женщина протянула руку и указала на холм, лежавший на восток от города.

— Видишь ты, — сказала она, — горный склон, поросший масличными деревьями? Там обыкновенно галилеяне раскидывают свои палатки, и там ты можешь получить самые верные сведения о том, кого ищешь.

Они продолжали путь и спустились по извиистой тропинке в глубину долины, затем начали подниматься на гору Сион, чтобы, достигнув вершины ее, войти в Иерусалим.

Круто поднимавшаяся дорога была здесь ограждена низкими стенами, на которых стояло и лежало бесконечное множество нищих и калек, просивших у путешественников милостыню.

Во время этого медленного подъема одна иудейка подошла к Фаустине.

— Смотри, — указала она ей на одного нищего, сидевшего на стене, — это галилеянин. Я припоминаю, что видела его среди учеников пророка. Он может сказать тебе, где тот, кого ты ищешь.

Фаустина с Сульпицием подъехали к указанному человеку. Это был бедный старик с длинной седой бородой. Лицо его загорело от знойного яркого солнца, и руки его были в мозолях от работы. Он не просил милостыни, а напротив, казалось, до того был погружен в свои печальные думы, что даже не взглянул на подъехавших всадников.

Он не слышал заговорившего с ним Сульпиция, и тот должен был несколько раз повторить свой вопрос.

— Друг мой, мне сказали, что ты — галилеянин. Прошу тебя, скажи мне: где могу я найти пророка из Назарета?

Галилеянин весь вздрогнул и посмотрел как обезумевший. Когда он наконец понял, чего хотят от него, он пришел одновременно в гнев и в ужас.

— О чем ты говоришь? — набросился он на римлянина. — Почему ты меня спрашиваешь об этом человеке? Я ничего не знаю о нем, я не галилеянин.

Тут иудейка вмешалась в разговор.

— Ведь я же сама видела тебя с ним, — сказала она. — Не бойся и скажи этой знатной римлянке, которая дружна с императором, где ей скорее найти пророка.

Но испуганный ученик пророка все более и более раздражался.

— Не сошли ли сегодня все с ума? — воскликнул он. — Или в вас вселился злой дух, что все, один за другим, подходят ко мне и спрашивают о пророке? Отчего никто не хочет мне верить,



когда я говорю, что не знаю пророка? Я пришел не из его города и никогда его не видел.

Его возбуждение привлекло к нему общее внимание, и несколько нищих, сидевших на стене рядом с ним, тоже начали оспаривать его слова.

— Конечно, ты принадлежал к его ученикам, — сказали они, — мы все знаем, что ты пришел вместе с ним из Галилеи.

Но он поднял руки к небу и воскликнул:

— Я сегодня не мог остаться в Иерусалиме из-за него, а теперь меня не хотят оставить в покое и здесь, среди нищих! Почему вы не хотите мне верить, когда я говорю, что никогда его не видел?

Фаустина отвернулась, пожав плечами.

— Поедем дальше, — сказала она. — Этот человек безумный. От него мы ничего не узнаем.

И они продолжали взбираться на гору. Фаустина была уже в двух шагах от городских ворот, когда иудейка, желавшая помочь ей найти пророка, крикнула старухе, чтобы она придержала коня. Фаустина остановилась и увидела, что совсем у ног лошади лежал на земле человек. Он распростерся в пыли дороги, как раз на том месте, где было особенно тесно, и то, что его еще не раздавили животные и люди, следовало считать чудом.

Человек лежал на спине, с устремленным вверх потухшим, ничего не видящим взором. Он не двигался, хотя верблюды ступали около него своими тяжелыми ногами. Он был бедно одет и к тому же перепачкался в пыли и грязи. Он так посыпал себя песком, что, казалось, будто он хочет закопаться, чтобы легче было его раздавить или переехать.

— Что это значит? Почему этот человек лежит на дороге?

В это мгновение лежавший начал окликать путешественников:

— Будьте милостивы, братья и сестры, гоните

на меня ваших вьючных животных и лошадей! Не обходите меня! Растопчите меня в прах! Я предал невинную кровь. Растопчите меня!

Сульпиций взял лошадь Фаустины за повод и отвел ее в сторону.

— Это — кающийся грешник, — сказал он, — не останавливайся из-за него. Это странные люди, пусть идут они своей дорогой.

Человек же, лежавший на дороге, продолжал кричать:

— Ступите ногами на сердце мое, пусть верблюд продавит мне грудь, а осел вонзит копыто в глаза мои!

Но Фаустина не в силах была пройти мимо несчастного, не попытавшись заставить его открыть глаза и взглянуть.

Она все еще стояла около него.

Иудейка, которая уже раз хотела ей услужить, снова протискалась к Фаустине.

— И этот человек принадлежал к ученикам пророка, — сказала она. — Хочешь ли, чтобы я спросила его об учителе?

Фаустина утвердительно кивнула, и женщина наклонилась над лежащим.

— Что сделали вы, галилеяне, с вашим учителем? Я вижу вас сегодня рассеянными по всем дорогам и тропинкам, а его не вижу нигде.

Когда женщина произнесла эти слова, лежавший привстал на колени.

— Какой злой дух внушил тебе спрашивать меня о нем? — спросил он голосом, полным отчаяния. — Ты видишь, что я бросился на землю, чтобы меня растоптали. Разве мало тебе этого? Зачем же ты приходишь еще спрашивать меня, что сделал я с ним?

— Не понимаю, в чем упрекаешь ты меня, — ответила женщина. — Я хотела ведь только узнать, где твой учитель?



Когда она повторила этот вопрос, галилеянин вскочил и заткнул уши пальцами.

— Горе тебе, что ты не даешь мне спокойно умереть! — крикнул он.

Он кинулся сквозь толпу, теснившуюся перед воротами, и побежал, рыдая от отчаяния и размахивая отрепьями своей одежды, как черными крыльями.

— Мне кажется, — сказала Фаустина, увидев, что человек бежит, — что мы пришли к безумному народу.

Вид учеников пророка привел ее в отчаяние.

— Разве сможет человек, за которым следуют такие безумцы, сделать что-нибудь для императора?

Еврейка имела очень опечаленный вид и серьезно сказала Фаустине:

— Госпожа, не медли отыскать того, кого ты хочешь видеть. Я боюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь дурного, потому что все ученики его словно лишились разума и не выносят вопросов о нем.

Фаустина и ее свита миновали наконец ворота города и вступили в узкие темные улицы, кишевшие людьми. Казалось, что проехать через город почти невозможно. Верховые должны были на каждом шагу останавливаться. Напрасно рабы и солдаты пытались очистить дорогу. Люди не переставали нестись вперед густым, непрерывным потоком.

— Да, широкие улицы Рима — тихие парки в сравнении с этими улочками, — сказала Фаустина.

Сулпиций скоро убедился, что дальше их ожидают почти непреодолимые препятствия.

— В этих кишачих людьми улицах, пожалуй, легче идти пешком, чем ехать, — сказал он. — Если ты не слишком устала, я бы советовал тебе

дойти пешком до дворца наместника. Правда, это далеко отсюда, но на лошади ты едва ли доберешься туда раньше полуночи.

Фаустина тотчас же согласилась на это предложение. Она сошла с коня и отдала его на попечение раба. Затем они продолжали пешком путь по городу.

Это было гораздо лучше. Они довольно скоро пробрались в центр города, и Сульпиций указал ей на тянущуюся прямо перед ними узкую улицу, в которую они сейчас должны были вступить.

— Видишь, Фаустина, — сказал он, — когда мы будем на этой улице, мы уже недалеко от нашей цели. Эта улица ведет прямо к дворцу наместника.

Но тут они встретили неожиданное препятствие, надолго задержавшее их в пути.

Едва Фаустина и ее свита достигли улицы, шедшей от дворца наместника к Вратам Справедливости и на Голгофу, дорогу им преградило шествие с преступником, осужденным на распятие.

Впереди бесновались кучки молодых людей, спешивших насладиться зрелищем казни. Неудержимо неслись они по улице, потрясая руками, наполняя воздух диким ревом, в восторге, что им удастся посмотреть на зрелище, которое не каждый день приходится видеть.

За ними шли толпы людей в длинных одеждах, которые, по-видимому, принадлежали к самым знатным лицам в городе. Позади них брели женщины, и среди них — многие с заплаканными глазами.

Сзади шли нищие и калеки, издававшие дикие оглушительные вопли.

— О Боже, — кричали они, — спаси его, пошли Твоего ангела и спаси его! Пошли ему помощника в эту тяжелую для него минуту!



Наконец показалось несколько римских солдат на крупных лошадях. Они следили за тем, чтобы никто не осмелился приблизиться к осужденному и пытаться освободить его.

Вслед за солдатами шли палачи, которые должны были вести человека, осужденного на распятие. Они взвалили ему на плечи большой тяжелый деревянный крест, но несчастный был слишком слаб для этой ноши и, изнемогая под тяжестью ее, почти всем телом припал к земле. Голову он склонил так низко, что никто не мог видеть его лица.

Фаустина стояла на углу маленького переулочка, выходящего на эту улицу, и смотрела на страдальческий путь приговоренного к смерти. С удивлением заметила она, что на нем был пурпурный плащ, а на голову был надет терновый венок.

— Кто этот человек? — спросила она.

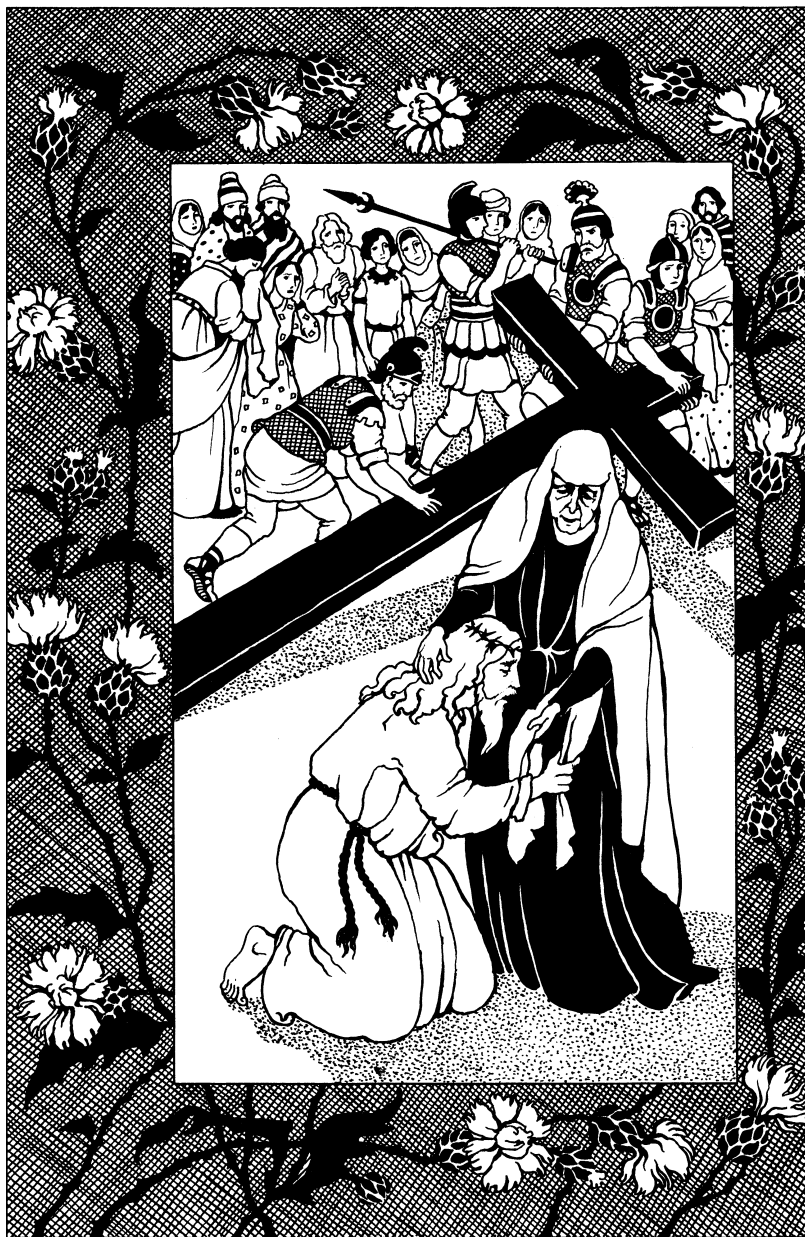
Кто-то из стоявших тут сказал:

— Это один из стремящихся стать царем.

— Тогда он должен претерпеть смерть из-за цели, к которой не стоит стремиться! — грустно сказала Фаустина.

Осужденный изнемогал под тяжестью креста. Все медленнее и медленнее подвигался он вперед. Палачи обвили тело его веревкой и начали тянуть за нее, чтобы заставить его идти скорее. Но когда они дернули веревку, осужденный упал и остался лежать, придавленный сверху крестом.

Произошло сильное смятение. Римские всадники с большим трудом сдерживали народ. Они мечами загородили дорогу нескольким женщинам, спешившим помочь упавшему. Палачи пытались ударами и пинками заставить его подняться, но из-за тяжести навалившегося сверху креста он не мог этого сделать. Наконец палачи сами сняли с него крест.



Тогда он поднял голову, и старая Фаустина могла разглядеть его лицо: на щеках его горели пятна от ударов, а со лба его, израненного терниями венца, струились капли крови. Волосы сбились в беспорядочные пряди, слипшиеся от пота и крови. Рот был крепко сомкнут, но губы дрожали, как бы стараясь подавить готовый вырваться крик. Глаза, полные слез, остановились и почти потухли от изнеможения и страданий. Но за лицом этого полумертвого человека старухе представилось, как бы в видении, прекрасное бледное лицо с дивными благородными чертами, освещенное величаво-проницательным взором царственных очей, — и все существо Фаустины внезапно охватила глубокая скорбь и сострадание к мукам и унижениям этого чуждого ей человека.

— О, что сделали с тобой, несчастный!.. — воскликнула она и рванулась к нему навстречу, между тем как глаза ее наполнились слезами; она забыла о своих собственных тревогах и печалях при виде страданий этого измученного человека. Ей казалось, что сердце ее разорвется от сострадания; подобно другим женщинам, она готова была броситься, чтобы вырвать его из рук злодеев.

Осужденный видел, что она идет к нему, и пополз навстречу. Казалось, он думал найти защиту у нее от всех, кто преследовал и истязал его. Он обнял ее колени. Он прижался к ней, как дитя, ищущее спасения у своей матери.

Старуха наклонилась над ним, слезы полились из глаз ее, и она почувствовала блаженную радость, видя, что он пришел искать у нее защиты. Она обвила рукой его шею, и как мать раньше всего осушает слезы на глазах своего дитяти, так и она приложила к его лицу свой платок из холодящего тонкого полотна, чтобы отереть с него слезы и кровь.

Но в это мгновение палачи наконец подняли крест. Они подошли и поволокли за собой осужденного. Обозленные промедлением, они со зверской грубостью тащили его. Осужденный застонал, когда его уводили от найденного им пристанища, но не оказал никакого сопротивления.

Фаустина же обхватила его, желая удержать, а когда ее слабые, старые руки оказались бессильны сделать это и она увидела, что его увели, ей показалось, будто увели ее собственное дитя, и она закричала:

— Нет, нет, не отнимайте его у меня; он не должен умереть, он не должен!..

Она почувствовала нестерпимую боль и гнев на то, что его увели; она хотела погнаться за ним, хотела бороться с палачами и вырвать его из их рук.

Но едва Фаустина сделала шаг, как у нее закружилась голова, и она покачнулась. Сульпиций поспешил обнять и поддержать ее, чтобы не дать ей упасть.

На другой стороне улицы он увидел маленькую темную лавчонку и внес туда на руках старуху. Там не было ни стула, ни скамейки, но лавочник был сострадательный человек, он достал подстилку и устроил Фаустине ложе на каменном полу.

Она не потеряла сознания, но головокружение у нее было так сильно, что она не в силах была держаться на ногах и должна была лечь.

— Она сегодня совершила длинное путешествие, и шум и толкотня в городе оказались ей не под силу, — сказал Сульпиций лавочнику. — Она очень стара, а как бы человек ни был крепок, все же старость наконец одолевает его.

— Да, даже и для не особенно старых людей сегодня тяжелый день, — ответил тот. — Воздух так удушлив, что в городе нечем дышать; я не удивлюсь, если разразится гроза.

Сульпиций склонился над старухой: она за-

снула, спокойно и ровно дыша, после утомления и перенесенных волнений.

Он отошел к двери и, ожидая пробуждения старухи, наблюдал оттуда уличную толпу и движение.

\* \* \*

У римского наместника в Иерусалиме была молодая жена, и накануне того дня, когда Фаустина пришла в Иерусалим, она видела ночью необыкновенный сон.

Снилось ей, что она стоит на кровле своего дома и смотрит на большой красивый двор, выложенный, по восточному обычаю, мрамором и обсаженный благородными растениями.

Но на дворе, видела она, почему-то собрались со всего света все больные, параличные и слепые. Перед ней мелькали чумные с распухшими телами, прокаженные с изъеденными лицами, параличные, которые не могли двинуться и лежали беспомощно на земле, и бесконечные вереницы других несчастных, измученных страданиями и болезнями.

И все они стремились ко входу во дворец, а некоторые из стоявших ближе громко стучали в двери.

Наконец она увидела, что раб открыл дверь и вышел за порог; она слышала, как он спросил, чего они хотят.

Они ответили ему: «Мы ищем великого пророка, посланного Богом на землю. Где пророк из Назарета, где тот, который может избавить нас от наших страданий?»

Тогда раб ответил им равнодушно-презрительным тоном, как это делают слуги, прогоняя бедных просителей: «Вы напрасно будете искать своего пророка: Пилат умертвил его».

Тогда между больными поднялся такой плач, рыдания и скрежет зубов, что молодая женщина не в силах была это слышать; сердце ее разрывалось от страдания, и слезы лились из ее глаз. И от рыданий она проснулась.

Снова задремала она, и снова ей приснилось, что она стоит на кровле своего дома и смотрит оттуда на огромный, как базарная площадь, двор.

И снова видит, что двор наполнен людьми, лишенными рассудка, безумными и одержимыми злыми духами. И она увидела и раздетых донага, и закутавшихся в свои длинные волосы, и таких, которые сплели себе короны из соломы и мантии из зелени и считали себя царями, и таких, которые ползали по полу и считали себя зверями, и таких, которые неудержимо плакали от горя, которого они не могли бы назвать, и еще таких, которые таскали тяжелые камни, принимая их за золотые слитки, и таких, которые думали, что устами их говорят злые духи...

Она видела, как все эти люди теснились к воротам дворца и те, что стояли впереди, стучали и шумели, требуя, чтобы всех их впустили.

Наконец дверь открылась, и раб вышел на порог и спросил, что им нужно.

Тогда они все начали шуметь и говорить: «Где великий пророк из Назарета, тот, который послан Богом и должен вернуть нам нашу душу и наш разум?»

Она слышала, как раб равнодушно ответил: «Поздно спохватились вы спрашивать о великом пророке: Пилат умертвил его».

При этих словах все безумные завопили, как дикие звери, и в отчаянии стали рвать свое тело, и кровь их стекала на мрамор. И женщина, видевшая во сне их безутешное горе, начала ломать свои руки и рыдать. И собственные рыдания разбудили ее.



Снова она заснула и опять увидела себя на кровле своего дома. Вокруг нее сидели ее рабыни и играли на лютнях и кимвалах; миндальные деревья склонили над нею свою листву, облитую цветом, и воздух благоухал от аромата ползучих роз.

И когда она так сидела, она услышала чей-то голос, сказавший: «Подойди к ограде, окружающей крышу, и погляди на твой двор».

Но во сне она отказалась, говоря: «Я никого не хочу больше видеть из тех, кто сегодня ночью толпится на моем дворе».

В то же мгновение до нее донеслось оттуда звяканье цепей, удары тяжелых молотов, стук дерева о дерево. Рабыни перестали петь и играть, подбежали к ограде и стали глядеть вниз. И она сама не могла оставаться долее на своем месте и также пошла поглядеть.

И вот увидела она, что двор ее дома наполнился заключенными со всего света: сюда собрались люди, сидевшие до того в темных тюремных подвалах, закованные в тяжелые железные цепи. К ним подходили другие, работавшие в темных шахтах, неся с собой тяжелые молоты; гребцы с военных судов со своими большими, окованными железом веслами явились сюда же. Пришли и осужденные на распятие, волоча свои кресты, а осужденные к обезглавливанию пришли с топорами и плахами. Рабы из дальних стран, уведенные в плен, смотрели на молодую женщину глазами, горевшими тоской по родине, — несчастные, которых заставляли работать, как вьючных животных, и спины которых были исполосованы кровавыми следами от ударов бича.

Все эти несчастные ломились в дверь, издавая вопли, исходившие как бы из одной огромной груди: «Отвори!.. Отвори!..»

Тогда раб, охранявший вход, вышел за дверь и спросил их: «Что вам нужно?»

И, подобно другим, они ответили: «Мы ищем великого пророка из Назарета, сошедшего на землю, чтобы дать свободу заключенным и счастье рабам».

Раб ответил им усталым и равнодушным тоном: «Вам его здесь не найти... Пилат умертвил его!»

И, едва эти слова коснулись слуха несчастных, толпившихся во дворе, они ответили на них таким взрывом отчаяния и озлобления, что женщине казалось, что она слышит, как задрожали земля и небо. Сама же она онемела от ужаса и так затряслась всем телом, что проснулась.

Придя совсем в себя, она села на своем ложе и подумала: «Не хочу больше видеть снов. Теперь я буду бодрствовать всю ночь, чтобы не видеть больше таких ужасов».

Едва успела она подумать это, как сон снова одолел ее; она склонила голову на подушки и заснула.

Снова увидела она себя сидящей на кровле своего дома, а маленький сын ее бегал тут же и играл в мяч.

Но вот неведомый голос сказал ей: «Подойди к балюстраде, окружающей твою кровлю, и погляди: что это за люди собрались на дворе твоём и чего они ждут?»

А она во сне сказала себе: «Довольно горя видела я в эту ночь. Больше я не могу вынести. Я хочу остаться здесь, на своем месте».

Но тут мальчик бросил свой мяч через балюстраду и полез было доставать его. Мать испугалась, побежала за ребенком и схватила его.

Но при этом она взглянула вниз и увидела, что двор полон людей.

Там собрались теперь со всего света раненные на войне.

Они пришли с искалеченными телами, с от-



рубленными членами, с большими зияющими ранами, из которых струилась кровь, так что мраморный помост двора был залит ею.

И рядом с ними теснились все, потерявшие на поле битвы своих близких. Тут были сироты, оплакивавшие своих покровителей, молодые женщины, звавшие любимых мужей, и старики, плакавшие по своим сыновьям.

Ближайшие теснились к двери, и страж, как и раньше, вышел и отворил ее.

Он спросил всю эту толпу несчастных, искалеченных в разных войнах и потерявших в них родных и друзей: «Что ищете вы в этом доме?»

И они ответили: «Мы ищем великого пророка из Назарета, который прекратит войны и распри на земле и принесет вечный мир. Мы ищем того, кто перекует копыя в косы, а мечи в серпы!»

Тогда раб с нетерпением ответил: «Не приходите больше мучить меня... Я ведь вам уже несколько раз говорил, что здесь нет великого пророка: Пилат умертвил его».

Затем он запер дверь.

Молодой женщине представился во сне весь ужас, который вызовут эти слова у собравшихся.

«Я не хочу этого слушать, — сказала она и убежала от ограды».

В это время она проснулась и увидела, что в страхе она соскочила с постели и стояла теперь на холодном каменном полу.

И снова она подумала, что не хочет больше видеть сны и постарается не засыпать. Однако по-прежнему сон одолел ее, глаза ее закрылись, и она задремала.

И снова увидела она себя сидящей на кровле дома, а рядом с собой своего мужа. И она рассказывала ему о всех своих снах, а он смеялся над нею.

Тогда она снова услышала голос: «Иди и погляди на людей, ожидающих у тебя на дворе».

Но она подумала: «Я не хочу больше глядеть туда: достаточно несчастных прошло сегодня перед моими глазами».

В это время она услышала три резких удара в дверь.

Муж ее подошел к перилам, чтоб поглядеть, кто это хочет войти к нему в дом.

Но едва он перегнулся через перила, как тотчас же поманил к себе жену.

«Может быть, ты разглядишь, что это за человек стоит там, у входа?» — спросил он, указывая ей на двор.

Взглянув туда, она увидела, что весь двор наполнен всадниками и лошадьми; рабы разгружали вьючных ослов и верблюдов. Видно было, что прибыл знатный путешественник.

У входной двери стоял незнакомец — старик высокого роста, широкоплечий, с мрачным печальным лицом.

Жена наместника тотчас же узнала путешественника и шепнула своему мужу: «Это цезарь Тиберий прибыл в Иерусалим... Это не может быть никто иной».

«Мне тоже кажется, что я его узнаю», — сказал ей муж и знаком велел замолчать и прислушаться к тому, что говорят на дворе.

Они видели, что привратник вышел и спросил старика: «Кого ты ищешь?»

И тот ответил: «Я ищу великого пророка из Назарета, которого Бог одарил чудесной силой. Император Тиберий зовет его, чтобы он исцелил его от ужасной болезни, от которой никакой врач помочь не может».

Раб низко склонился и сказал: «Господин, не гневайся, но твое желание не может быть исполнено».

Тогда император обернулся к рабам, ожидавшим во дворе, и сделал им знак.

Рабы поспешили к нему. У одних руки были полны драгоценных камней, другие несли чаши с жемчугами, а некоторые тащили мешки, полные золота.

Император сказал рабу, охранявшему дверь: «Все это будет принадлежать ему, если он поможет Тиберию. Этим он может обогатить бедных всего мира».

Но привратник еще ниже склонился и сказал: «Господин, не гневайся на своего слугу, но желание твое не может быть исполнено».

Тогда император вторично дал знак рабам, и двое из них поспешили к нему с богато затканным одеянием, на котором сверкал нагрудник, весь в драгоценных камнях.

И император сказал рабу: «Видишь, я ему предлагаю власть над Иудеей. Он будет вершителем судеб своего народа. Пусть только следует за мной и исцелит Тиберия».

Но раб склонился теперь до самой земли и сказал: «Господин, не в моей власти тебе помочь».

Тогда император в третий раз дал знак рабам, и те принесли золотой венец и пурпурную мантию.

«Слушай, — сказал он, — такова воля императора: он благоволит назначить его своим наследником и отдать ему владычество над миром. Он получит власть управлять вселенной согласно закону своего Бога. Пусть только он протянет руку и исцелит Тиберия».

Тут раб бросился на землю к ногам императора и жалобно простонал: «Господин, не в моей власти исполнить твою волю! Тот, которого ты ищешь, не существует больше: Пилат умертвил его».

Когда молодая женщина проснулась, был уже день, и рабыни стояли около и ожидали приказания своей госпожи, чтобы помочь ей одеться.

Она была очень молчалива, пока ее одевали, но наконец спросила рабыню, причесывавшую ее, встал ли уже ее муж. И узнала, что его позвали судить какого-то преступника.

— Я хотела бы поговорить с мужем, — сказала молодая женщина.

— Госпожа, — возразила рабыня, — это трудно сделать во время разбора дела. Мы доложим тебе, как только дело кончится.

Молча сидела она, пока ее одели. Затем она спросила, не слыхал ли кто-нибудь из рабынь о пророке из Назарета.

— Пророк из Назарета — это иудейский чудотворец, — тотчас ответила одна из рабынь.

— Как странно, госпожа, что ты как раз сегодня спрашиваешь о нем, — сказала другая рабыня. — Его-то именно и привели сюда иудеи, чтобы наместник допросил его.

Молодая женщина приказала пойти тотчас же в суд и справиться, в чем обвиняют пророка. И одна из рабынь отправилась туда. Вернувшись, она сказала:

— Они обвиняют его в том, что он хотел объявить себя царем этой страны, и просят наместника предать его распятию.

Услыхав это, жена наместника очень испугалась и сказала:

— Я должна говорить с моим мужем, иначе свершится неслыханное несчастье.

Когда рабыня опять сказала ей, что это теперь невозможно, она стала дрожать и плакать. И одна из них, тронутая этим, сказала:

— Госпожа, если ты хочешь послать наместнику записку, то я попытаюсь передать ему.

Жена наместника тотчас взяла стило, написала несколько слов на восковой табличке, и ее передали Пилату.

Но его самого она целый день не могла увидеть наедине, потому что, когда он отпустил евреев и они повели осужденного на место казни, настал час обеда, и Пилат пригласил к себе нескольких римлян, бывших в это время в Иерусалиме. Тут были начальники войск, молодой учитель ораторского искусства и еще другие.

Обед прошел не особенно весело. Жена наместника сидела все время расстроенная и не принимала участия в разговоре.

Когда гости спросили, не больна ли она или чем-нибудь опечалена, наместник, смеясь, рассказал о записке, которую она прислала ему утром. И стал подшучивать над тем, как могла она подумать, что наместник римского императора может руководствоваться в своих поступках сновидениями женщины.

Она тихо и печально ответила:

— Я убеждена, что это был не сон, а откровение богов. Ты мог бы, во всяком случае, сохранить жизнь этому человеку хотя на сегодня, отсрочив казнь еще на один день!

Все видели, что она серьезно огорчена. Она не поддавалась утешениям, как ни старались гости заставить ее интересной беседой забыть ночные сновидения.

Но спустя некоторое время один из гостей оглянулся и сказал:

— Что это значит? Неужели мы так засиделись за столом, что день уже клонится к вечеру?

Все оглянулись и заметили, что все покрыл какой-то легкий мрак.

Особенно бросилось в глаза то, что яркая игра красок как на предметах, так и на живых существах почти поблекла, так что все казалось одно-тонно-серым.

Подобно предметам, и лица сидевших за столом потеряли свои краски.

— Смотрите, мы выглядим как мертвецы! — с ужасом воскликнул молодой оратор. — Щеки наши серы, а губы почернели.

По мере того как сгущался мрак, ужас молодой женщины все увеличивался.

— Ах, друг мой, — воскликнула она, — неужели ты и теперь еще не видишь, что бессмертные хотят предостеречь тебя? Они гневаются за то, что ты приговорил к смерти святого и невинного человека. Я думаю, что если его теперь уже и пригвоздили ко кресту, то он все-таки не успел еще испустить дух. Вели же снять его с креста! Я хочу своими руками перевязать его раны. Уступи мне, верни ему жизнь.

Но Пилат, смеясь, ответил:

— Ты, конечно, права, видя в этом знамение богов. Но они не отнимут у солнца сияния из-за того, что иудейский лжеучитель осужден на распятие. Скорее мы можем ожидать важных событий, касающихся всей империи. Кто может знать, когда старый Тиберий...

Пилат не кончил фразы, потому что наступила такая тьма, что он перестал видеть стоявшую перед ним чашу с вином.

Он прервал свою речь, чтобы приказать рабам принести несколько ламп.

Когда стало настолько светло, что он мог разглядеть лица своих гостей, он не мог не заметить дурного настроения, овладевшего ими.

— Видишь, — сказал он несколько недовольным тоном жене, — тебе, видимо, удалось омрачить наконец своими снами наше застольное веселье. Но если для тебя действительно невозможно сегодня думать ни о чем другом, то расскажи лучше нам, что видела ты во сне. Мы слушаем и попытаемся истолковать твои сны.



Молодая женщина тотчас согласилась.

И когда она передавала одно за другим свои сновидения, гости становились все серьезнее. Они перестали осушать свои кубки, и лица их вытянулись. Единственно, кто все еще смеялся и называл все это глупостями, был сам наместник.

По окончании рассказа молодой оратор сказал:

— Да, это больше чем сон, так как сам я хотя и не видел сегодня императора, зато видел, как в город въезжал старый друг его, Фаустина. Меня только удивляет, что она еще не появилась во дворце наместника.

— Действительно, ходят слухи, что император поражен ужасной болезнью, — прибавил военачальник, — и мне кажется возможным, что сон твоей жены есть предзнаменование богов.

— Нет ничего невероятного в том, что Тиберий прислал кого-нибудь за пророком, чтобы просить у него помощи, — согласился молодой оратор.

Военачальник с очень серьезным видом сказал Пилату:

— Если императору действительно пришла мысль пригласить к себе этого чудотворца, то, конечно, лучше было бы для тебя и для всех нас, если бы он застал его в живых.

Пилат уже полугневно ответил:

— Уж не сделались ли вы благодаря тьме детьми? Можно подумать, что все вы превратились в снотолкователей и пророков.

Но военачальник не переставал волноваться:

— Быть может, еще возможно было бы спасти этому человеку жизнь, если бы ты спешно послал гонца.

— Вы хотите сделать меня посмешищем в глазах населения, — ответил Пилат. — Подумайте сами, каковы бы стали порядок и правосудие в стране, если бы узнали, что наместник помило-

вал преступника, потому что жена его видела дурной сон?

— Но что я Фаустину видел в Иерусалиме, это ведь действительность, а не сон, — сказал молодой оратор.

— Я буду отвечать сам перед императором за мой проступок, — сказал Пилат. — Он поймет, что этот мечтатель, беспрекословно позволявший моим рабам мучить себя, был бы бессилён помочь ему.

В ту самую минуту, как были произнесены эти слова, весь дом задрожал от непонятного гула, похожего на раскат грома, и почувствовалось колебание земли.

Дворец наместника остался невредим, но тотчас после подземного удара донесся со всех сторон ужасающий грохот разрушающихся домов и падающих колонн.

Выждав, когда можно было расслышать человеческий голос, наместник подозвал раба:

— Поспеши к месту казни и передай мой приказ снять с креста пророка из Назарета.

Раб поспешно удалился. Гости перешли из столовой в перистиль, чтобы быть под открытым небом на случай, если землетрясение повторится. В ожидании возвращения раба никто не решался вымолвить ни слова.

Раб вскоре вернулся и остановился перед наместником.

— Застал ли ты его в живых? — спросил Пилат.

— Господин, он умер, и в тот миг, как он испустил дух, произошло землетрясение.

В эту минуту слышались два резких удара в наружную дверь. При этих ударах все вздрогнули и повскакали с мест, как будто земля снова затряслась.

Вслед за тем вошел раб:

— Благородная Фаустина и Сульпиций, приближенные императора, желают видеть намест-



ника. Они прибыли просить его помочь им найти пророка из Назарета.

В перистиле раздался словно легкий шорох и послышались едва слышные шаги. Когда наместник оглянулся, то заметил, что друзья покинули его, как человека, с которым случилось несчастье.

\* \* \*

Старая Фаустина снова прибыла на Капри и явилась к императору.

Она рассказала ему обо всем случившемся, и, пока говорила, она едва нашла в себе силы взглянуть на него.

За время ее отсутствия болезнь сделала страшные шаги вперед, и Фаустина подумала: «Если бы боги имели сострадание, они дали бы умереть мне прежде, чем я должна сказать этому несчастному, страдавшему человеку, что всякая надежда для него потеряна».

Но, к ее удивлению, Тиберий выслушал ее рассказ с полным равнодушием.

Когда она ему рассказала, что великий чудотворец распят был в тот самый день, когда она прибыла в Иерусалим, и как близка она была к спасению его, то заплакала, подавленная тяжестью испытанного разочарования.

Но Тиберий сказал ей:

— Ах, как жаль, что все годы, прожитые тобой в Риме, не отняли у тебя веры в волшебников и чудотворцев, которую ты приобрела еще в детстве в Сабинских горах!

Тогда Фаустина увидела, что Тиберий никогда серьезно не ждал помощи от назаретского пророка.

— Зачем же ты позволил мне совершить путешествие в далекую страну, если ты все время считал это бесполезным?

— Ты — единственный друг мой, — сказал

Тиберий. — Зачем было мне отказывать в твоей просьбе, пока еще в моей власти исполнить ее?

Но старуха не хотела согласиться с тем, что бы император мог угождать ей.

— Видишь ли, вот это опять твоя старая хитрость, — сказала она. — Это то, что я всего меньше могла выносить в тебе.

— Лучше было бы тебе не возвращаться ко мне, — сказал Тиберий, — лучше было бы тебе остаться в родных горах.

Одну минуту казалось, что эти два человека, так часто ссорившиеся, опять наговорят друг другу резкостей, но гнев старухи быстро исчез. Миновали времена, когда она серьезно отстаивала свои мнения пред императором. Она снова понизила голос.

Но все же она не могла совершенно отказаться от попытки доказать, что она права.

— Но этот человек действительно был пророк, — сказала она. — Я видела его. Когда глаза наши встретились, я подумала, что это — Бог. Я обезумела оттого, что не могла помешать ему идти на казнь.

— Я рад, что ты дала ему умереть, — сказал Тиберий, — он совершил преступление против императора и был бунтовщиком.

Фаустина опять готова была рассердиться.

— Я говорила со многими из его друзей в Иерусалиме, — сказала она, — он не совершил преступлений, которые на него взводили.

— Если он даже и не совершил именно этих преступлений, то от этого, наверно, не был еще лучше всякого другого, — устало проговорил император. — Где тот человек, который не заслужил бы в течение жизни тысячу раз смерти?

Эти слова императора заставили Фаустину сделать шаг, на который она все еще не решалась.

— Я хочу все-таки показать тебе пример его



чудесной власти, — сказала она. — Я говорила тебе раньше, что я отерла ему лицо моим платком. Это тот самый платок, который я теперь держу в руках. Не хочешь ли взглянуть на него?

Она развернула перед императором свой платок, и он увидел на нем бледный отпечаток человеческого лица.

Голос Фаустины дрожал от волнения, когда она продолжала:

— Этот человек видел, что я его люблю и что сердце мое полно сострадания к нему и веры в него. Я не знаю, какой силой сумел он оставить мне свое изображение. Но глаза мои наполняются слезами каждый раз, когда я смотрю на него.

Император наклонился и стал рассматривать изображение, которое казалось сотканным из крови, слез и черных теней страдания. Понемногу пред императором выступило все лицо, как оно запечатлелось на платке. Он видел капли крови на челе, колючий терновый венец, волосы, слипшиеся от крови и пота, и уста, словно дрожавшие от страдания.

Все ближе и ближе склонялся император к изображению. Все яснее выступал пред ним лик.

Он вдруг увидел, как из-за едва заметных очертаний линий сразу выступили глаза, сияющие затаенной жизнью. И в то время как эти глаза говорили ему о глубочайшем страдании, они вместе с тем обнаружили пред ним чистоту и духовность, каких он никогда раньше не видел.

Он лежал на своем ложе и поглощал глазами это изображение.

— Разве это человек? — спросил он проникновенно и тихо. — Разве это человек?

И снова он замолк и, лежа, продолжал рассматривать изображение.

Слезы текли по щекам его.

— Я оплакиваю твою смерть, о ты, неведомый, —

шептал он. — Фаустина, — воскликнул он наконец, — зачем допустила ты его умереть? Он мог меня исцелить!

И он снова погрузился в созерцание изображения.

— О ты, человек, — сказал он немного погодя, — если я уже не могу получить от тебя исцеления, то я еще могу отомстить за тебя. Тяжело обрушится моя рука на того, кто отнял тебя у меня.

Опять лежал он долго молча, затем велел опустить себя на пол и стал на колени пред изображением.

— Ты — человек, — сказал он. — Ты — то, чего я не надеялся увидеть в жизни.

И, указывая на себя самого, на свое обезображенное лицо, на разъеденные руки, прибавил:

— Я и все другие, мы — дикие звери и изверги, а ты — человек!

Он так низко склонил голову пред изображением, что коснулся земли.

— Смиловшись надо мной, о ты — неведомый! — И слезы императора оросили камни пола. — Если бы ты остался в живых, один твой взгляд исцелил бы меня!

Бедная старуха испугалась того, что она сделала. «Было бы лучше не показывать императору этого изображения», — подумала она. Она с самого начала опасалась, что страдание его будет слишком велико, когда он увидит это лицо.

И в отчаянии от горя императора она схватила платок, чтобы тот перестал смотреть на изображение пророка.

Тогда император обернулся.

И черты его преобразились, и он снова стал таким, как и до болезни.

Казалось, что болезнь вкоренилась и питалась ненавистью и презрением к людям, наполняящими сердце императора, и должна была исчезнуть

в тот миг, когда любовь и сострадание проникли в его сердце.

На следующий день Тиберий послал трех вестников.

Первый отправился в Рим и передал сенату приказ императора назначить следствие о том, как наместник в Палестине исполняет свои обязанности, и наказать его, если бы оказалось, что он притесняет народ и присуждает к смерти невинных.

Второй был послан к виноградарю и его жене, чтобы благодарить их и наградить за совет, данный императору, а также передать им обо всем происшедшем.

Выслушав все до конца, они тихо заплакали, а муж сказал:

— Я знаю, что я до конца дней моих буду думать о том, что случилось бы, если бы они оба встретились.

Но жена ответила:

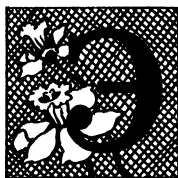
— Иначе не могло случиться. Это была невозможная мысль, что они могут встретиться. Господь Бог знал, что мир не в силах будет вынести Его.

Третий вестник отправился в Палестину и привез на Капри несколько учеников Христа, и они начали здесь проповедовать учение, принесенное с собою в мир распятым на кресте.

Когда эти ученики прибыли на Капри, Фаустина лежала на смертном одре. Но они успели еще приобщить ее к верующим в великого пророка и крестили ее. И при крещении она получила имя Вероники, что значит — «истинное изображение», потому что ей суждено было принести людям истинное изображение Спасителя.



## КРАСНОШЕЙКА



то было в то время, когда Господь творил не только небо и землю, но также животных и растения, которым Он тут же нарекал имена.

О том времени сохранилось много рассказов; и если бы все они были нам известны, то все непонятное на свете стало бы для нас ясно.

И вот однажды Господь сидел в раю и окрашивал птиц, и у Него не хватило красок, так что щегленок мог остаться непокрашенным, если бы Творец не вытер об его перышки все свои кисти.

И тогда же ослу достались его длинные уши, потому что он никак не мог запомнить данное ему имя. Сделав несколько шагов, он забывал его и

трижды возвращался назад и спрашивал, как его зовут. Тогда наш Господь, теряя терпение, взял его за уши и сказал:

— Тебя зовут — осел, осел, осел!

И, говоря так, он тянул его за уши, пока тот не стал лучше слышать и не запомнил своего имени.

В тот же день Господь наказал пчелу. Как только пчела была создана, она тотчас же начала собирать мед, а животные и люди, слыша сладкий запах меда, приходили, чтобы отведать его. Но пчела хотела все сохранить для себя одной и жалила всех, подходивших к ее сотам. Увидав это, Господь позвал к себе пчелу и наказал ее.

— Я дал тебе дар собирать мед, слаще которого нет ничего в мире, — сказал Господь, — но Я не давал тебе права быть жестокосердой к твоим ближним. Запомни же: ты умрешь, если ужалить кого-нибудь, кто захочет отведать твоего меда!..

Тогда же и сверчок ослеп, и муравей лишился крыльев; в тот день произошло много чудесного.

Господь, величественный и милостивый, целый день провел в раю, творил и пробуждал к жизни, а к вечеру Ему пришлось в голову создать маленькую серую птичку.

— Помни, что тебя зовут Красношейка! — сказал Господь птичке. Он посадил ее на ладонь, и она улетела.

Птичка полетала кругом, ознакомилась с землей, на которой ей суждено было жить, а затем ей захотелось взглянуть и на себя. И тогда она увидела, что она вся серенькая и даже шейка у нее серая. Красношейка вертелась во все стороны и смотрела на свое отражение в воде, но не могла найти у себя ни одного красного перышка. Тогда она полетела обратно к Господу. Господь восседал милостивый и кроткий, из Его рук вы-

летали воробьи и реяли над Его головой, голуби ворковали на Его плечах, а кругом, у ног Его, распускались розы, лилии и другие цветы.

Сердце маленькой птички трепетало от страха, но все-таки она подлетала к Господу все ближе и ближе и наконец опустилась на Его руку.

Тогда Господь спросил, зачем она вернулась.

— Я хотела спросить Тебя об одной вещи, — ответила птичка.

— Что же ты хочешь знать? — спросил Господь.

— Почему меня зовут Красношейкой, когда я вся серая — от кончика клюва до кончика хвоста? Почему меня зовут Красношейкой, когда у меня нет ни одного красного перышка?

Птичка умоляюще взглянула на Господа своими маленькими черными глазками и повернула головку. Она увидела вокруг себя фазанов, совсем красных, покрытых легким золотистым налетом, попугаев с пышными красными перьями на шее, петухов с красными гребнями, не говоря уже о золотых рыбках и розах. И конечно, ей пришло в голову, что довольно маленького красного пятнышка на груди и она была бы прелестной птичкой и по праву носила бы свое имя.

— Почему меня зовут Красношейкой, когда я вся серая? — еще раз повторила она и ждала, что Господь ей ответит: «Ах, дружок! Я совсем забыл выкрасить перышки на твоей груди в красный цвет. Погоди, Я сейчас это поправлю».

Но Господь кротко улыбнулся и сказал:

— Я назвал тебя Красношейкой, и ты будешь носить это имя. Но ты сама должна заслужить красные перышки на груди.

С этими словами Он поднял руку и снова пустил летать птичку. Птичка задумчиво полетела по раю. Что может сделать такая маленькая птичка, чтобы добыть себе красные перышки?



Одно пришло ей в голову — это свить гнездо в кусте шиповника. Казалось, она ожидала, что лепестки цветов упадут ей на грудь и передадут ей свой цвет.

\* \* \*

Бесконечное множество лет прошло с этого счастливейшего дня. Давно уже и животные и люди покинули рай и разошлись по всей земле. Люди научились обрабатывать землю и плавать по морям, делать себе одежду и украшения, строить великолепные храмы и могущественные города, как Фивы, Рим и Иерусалим.

И вот снова наступил день, который на долгие времена останется памятным в истории человечества. В этот день утром Красношейка сидела на невысоком обнаженном холме за стенами Иерусалима и пела своим птенчикам, сидевшим в гнезде.

Красношейка рассказывала своим детям о чудесном дне творения и о том, как Господь давал всем имена. Эту историю каждая красношейка рассказывала своим детям, начиная с самой первой, которая слышала слово Божие и вылетела из Его руки.

— И посмотрите, — печально сказала она, — с того дня прошло уже столько лет, отцвело столько роз, столько птенчиков вылупилось из яиц, что их никто не мог бы счесть, а Красношейка все еще остается маленькой серой птичкой, ей все еще не удалось заслужить красных перышек.

Малютки широко раскрыли клювы и спросили, пытались ли их предки совершить какой-нибудь подвиг, чтобы добыть эти бесценные красные перышки.

— Все мы делали, что могли, — отвечала птич-



ка, — но никому из нас не удалось достигнуть желаемого. Первая Красношейка встретила однажды другую такую же, как и она, птичку и полюбила ее так сильно, что грудь ее пылала страстью. «Ах, — подумала она, — теперь я понимаю: Господь хочет, чтобы я любила горячо-горячо, и тогда перья на моей груди окрасятся огнем, пылающим в моем сердце». Но она осталась без красных перышек, как остались мы и как останетесь и вы.

Птенчики печально зачирикали: они горевали, что на их пушистых шейках не будет красных перышек.

— Мы надеялись и на пение, — продолжала свой рассказ Красношейка. — Уже первая Красношейка пела так, что грудь ее трепетала от вдохновения, и она думала: «Ах, пылкость, с которою я пою и которая живет в моей душе, окрасит мои перышки в красный цвет». Но она ошиблась, как ошибались и все мы, как будете ошибаться и вы.

Из полуобнаженных горлышек малюток вырвался жалобный писк.

— Мы надеялись на наше мужество и смелость, — рассказывала дальше Красношейка. — Уже первая Красношейка мужественно сражалась с другими птицами, и грудь ее горела пылом битвы. «Ах, — подумала она, — мои перышки окрасятся в красный цвет от боевого пыла, что горит в моей душе!» Но она глубоко заблуждалась, как заблуждались и все мы, как будете заблуждаться и вы.

Птенчики храбро попискивали, уверяя мать, что они попытаются добиться обещанных красных перышек, но мать печально отвечала им, что это невозможно. На что можно им рассчитывать, когда их славным предкам не удалось ничего добиться? Что могут они еще сделать? Ведь они

умеют только любить, петь и сражаться. Что же еще они могут...

Птичка умолкла, потому что из Иерусалима вышла огромная толпа народу и направилась к холму, где находилось ее гнездо. Всадники гарцевали на гордых конях, шли воины с копьями, палачи с гвоздями и молотками, величаво выступали священники и судьи, шли горько рыдавшие женщины, а впереди всех неслась шумная толпа оборванцев. Маленькая птичка сидела, дрожа всем телом, на краю гнезда. Она боялась, что толпа сомнет шиповник и растопчет ее малюток.

— Смотрите, — говорила она им, — прижмитесь хорошенько друг к другу и не шевелитесь. Вот прямо на нас идет лошадь... Вот приближается воин, сандалии его подбиты железом... На нас несется вся толпа...

И птичка умолкла и притихла, словно забыв о грозившей им опасности. Вдруг она бросилась в гнездо и прикрыла птенчиков крыльями.

— Нет, это слишком ужасно! — сказала она. — Я не хочу, чтобы вы это видели: они ведут на распятие трех разбойников.

И Красношейка боязливо распускала крылья, чтобы птенцы ничего не видели. Они слышали только удары молота, жалобные стоны казнимых и дикие крики народа. Красношейка внимательно следила за всем происходившим. Ее глазки широко раскрылись от ужаса, и она не могла отвести взор от трех страдальцев.

«Как жестоки люди! — думала птичка. — Им мало того, что они пригвоздили этих несчастных к кресту, нет, они еще надели на голову одного из них терновый венец. Я вижу, как иглы изранили его чело. А этот человек так прекрасен, взор его так кроток, что его нельзя не любить. При виде его страданий сердце мое обливается кровью».



Птичка все сильнее и сильнее жалела распятого в терновом венце.

«Если бы я была моим братом, орлом, — думала она, — я вырвала бы гвозди из его рук и своими сильными когтями отогнала бы его мучителей».

Она видела, как капли крови выступали на челе распятого, и не могла больше усидеть в гнезде.



«Хотя я мала и слаба, но все-таки я должна сделать что-нибудь для несчастного мученика», — подумала птичка. Она вылетела из гнезда и полетела высоко в небо, описывая широкие круги над головой распятого.

Она долго летала кругом, не решаясь подлететь близко, потому что она была маленькая пугливая птичка, никогда не приближавшаяся к человеку. Но мало-помалу она расхрабрилась, подлетела совсем близко и вырвала клювом один из шипов,

вонзившийся в чело распятого. В это время на горлышко птицы упала капля крови этого несчастного. Она быстро растеклась и окрасила маленькие нежные перышки на шейке и грудке птички.

Когда птичка прилетела обратно в гнездо, птенчики закричали:

— Перышки на твоей груди красные! Она краснее розы!

— Это просто капля крови с чела этого бедного человека, — отвечала птичка. — Она исчезнет, когда я выкупаюсь в ручье.

Но сколько ни купалась маленькая птичка, красное пятнышко не исчезало, а когда птенчики подросли, их горлышко и грудь были окрашены в ярко-красный цвет, и так это идет до наших дней.





## ГОСПОДЬ И СВЯТОЙ ПЕТР



то случилось в то время, когда Спаситель и святой Петр только что явились в рай — после долгих лет скорбного странствования по земле и бесчисленных страданий.

Нетрудно представить себе, как рад был святой Петр. Слишком велика была разница: пребывать ли здесь, на райской горе, и взирать отсюда на мир Божий или, как прежде, бродить нищим от двери к двери! Гулять по чудесным райским садам было совсем не то что странствовать по земле и не быть уверенным, найдешь ли в бурную ночь себе приют под кровлей или же тебе придется тащиться темной, холодной ночью по пустынной дороге.



Можно себе представить радость святого Петра, когда он после таких тяжелых испытаний очутился наконец там, куда стремился. Ведь он далеко не всегда был уверен, что все кончится хорошо. Нередко святого Петра мучили сомнения и беспокойство. Как слабый человек, он не всегда понимал, к чему надо было им вести такое тяжелое существование, когда Господь наш и Спаситель — Владыка мира?!

И теперь наконец исполнилось все, что он ожидал. Больше никогда уже не придется томиться тоской... Отныне его ждет только радость и блаженство. С улыбкой вспомнил теперь святой Петр о тех унижениях и страданиях, которые пришлось претерпеть им со Спасителем. И среди других воспоминаний перед святым Петром вставал один печальный день, когда, казалось, страдания превысили силы апостола.

Спаситель взял его вместе с Собой на высокую гору, не говоря, зачем они туда идут.

Они миновали города, лежавшие у подножия горы, миновали замки, стоявшие выше в горах, прошли мимо селений, мимо хижин пастухов и скоро оставили позади себя последнюю лачугу дровосека. Наконец они добрались до совершенно обнаженной — без зелени, без деревца — вершины горы. Здесь стояла хижина какого-то отшельника, поселившегося тут, чтобы помогать заблудившимся путникам.

Отсюда они пошли уже по снежным равнинам, где лежали погруженные в зимнюю спячку животные, и достигли дико нагроможденных ледников, куда едва ли могла пробраться и альпийская коза.

Там, на самом верху, Спаситель увидел маленькую красногрудую замерзшую птичку, которая лежала на льду. Он поднял маленькую малиновку и спрятал ее. И святой Петр вспомнил

теперь в раю, что тогда ему хотелось узнать, не утолят ли они свой голод этой птичкой.

Долго шли они по скользким ледникам, и святому Петру казалось, что он никогда не был ближе к царству смерти: ледяное дыхание ветра и мертвенно-неподвижный туман окружали их, и жизнь замерла тут навеки. А между тем они едва дошли еще до половины горы. Тут апостол Петр стал просить Спасителя вернуться.

— Еще не настало время, — ответил Спаситель, — ибо Я хочу показать тебе нечто, что даст тебе мужество переносить всякие лишения.

И среди облаков пронизывающего убийственным холодом тумана двинулись они дальше и шли до тех пор, пока перед ними не встала высокая отвесная стена, преградившая им путь.

— Эта стена, — сказал Спаситель святому Петру, — идет вокруг всей горы, и ты нигде не сможешь переступить через нее. И ни одному человеку не дано видеть то, что лежит за ней, ибо место это есть преддверие рая, и там, за стеной, обитают души усопших праведников.

Святой Петр не мог удержаться от выражения недоверия на лице.

— Там, внутри, — продолжал Спаситель, — нет тьмы и холода, как здесь, там зеленеет лето и ярко сияют солнце и звезды.

Но святой Петр не в силах был этому верить.

Тогда Спаситель взял маленькую птичку, которую нашел на ледяной равнине, размахнулся и перебросил ее через стену, так что птичка упала по ту сторону. И тотчас святой Петр услышал торжествующее, радостное пение и с изумлением узнал голосок малиновки.

Тогда он обернулся к Спасителю и сказал:

— Вернемся снова на землю и будем терпеть все, что должно претерпеть, ибо я вижу теперь,



что Ты, Учитель, был прав, говоря, что есть место, где жизнь побеждает смерть.

И они спустились с горы и снова начали свои скитания.

Затем долгие годы святой Петр не видал ничего перед собой, кроме рая, и продолжал странствовать и мечтать о стране, лежащей за стеной.

И вот теперь наконец он уже здесь, и ему незачем больше томиться по ней. Он может целыми днями полной чашей черпать радость из вечных, неиссякаемых источников ее.

Но святой Петр не пробыл в раю и двух недель, как ангел явился к восседавшему на троне Господу, семикратно поклонился и поведал, что у святого Петра, видимо, тяжкое горе: он не хочет ни есть, ни пить, глаза его красны, как будто он не спал уже много ночей. Услышав это, Спаситель поднялся и пошел разыскивать святого Петра.

Он нашел его на самой отдаленной окраине рая. Святой Петр лежал на земле, словно он был так изнеможен, что не в силах держаться на ногах; он разорвал на себе одежды, а голову посыпал пеплом.

Увидев святого Петра в печали, Спаситель опустился около него на землю и заговорил так же, как говаривал с ним во времена их печальных странствований по земле.

— Что так печалит тебя, святой Петр? — спросил Спаситель.

Но горе так овладело святым Петром, что он не в силах был ничего ответить.

— Что так печалит тебя? — снова спросил Спаситель.

Когда Спаситель повторил вопрос, святой Петр снял с головы свой золотой венец и бросил его к ногам Спасителя, как бы желая сказать этим, что он не может больше иметь доли в Его славе и величии.

Но Господь хорошо знал, что только отчаяние не позволяет святому Петру понимать, что он делает, и не разгневался на него.

— Ты должен наконец сказать Мне, что так мучает тебя, — сказал Он ему так же кротко, как и раньше, и с еще большей любовью в голосе.

Тут святой Петр вскочил, и тогда Спаситель увидел, что он был не только опечален, но и разгневан.

— Я хочу просить избавить меня от служения Тебе, — сказал святой Петр. — Я не могу ни одного дня больше оставаться в раю.

Но Спаситель попытался успокоить его, как нередко делал это и раньше, когда святой Петр выходил из себя.

— Я, конечно, не хочу препятствовать тебе уйти, но ты все же должен раньше сказать Мне, что тебе здесь не нравится?

— Я скажу Тебе, что я ожидал лучшей награды, когда мы жили вместе внизу, на земле, и терпели всякое горе, — сказал святой Петр.

Спаситель видел, что душа святого Петра преисполнена горечи, и не сердился на него.

— Говорю тебе, — сказал Он, — что ты волен идти куда хочешь, если ты только скажешь Мне, что тебя печалит.

Теперь только святой Петр рассказал, почему он чувствует себя несчастным.

— У меня была старушка мать, и несколько дней тому назад она умерла.

— Теперь Я знаю, что мучает тебя, — сказал Спаситель. — Ты страдаешь оттого, что мать твоя не попала в рай?

— Да, — ответил святой Петр, и его охватила такая печаль, что он начал рыдать. — Я думаю, что я все же заслужил, чтобы она была здесь со мной, — промолвил он сквозь тяжкие стоны.

Но когда Спаситель узнал причину скорби свя-

того Петра, то и Он опечалился, ибо мать святого Петра была не из тех, кому легко войти в Царство Небесное. Она никогда не думала ни о чем другом, кроме наживы, и бедным, стучавшимся в ее дверь, она не подала за всю свою жизнь ни гроша денег, ни куска хлеба. Спаситель хорошо знал, что святой Петр не согласится, конечно, с тем, что мать его из-за своей алчности недостойна райского блаженства.

— Святой Петр, — спросил Он, — откуда ты знаешь, что мать твоя чувствовала бы себя счастливой у нас?

— Да, это Ты говоришь мне для того, чтобы отказать мне в моей просьбе. Кто же будет чувствовать себя несчастным в раю?

— Кто не радуется чужой радости, тот не может быть счастлив, — ответил Спаситель.

— В таком случае, тут есть еще и другие, кроме моей матери, которым здесь не место, — сказал святой Петр.

Спаситель увидел, что святой Петр намекает этим на Него самого. И Он был глубоко опечален тем, что святой Петр в своем горе перестал понимать, что он говорит. Спаситель постоял немного, ожидая, не раскается ли он и не убедится ли, что его матери не может быть места в раю, но тот и не думал об этом.

Тогда Спаситель позвал ангела и велел ему спуститься в ад и перенести оттуда в рай мать святого Петра.

— Я хотел бы видеть, как он ее перенесет, — сказал апостол.

Спаситель взял святого Петра за руку и привел его к скале, отвесно падавшей вниз. И Он показал ему, что стоит только немного нагнуться, чтобы прямо увидеть пропасть ада.

Заглянув туда, святой Петр вначале не мог ничего различить, как будто глядел в глубокий

колодец. Казалось, внизу разверзлась под ним бездонная черная пропасть. Первое, что он мог смутно различить, был ангел — уже на пути в бездну. Он видел, как ангел без всякого страха неся в непроглядную тьму и лишь едва раскрыл крылья, чтобы не слишком быстро спускаться.

Когда же глаза святого Петра немного привыкли к темноте, он начал видеть яснее. Прежде всего он понял, что рай расположен как бы кольцом на горе, что кольцо это окружает бездонную пропасть, в глубине которой томятся осужденные грешники. Он видел, как долго спускался ангел, все еще не достигая дна. И святого Петра начал уже пугать этот бесконечный спуск.

— О, если бы он снова вернулся сюда с моей матерью! — воскликнул он.

Спаситель взглянул на святого Петра большими грустными очами и промолвил:

— Нет той тяжести, которой бы мой ангел не мог поднять.

Глубина была настолько бесконечна, что ни один солнечный луч не проникал туда, там царил сплошной мрак. И только теперь на мгновение казалось, что полет ангела внес немного света, так что святой Петр мог рассмотреть, что делается в пропасти. Там виднелась бесконечная черная пустыня; все дно пропасти было покрыто острыми, торчащими буграми, а между ними темнели ямы черной воды. Ни зеленой травки, ни деревца, никаких признаков жизни. И всюду на острых скалах видны были карабкавшиеся по ним грешники. Они висели над утесами, куда взобрались в надежде выкарабкаться из бездны, и, когда убеждались, что им нет выхода, оставались там, наверху, окаменев от отчаяния.

Святой Петр видел, что одни из них сидят или лежат, вытянув руки, в вечной тоске устремив ввысь остановившийся взор. Другие закрыли



лицо руками, как бы для того, чтобы не видеть окружающий их безнадежный ужас. Все они были неподвижны, как бы застыли. Некоторые лежали в лужах, не пытаясь выбраться оттуда. Но ужаснее всего то, что их было так много. Казалось, что все дно бездны — сплошная масса тел и голов.

И святого Петра охватила новая тревога.

— Ты увидишь, что он не найдет ее, — сказал он Спасителю.

Спаситель снова взглянул на святого Петра, как и прежде, печальным взором. Он хорошо знал, что святому Петру не следует беспокоиться об ангеле.

Но тому все еще казалось, что ангелу не сразу удастся найти его мать среди огромной массы грешников. Ангел, раскрыв крылья, носился по дну с места на место, ища мать святого Петра.

Но вот один из несчастных грешников заметил ангела в бездне. Быстро вскочил он и протянул руки, крича:

— Возьми меня, возьми меня с собой!..

И вдруг все оживились. Бесчисленные миллионы томившихся в бездне в то же мгновение вскочили, простерши руки, и молили ангела взять их с собою в райскую обитель. Вопли грешников доносились до Спасителя и святого Петра, и сердца их забились от скорби, когда они услышали эти мольбы.

Ангел парил высоко над осужденными, но пока он носился в поисках матери святого Петра, они все толпами гнались за ним, как будто гонимые вихрем.

Наконец ангел увидел ту, которую он должен был взять. Он сложил крылья на спине и стрелой спустился вниз. И святой Петр вскрикнул от радости, когда увидел, как ангел своим крылом подхватил и поднял его мать.

— Да будешь благословен ты, приведший ко мне мою мать! — воскликнул он.

Спаситель между тем тихонько положил руку на плечо святому Петру, как бы предостерегая его от преждевременной радости.

Но святой Петр был почти готов плакать от радости, что мать его спасена, и не мог себе представить, чтобы что-нибудь могло их разлучить. И еще больше усилилась радость его, когда он



увидел, что некоторые из осужденных, несмотря на ту быстроту, с какой ангел подхватил мать святого Петра, оказались быстрее его и успели прицепиться к той, которой дано было спастись, и таким образом находились на пути в рай. Около дюжины осужденных повисли на плечах старухи, и святой Петр считал великой честью для своей матери помочь стольким несчастным спастись.

Ангел, со своей стороны, ничего не делал, что-



бы помешать им. Казалось, ноша совсем не тяготит его, и он подымался все выше и выше, и взмахи его крыльев были так легки, словно он нес на небо мертвую пташку.

Но вдруг святой Петр увидел, как мать его начала освобождаться от грешников, прицепившихся к ней. Она делала страшные усилия, отрывая их от себя, и один за другим падали они в ад. Святой Петр слышал их мольбы о пощаде, но старуха, видимо, не желала примириться с тем, что кроме нее еще кто-нибудь спасется. Она постепенно освобождалась от несчастных, сбрасывая их одного за другим в ад. И когда они падали, вся бездна оглашалась их воплями и проклятиями. Тогда святой Петр окликнул мать и стал заклинать ее быть милосердной, но она продолжала делать по-своему. И святой Петр заметил, что ангел поднимается все медленнее, по мере того как ноша становилась все легче, и святого Петра охватил такой страх, что ноги его подкосились, и он упал на колени.

Наконец осталась еще одна только душа, крепко прижавшаяся к матери святого Петра. Это была молодая женщина, повисшая у нее на шее и умолявшая взять ее с собою в рай. В это время ангел поднялся уже так высоко, что святой Петр протянул руки, чтобы принять свою мать. Ему казалось, что стоит ангелу еще два-три раза взмахнуть крыльями, чтобы очутиться на вершине горы. Но вдруг ангел внезапно остановил свой полет, и лик его стал мрачнее ночи. В это самое мгновение мать святого Петра протянула руки, схватила висевшую у нее на шее женщину, стараясь оторвать ее от себя; долго она боролась с ней, пока руки женщины не разомкнулись и старуха не освободилась от несчастной.

Когда она рухнула, ангел опустил немного, и видно было, что он не в силах взлететь наверх.

С глубокой скорбью во взоре взглянул ангел на старуху; крыло его отделилось от ее тела, и он дал ей упасть назад, в бездну, как будто она стала для него непосильной ношей с той минуты, когда осталась одна.

Затем одним взмахом крыла он поднялся в рай.

А святой Петр долго лежал на том же месте и рыдал. Спаситель же тихо стоял рядом с ним.

— Святой Петр, — сказал наконец Спаситель, — не думал Я, что ты будешь когда-нибудь так горько плакать, придя в рай.

Тогда старый слуга Господа поднял голову и с горечью воскликнул:

— Какая же цена блаженству рая, если я слышу здесь рыдания любимых мною и вижу страдания моих собратьев?!

Лик Спасителя омрачился глубочайшею скорбью.

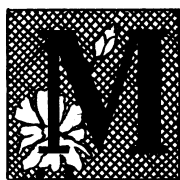
— Ничего Я так не желал, как даровать всем вам рай, полный чистейшего счастья! — сказал Он. — Разве ты не понимаешь, что только ради этого сошел Я на землю к людям и учил их любить ближних как самих себя? Пока они этого не делают — нет такого места ни на земле, ни на небе, где страдание и печаль не сопровождали бы их.







## СВЕЧА ОТ ГРОБА ГОСПОДНЯ



ного-много лет тому назад, когда Флоренция только что была провозглашена республикой, там жил один человек, по имени Раньеро ди Раньери. Он был сын оружейного мастера и хотя знал отцовское ремесло, но неохотно занимался им.

Этот Раньеро отличался необычайной силой. Про него говорили, что он может носить тяжелую железную броню так же легко, как другой — шелковую рубашку. Он был еще очень молод, но уже много раз доказывал свою силу. Раз ему пришлось быть в одном доме, где на чердаке была ссыпана рожь. Ее оказалось слишком много, и как раз, когда Раньеро был там, лопнула балка,

и потолок грозил обрушиться. Все разбежались, кроме Раньеро. Подняв руки, он подпер ими осевший потолок и держал его, пока не прибежали люди с балками.

Говорили еще о Раньеро как о самом храбром человеке, когда-либо жившем во Флоренции, и о том, что не было еще такого случая, чтобы он пресытился борьбой. Как только до него с улицы доносился какой-нибудь шум, он мигом вылетал из мастерской в надежде, что завяжется драка, в которой и он сможет принять участие. Едва ему удавалось покончить с работой, как он уже вступал в борьбу с первым попавшимся простолюдином так же охотно, как и с рыцарями, закованными в латы. Как бешеный бросался он в бой, не считая врагов.

Как раз в эту эпоху Флоренция была еще далеко не могущественна. Население ее состояло главным образом из ткачей и суконщиков, а для этих людей дороже всего был их мирный труд. Было, без сомнения, немало и даровитых людей, но они не отличались воинственностью, а славу для себя видели в том, чтобы установить во Флоренции наилучшие законы и управление, и потому Раньеро часто досадовал на то, что он родился не в стране, управляемой королем, который собирал бы вокруг себя храбрецов и где Раньеро мог бы добиться славы, почестей и высокого положения.

Раньеро был несдержан на язык и вспыльчив, жесток с животными, груб со своей женой. Жить с ним было очень тяжело. Он был бы красивым мужчиной, если бы его не безобразили бесчисленные шрамы, покрывавшие все его лицо. Решения его отличались всегда быстротой, поступки говорили о широкой натуре, но еще больше — о его необузданности.

Раньеро женат был на Франческе, дочери Джакомо дель Уберти, умного и влиятельного челове-

ка. Джакопо не особенно охотно согласился отдать свою дочь такому буяну, как Раньеро, и из всех сил противился этому браку. Но Франческа заставила отца уступить, заявив, что она никогда не выйдет замуж ни за кого другого. Тогда Джакопо дал наконец свое согласие, но сказал Раньеро:

— Я несколько раз замечал, что таким мужчинам, как ты, легче приобрести любовь женщины, чем ее сохранить, поэтому я хочу взять с тебя обещание: если дочери моей станет жить с тобой так тяжело, что она захочет вернуться домой, ты отпустишь ее ко мне по первому ее слову.

На это Франческа возразила, что совсем лишнее ставить Раньеро подобное условие: она так его любит, что ничто не в силах разлучить ее с ним. Раньеро же тотчас дал отцу это обещание.

— Можешь быть уверен, Джакопо, — добавил он, — что я и не попытаюсь удерживать у себя женщину, которая вздумает уйти от меня.

И вот Франческа переселилась от отца к Раньеро, и на первых порах все у них шло хорошо. Через несколько недель после их свадьбы Раньеро вздумалось поупражняться в стрельбе в цель. Несколько дней подряд он стрелял в доску, висевшую на стене противоположного дома. Скоро он так пристрелялся, что бил без промаха. Тогда ему захотелось испытать свою меткость на какой-нибудь более трудной цели. Он озирался, подыскивая новую мишень, но не нашел ничего подходящего, кроме перепелки в клетке, висевшей над воротами. Это была любимая птичка Франчески, но Раньеро это не остановило: он велел слуге открыть клетку и, когда птичка взвилась, застрелил ее на лету.

Этот выстрел показался ему таким удачным, что он хвастался им перед каждым, кто ему попадался.

Когда Франческа узнала, что Раньеро застрелил ее любимицу, она побледнела и посмотрела на него широко раскрытыми глазами, не понимая, как мог он так огорчить ее. Но она тотчас же простила ему и продолжала любить его по-прежнему.

Опять некоторое время все шло благополучно.

Тесть Раньеро, Джакопо, ткал полотна. Он имел большую мастерскую, где всегда было много заказов. Раньеро показалось, будто в мастерской Джакопо примешивают в лен пеньку, и он тотчас же принялся благовестить об этом по всему городу, не попытавшись даже проверить свое открытие. Наконец эта сплетня дошла и до Джакопо, и он решил тотчас положить ей конец. Он дал исследовать свои нитки и пряжу нескольким специалистам своего ремесла, и те нашли, что все это чистейший лен. Только в одном тюке, проданном за пределы Флоренции, нашлась небольшая примесь. Джакопо заявил, что этот обман совершен без его ведома кем-нибудь из подмастерьев.

Но он и сам понимал, что ему трудно будет заставить всех поверить этому. Он всегда слыл безукоризненно честным торговцем, и ему нелегко было сознавать, что честь его запятнана.

Раньеро же кичился тем, что ему удалось раскрыть обман, и похвалялся этим всюду, не стесняясь даже присутствием Франчески.

Как и в тот раз, когда он убил ее любимую птичку, Франческа была опечалена и изумлена. Она упорно думала о поступках Раньеро, и вдруг ей показалось, что она видит перед собою свою любовь и эта любовь подобна большому куску нежной, золотистой ткани. Франческа видела, как велика была ее любовь и как прозрачна. Но от одного конца грубо отхвачен кусок, и ткань укоротилась. Впрочем, она еще так немного укоротилась, что Франческа думала: «Еще хватит

этой любви на всю мою жизнь! Не скоро изрежут мою чудесную ткань...»

Опять прошло некоторое время, и она и Раньеро были так же счастливы, как и вначале.

У Франчески был брат, по имени Таддео. Он уезжал по делам в Венецию и там купил себе платье из бархата и шелка. Вернувшись домой, он всюду ходил и хвастался дорогой обновкой; но во Флоренции не было в обычае роскошно одеваться, и поэтому многие подшучивали над Таддео.

Однажды вечером Раньеро и Таддео были в таверне. На Таддео был зеленый плащ на собольем меху. Раньеро подпоил шурина, и тот задремал; тогда Раньеро снял с него плащ и повесил на птичье пугало в огороде.

Когда Франческа узнала об этом, снова гнев охватил ее, и в ту же минуту она опять увидела перед собою огромный кусок золотистой ткани, который был ее любовью, и ей показалось, что он все уменьшается, потому что Раньеро сам отрезает кусок за куском.

Снова на время между ними установился мир, и все шло хорошо. Но Франческа не была уже так счастлива, как раньше, — она постоянно ждала, что Раньеро снова нанесет какую-нибудь рану ее любви.

И действительно, Франческе недолго пришлось ждать этого, потому что Раньеро не мог долго жить спокойно. Он хотел быть постоянно у всех на языке, хотел, чтобы все говорили об его храбрости и неустрашимости.

На соборе, который тогда был гораздо ниже теперешнего, на одной из башен висел большой тяжелый щит. Он был повешен туда одним из предков Франчески. Говорили, что это был самый тяжелый щит и его мог носить только сильнейший из флорентийцев, и весь род Уберти гордился

тем, что один из них смог подняться на башню и повесить там этот щит.

Но вот однажды Раньеро добрался до щита, повесил его себе на спину и спустился с ним с собора.

Когда Франческа узнала об этом, она впервые высказала Раньеро то, что ее мучило, и просила его не унижать род, к которому она принадлежит. Раньеро, ожидавший, что она будет восхвалять его геройский подвиг, очень рассердился.

— Я давно вижу, — сказал он, — что ты не радуешься моим успехам, а думаешь только о своей родне.

— Я думаю совсем о другом, — с грустью отвечала Франческа, — и это другое — моя любовь. Я не знаю, что станет с ней, если ты будешь и дальше так продолжать!

С этого дня они часто ссорились, так как и слепой бы заметил, что Раньеро делает всегда как раз то, что могло только глубоко опечалить Франческу.

В мастерской Раньеро был один маленький и хромой подмастерье. Этот юноша полюбил Франческу еще до ее замужества и продолжал ее любить и теперь. Раньеро, звавший об этом, забавлялся тем, что дразнил его, особенно когда они все вместе сидели за столом. Наконец дело дошло до того, что несчастный, не стерпев насмешек в присутствии Франчески, бросился однажды на Раньеро и хотел с ним бороться. Но Раньеро только расхохотался и отшвырнул его в сторону. Бедняк после такого позора решил покончить с собой, ушел к себе и повесился.

Это произошло приблизительно через год после свадьбы Раньеро и Франчески. Франческе ее любовь все еще казалась блестящей тканью, но со всех сторон от нее были отрезаны куски, так что едва ли в ней осталась и половина того, что было

вначале. Очень испугалась Франческа, увидев это, и подумала про себя: «Если я останусь еще хоть год у Раньеро, то он разобьет мою любовь, и я стану настолько же несчастна, насколько до сих пор была счастлива».

Тогда она решила оставить дом Раньеро, вернуться к своему отцу и жить у него, чтобы избежать наступления дня, когда она возненавидит Раньеро так же сильно, как еще и теперь она его любила.

Джакопо дель Уберти сидел за своей работой, а вокруг него работали все его подмастерья, когда он увидел входившую Франческу. Он сказал, что наконец случилось то, чего он давно ждал, и с радостью принял ее. Он тотчас велел своим людям бросить работу, вооружиться и запереть дом.

Затем Джакопо отправился к Раньеро. Он застал его в мастерской.

— Дочь моя сегодня вернулась ко мне и просила позволения остаться под моим кровом, — сказал он зятю, — и я надеюсь, что теперь ты, согласно данному мне обещанию, не станешь принуждать ее вернуться к тебе.

Раньеро, по-видимому, отнесся к случившемуся не особенно серьезно и равнодушно ответил:

— Если бы даже я и не дал тебе обещания, поверь, я не старался бы вернуть женщину, которая не желает быть моей.

Он знал, как сильно Франческа любит его, и подумал про себя: «Еще не наступит вечер, как она снова будет у меня!»

Но она не появлялась ни в этот, ни на следующий день.

На третий день Раньеро вышел из дому и отправился в погоню за двумя разбойниками, которые давно уже беспокоили флорентийских купцов. Ему удалось с ними справиться и привести обоих связанными во Флоренцию.

Несколько дней он сидел спокойно, ожидая, когда весть об его геройском подвиге облетит весь город. Но того, что он ожидал, не случилось, и этот подвиг не вернул к нему Франческа. Раньеро с радостью потребовал бы, чтобы ее вернули на основании закона, но ему казалось, что он не может этого сделать вследствие данного им обещания. Жить же в одном городе с женщиной, которая его бросила, казалось ему невозможным.

И он оставил Флоренцию.

Сначала он стал солдатом, а затем, очень скоро, сделался предводителем отряда добровольцев. Он постоянно воевал и служил многим государям.

Он заслужил почетную известность как военачальник, как всегда и предсказывал. Император посвятил его в рыцари, и он считался в ряду вельмож.

Покидая Флоренцию, он дал обет перед образом Мадонны в соборе — присылать в дар Святой Деве все самое лучшее и самое прекрасное, что достанется ему на войне. И у подножия статуи Святой Мадонны всегда можно было видеть драгоценные приношения Раньеро.

Раньеро знал таким образом, что все его геройские подвиги известны в его родном городе. Он удивлялся, почему Франческа дель Уберти не возвращается к нему, раз она знает обо всех его успехах.

В это время раздалась проповедь, призывавшая к Крестовому походу для освобождения Гроба Господня, и Раньеро, взяв крест, отправился на Восток. Он надеялся завоевать там замки и подчинить себе целые области; в глубине же души он верил в то, что Франческа не устоит перед его подвигами на Востоке, снова полюбит и вернется к нему.



В ночь после взятия Иерусалима в лагере крестоносцев, у стен города, происходило большое торжество. Почти в каждой палатке шла попойка, и смех и шум слышны были далеко кругом.

Раньеро ди Раньери сидел с несколькими из своих боевых товарищей за пирушкой, и здесь творилось, кажется, что-то еще более дикое, чем у других. Слуги едва успевали наполнять кубки, как они уже были снова пусты. Но Раньеро действительно больше других имел право праздновать победу: в этот день на его долю выпала небывалая честь. Утром, при взятии города приступом, Раньеро рядом с Готфридом Бульонским первым вступил на стены города, а вечером его чествовали за храбрость перед всем войском.

Когда кончились грабежи и убийства и крестоносцы в власяницах с незажженными свечами вошли в храм Гроба Господня, Готфрид объявил, что Раньеро разрешается первому зажечь свою свечу от священного пламени, горящего у Гроба Господня. Раньеро казалось, что Готфрид хочет этим выделить его как храбрейшего во всем войске. И он очень радовался такой награде за свои подвиги.

Уже наступила ночь. Раньеро и его гости были в самом лучшем настроении духа, когда к его палатке подошел шут, бродивший по лагерю в сопровождении двух комедиантов и забавлявший всех своими шутками. Шут попросил разрешения рассказать им одну забавную историю.

Раньеро согласился выслушать его рассказ.

— Однажды, — начал шут, — Спаситель и святой Петр целый день сидели на самой высокой башне райского града и глядели оттуда на землю. Перед их взорами проходило столько событий, что они едва находили время перекинуть-

ся словом. Спаситель был все время спокоен, но святой Петр то хлопал в ладоши от восторга, то с отвращением отворачивался, то улыбался и радовался, то плакал навзрыд. И когда день стал клониться к концу и вечерние сумерки начали двигаться на рай, Спаситель обернулся к святому Петру и сказал, что теперь он должен радоваться и быть вполне доволен.

«Чем мне быть особенно довольным?» — резко ответил святой Петр.

«Я думал, — мягко сказал Спаситель, — ты будешь доволен тем, что видел сегодня».

Но святого Петра не смягчили слова Спасителя.

«Правда, я иногда сетовал на то, — сказал он, — что Иерусалим находится во власти неверных, но после того, что произошло сегодня, я думаю, что лучше было бы, если бы все оставалось по-прежнему».

Раньеро понял теперь, что шут говорил о том, что произошло за этот день. И он и другие рыцари стали с большим вниманием прислушиваться к рассказу.

— Сказав это, — продолжал шут, поглядывая на рыцарей, — святой Петр перегнулся через перила башни и указал Спасителю на город, расположенный на огромной скале, одиноко поднимавшейся из горной лощины: «Взгляни на эти груды трупов, на кровь, льющуюся по улицам, на несчастных нагих пленников, рыдающих среди холодного мрака ночи, на дымящиеся всюду пожарища!..»

Но Спаситель, казалось, не хотел ничего отвечать, и святой Петр продолжал сокрушаться. Он говорил, что, конечно, город этот не раз заслуживал его гнева, но он никогда не желал ему такого несчастья, какое теперь обрушилось на него. Тут наконец Спаситель прервал молчание и попытался возразить.

«Ты все же не можешь отрицать, святой Петр, что христианские рыцари рисковали своей жизнью с удивительной отвагой», — сказал он.

Это место в рассказе шута вызвало шумное одобрение, но он поспешил продолжать.

— Нет, не прерывайте меня, — просил он, — теперь я не знаю, на чем остановился... Да, я, кажется, хотел сказать, что святой Петр вытер слезы, выступившие у него на глазах и мешавшие ему смотреть.

«Никогда бы я не мог подумать, — сказал святой Петр, — что они окажутся такими дикими зверями. Целый день они только убивали и грабили! Я не понимаю, как мог Ты предать себя на распятие, чтобы приобрести потом таких последователей».

Рыцари милостиво приняли эту шутку. Они начали громко и весело смеяться.

— А что, шут, святой Петр действительно уже так на нас гневается? — спросил один из них.

— Не мешай, — прервал другой. — Дай послушать, не принял ли нас Спаситель под свою защиту?

— Нет, Спаситель долго молчал, — сказал шут. — Он давным-давно знал, что когда святой Петр дал волю гневу — бесполезно возражать ему. Слуга Господа продолжал горячиться и сказал, что Спаситель может не говорить о том, что рыцари в конце концов опомнились, где они, в какой город они пришли, и пошли босыми, в одежде кающихся в храм.

«Впрочем, их покаяния хватило ненадолго; о нем не стоит и говорить, — добавил святой Петр и, перегнувшись через ограду, указал Спасителю на Иерусалим и на раскинувшийся у стен города лагерь христиан. — Видишь, как Твои рыцари празднуют победу?» — спросил он.

И Спаситель увидел, что всюду в лагере побе-

да празднуется кутежом; рыцари и воины сидели и любовались сирийскими танцовщицами. Кругом ходили полные чаши, бросали жребий, деля военную добычу...

— И слушали шутов, рассказывающих глупые истории! — перебил Раньеро. — Не было ли и это большим грехом? — спросил он с насмешкой.

Шут засмеялся и кивнул в сторону Раньеро, как бы желая сказать: «Погоди, дай срок, я уж доберусь до тебя. Я тебе отплачу!»

— Нет, не перебивайте меня! — попросил он снова. — Бедный шут так легко забывает, что хочет сказать... Да, действительно святой Петр самым суровым тоном спросил Спасителя, неужели он думает, что эта толпа делает Ему большую честь. На это Спаситель, разумеется, должен был ответить, что Он этого не думает. Они были разбойниками и убийцами, прежде чем покинули родину, — разбойниками и убийцами остались и поныне.

«И Ты лучше бы сделал, если бы не дал этому осуществиться. Ничего путного из этого не выйдет».

— Ну, ну, шут! — пригрозил Раньеро.

Но шут, по-видимому, решил испытать, как далеко может он зайти, пока кто-нибудь не вскочит и не вышвырнет его вон. И как ни в чем не бывало он продолжал:

— Спаситель лишь молча опустил голову, как бы сознавая, что Его постигла справедливая кара. Но в то же мгновение Он вдруг наклонился и стал к чему-то присматриваться еще внимательнее, чем прежде. Тогда и святой Петр стал туда же смотреть.

«На что Ты смотришь?» — спросил он.

Шут сопровождал свой рассказ очень живой мимикой. Все рыцари, казалось, собственными глазами видели Спасителя и святого Петра.

Рассказ шута захватил их, они ждали объяснения и спрашивали себя, что же увидел Спаситель.

— Спаситель ответил, — продолжал шут, — что там нет ничего особенного. Однако он продолжал туда глядеть. Святой Петр следил глазами за взором Спасителя и наконец убедился, что Спаситель смотрит в большую палатку, перед которой высились воткнутые на длинных шестах две сарацинские головы. Внутри же была навалена масса великолепных ковров, золотой посуды и драгоценного оружия, награбленного в священном городе. В этой палатке происходило то же, что и во всем лагере. Здесь сидела кучка рыцарей и осушала кубки и чаши. Единственная разница, пожалуй, заключалась в том, что здесь еще больше шумели и пили, чем в других местах. Святой Петр никак не мог понять, почему Спаситель, глядя на эту попойку, был так доволен и радость светилась в Его очах. Ему казалось, что едва ли он когда-нибудь видел за одним столом столько суровых и страшных лиц, как здесь. А хозяин пира, сидевший на почетном месте за столом, был ужаснее всех. Это был человек лет тридцати пяти, очень высокий и толстый, с красным лицом, обезображенным рубцами и шрамами, с тяжелыми кулаками и громким, резким голосом.

Здесь шут на мгновенье остановился, как бы боясь продолжать; но Раньеро и другим забавно было слушать, как рассказывают о них самих, и они только смеялись над его дерзостью.

— Ты смелый малый, — сказал шуту Раньеро. — Посмотрим-ка, куда ты гнешь!

— Наконец, — продолжал шут, — Спаситель проронил несколько слов, из которых святой Петр понял, чему Он радуется. Господь спросил святого Петра, действительно ли это так или Ему только кажется, что около одного из рыцарей стоит зажженная свеча?

При этих словах Раньеро вздрогнул. Теперь он уже разозлился на шута и протянул было руку за тяжелой кружкой, чтобы бросить ему в лицо, но сдержался, решив дослушать до конца рассказ, чтобы узнать, хочет ли шут прославить его или унижить.

Шут продолжал:

— Святой Петр увидел, что палатка хотя и была освещена, как и другие, факелами, но около одного из рыцарей действительно стояла зажженная восковая свеча. Это была большая толстая свеча, которая могла гореть целые сутки. У рыцаря не было подсвечника, куда бы он мог ее вставить, и он обложил свечу целой грудой камней, чтобы она не упала.

При этих словах пирующие громко рассмеялись. Все указывали на свечу, которая возвышалась на столе около Раньеро и стояла именно так, как описывал шут. Но кровь бросилась в лицо Раньеро, так как это была та самая свеча, которую несколько часов тому назад ему было разрешено зажечь у Гроба Господня. У него не хватило духа погасить ее.

— Когда святой Петр увидел это, он ясно понял, что обрадовало Спасителя, — продолжал шут, — но он не мог удержаться, чтобы слегка не пожалеть Его.

«Да ведь это тот самый рыцарь, который сегодня утром вслед за Готфридом Бульонским первым поднялся на городскую стену, а вечером получил разрешение зажечь прежде всех свою свечу у Гроба Господня».

«Да, это он, и, как видишь, свеча его горит еще до сих пор».

Шут рассказывал теперь очень быстро, время от времени поглядывая на Раньеро:

— Святой Петр и теперь не мог отказаться от желания хоть немного разочаровать Спасителя.

«Неужели Ты не понимаешь, почему эта свеча горит около него? — сказал он. — Ты думаешь, что, глядя на нее, он вспоминает Твои страдания и крестную смерть? Но рыцарь думает только о славе, которую он приобрел после того, как его признали храбрейшим в войске после Готфрида Бульонского».

Тут все гости Раньеро захохотали. Самого его охватил гнев, но он заставлял себя смеяться. Рыцарь знал, что все бы стали издеваться над ним, если бы он не мог снести шутки.

Шут продолжал:

— Но Спаситель возразил святому Петру: «Разве ты не видишь, как рыцарь заботится о своей свече? Он заслоняет пламя рукой, как только полотно палатки зашевелится, из боязни, что ветер задует огонь. Он непрерывно отгоняет ночных бабочек, которые летают вокруг огня, грозя его потушить».

Смех становился все оживленнее, так как то, что шут говорил, было чистейшей правдой. Раньеро все труднее становилось владеть собою. Он чувствовал, что не в силах снести, чтобы кто-нибудь смеялся над священным огнем.

— Но святой Петр, — продолжал шут, — был недоверчив. Он спросил Спасителя, знает ли Он, что этот рыцарь не из тех, которые часто бьются у мессы или протирают колени в церкви?

Но Спаситель стоял на своем.

«Святой Петр, святой Петр! — сказал Он торжественно. — Помни, что этот рыцарь впоследствии будет набожнее Готфрида. Откуда, как не от Гроба Моего, исходят милосердие и благочестие? Ты увидишь, что Раньеро ди Раньери будет помогать вдовам и несчастным узникам; ты увидишь, что он возьмет под свою защиту больных и несчастных, подобно тому как сейчас он оберегает священное пламя».

В ответ на это раздался дружный хохот. Всем, кто знал характер и жизнь Раньеро, это казалось очень забавным. Но ему самому эти шутки и смех не понравились. Он вскочил и хотел расправиться с шутком. При этом он так сильно толкнул стол, сделанный из положенной на столбы двери, что тот пошатнулся и свеча упала. Тут стало ясно, насколько дорожил Раньеро тем, чтобы сохранить эту свечу горячей. Он подавил свой гнев и раньше, чем броситься на шута, поднял свечу и поправил фитиль. А пока он возился со свечой, шут уже исчез из палатки, и Раньеро понял, что теперь напрасно будет преследовать его в ночной тьме.

«Уж я поймаю его где-нибудь в другой раз», — подумал он и снова сел.

Гости же продолжали смеяться, и один из них, желая продолжить шутку, сказал Раньеро:

— Одно только несомненно, Раньеро, что на этот раз тебе не удастся послать во Флоренцию Мадонне самое драгоценное из того, что ты добыл в бою.

Раньеро спросил, почему тот думает, что на этот раз он не в силах будет сдержать свой обет.

— Да потому, — ответил тот, — что самая драгоценная твоя добыча — пламя этой свечи, зажженной тобой в церкви у Гроба Господня на глазах всего войска. Послать же эту свечу во Флоренцию ты ведь едва ли будешь в состоянии.

Снова рассмеялись рыцари, но Раньеро пришел теперь в такое возбуждение, что решился бы на самый отчаянный поступок, лишь бы положить конец их смеху. Он быстро принял решение, подозвал одного из старых оруженосцев и сказал ему:

— Приготовься в дальний путь, Джованни. Завтра ты отправишься с этим священным пламенем во Флоренцию.



Но оруженосец наотрез отказался исполнить это приказание:

— Этого я не могу взять на себя. Возможно ли ехать верхом со свечой в руке во Флоренцию? Она погаснет раньше, чем я успею выйти из лагерь.

Раньеро опросил одного за другим всех своих людей. От всех получил он тот же ответ. Казалось, они даже не верили, что он серьезно отдает такое приказание. Конечно, чем очевиднее становилось, что ни один из воинов Раньеро не хочет исполнить его приказания, тем смех рыцарей становился все громче и веселее.

Раньеро горячился все сильнее и сильнее. Наконец он потерял терпение и воскликнул:

— Эта свеча все-таки будет доставлена во Флоренцию, и так как никто не хочет ехать с ней, то я сделаю это сам!

— Обдумай свои слова раньше, чем давать такой обет, — сказал один из рыцарей. — Ты упустишь княжество.

— Клянусь вам, что я доставлю это пламя во Флоренцию! — воскликнул Раньеро. — Я сделаю то, чего никто не хотел взять на себя.

Старый оруженосец стал оправдываться:

— Для тебя это совсем другое дело. Ты можешь взять с собой большую свиту, меня же ты хотел послать одного.

Раньеро был совершенно вне себя и, не обдумывая своих слов, сказал:

— И я отправляюсь один.

Но этим Раньеро достиг своей цели. Все в палатке перестали смеяться. Они сидели, объятые страхом, и с изумлением смотрели на него.

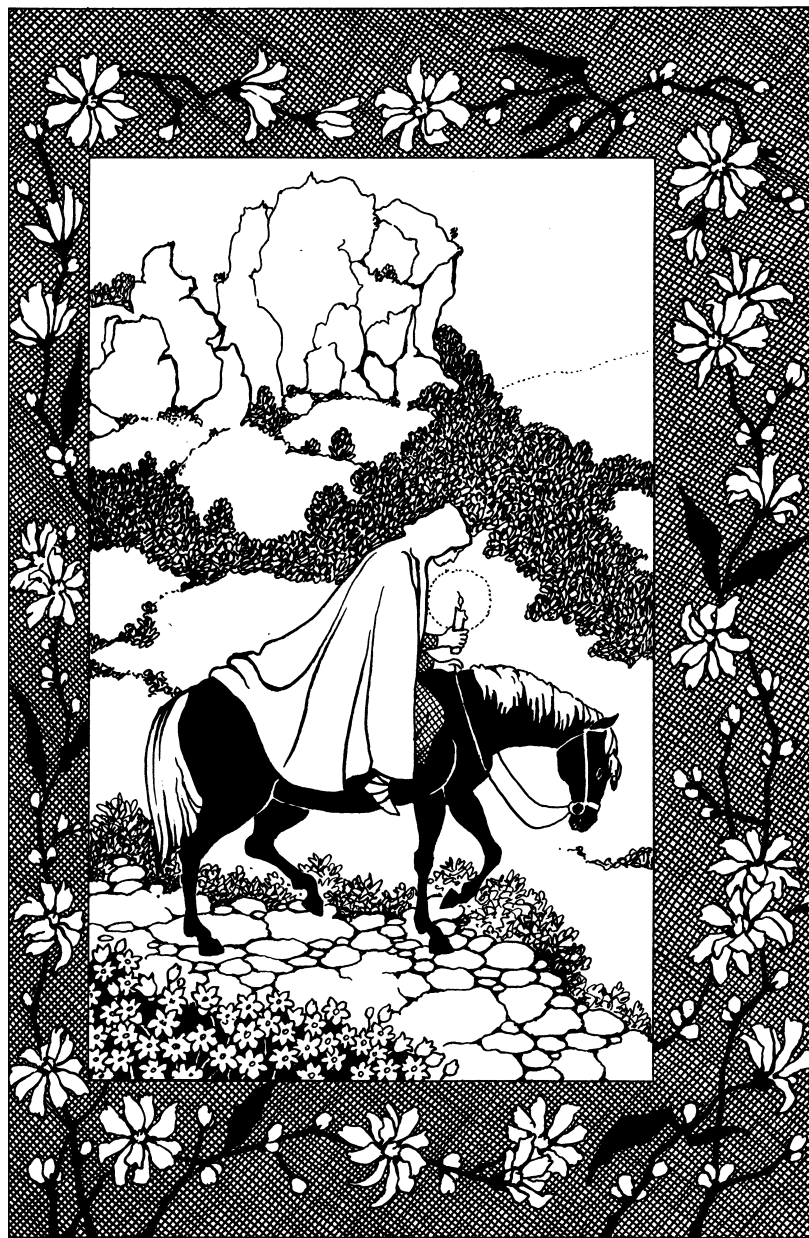
— Что же вы не смеетесь? — спросил Раньеро. — Для храброго человека мое предприятие не больше как детская забава.

На следующий день на рассвете Раньеро сел на коня. Он был в полном рыцарском одеянии, но поверх него он накинул тяжелый плащ пилигрима, чтобы железная броня не слишком накалялась от солнца. Он был вооружен мечом и секирой и имел под собой прекрасного коня. В руке он держал горящую свечу, а к седлу привязал несколько пучков больших восковых свечей, чтобы поддерживать в пути пламя. Раньеро медленно ехал меж густых рядов палаток, и пока все шло хорошо. Было так рано, что туман, поднявшийся из глубоких долин вокруг Иерусалима, еще не рассеялся, и Раньеро ехал как бы среди белой ночи. Весь лагерь спал, и Раньеро легко миновал сторожевых. Никто из них не окликнул его, потому что в густом тумане ничего не было видно, а на дороге лежал толстый слой пыли, заглушавший стук копыт его лошади.

Скоро Раньеро оставил уже позади себя лагерь и направился по дороге, ведущей в Яффу. Теперь дорога стала лучше, но он ехал все еще очень медленно из-за горящей свечи. Она плохо горела среди густого тумана — красноватым дрожащим светом. И все время налетали различные крупные насекомые и задевали пламя своими трепещущими крыльями. Раньеро все время старательно оберегал свечу; он не падал духом и все еще думал, что задача, которую он себе поставил, так легка, что ее мог бы выполнить и ребенок.

Но лошадь устала от медленного шага и пошла галопом. Тогда пламя от ветра стало колебаться. Раньеро пытался защитить огонь рукой и плащом, но это не помогало. Он видел, что пламя может вскоре совсем погаснуть.

Но Раньеро был вовсе не намерен так легко отказаться от задуманного. Он остановил лошадь и,



сидя неподвижно в седле, несколько мгновений размышлял. Наконец вскочил с седла и попробовал сесть на лошадь задом, чтобы защищать своим телом пламя от ветра. Так удалось ему сохранить свечу горящей, но он скоро убедился, что путешествие будет гораздо труднее, чем это казалось ему вначале.

Когда он миновал горы, окружающие Иерусалим, туман рассеялся. Теперь он ехал в глубоком одиночестве. Кругом не было ни людей, ни домов, ни зеленых деревьев или растений, а одни только голые вершины.

Здесь на Раньеро напали разбойники. То были бродяги, тайком следовавшие за лагерем и жившие грабежом и разбоем. Они скрывались позади холма, и Раньеро, ехавший задом, заметил их только тогда, когда они уже окружили его и направили на него свои мечи.

Их было человек двенадцать, вид у них был довольно жалкий, и сидели они на несчастных клячах.

Раньеро сейчас же увидел, что ему нетрудно было бы проложить себе дорогу и поехать дальше. Но этого нельзя было сделать, не бросив свечи. После же тех гордых слов, которые он произнес минувшей ночью, ему не так-то легко было отказаться от своего намерения.

Поэтому он не нашел иного выхода, как вступить в переговоры с разбойниками. Он сказал им, что, так как он хорошо вооружен и у него прекрасная лошадь, им едва ли пришлось бы одолеть его, если бы он стал защищаться. Но так как он связан обетом, то не хочет оказывать сопротивления, а предоставляет им без боя взять у него все, что они хотят, если только они обещают не гасить его огня.

Разбойники ожидали сурового отпора и потому очень обрадовались неожиданному предложению

Раньеро и тотчас же принялись его грабить. Они взяли все его доспехи, коня, оружие и деньги. Единственное, что они оставили ему, это грубый плащ и пучки свечей. При этом они сдержали свое слово и не погасили свечи.

Один из них вскочил на коня Раньеро. Когда он увидел, как хорош этот конь, ему стало жаль рыцаря, и он сказал:

— Мы не поступим так жестоко с христианином. Ты можешь взять мою лошадь и ехать на ней.

Это была несчастная кляча, которая двигалась так медленно и вяло, словно она была деревянная.

Когда разбойники наконец скрылись из виду и Раньеро стал взбираться на клячу, он сказал сам себе:

— Я, должно быть, околдован этим пламенем; ради него я еду теперь, как жалкий нищий.

Он понимал, что разумнее всего было бы вернуться, потому что предприятие казалось действительно невыполнимым.

Но его охватило такое страстное желание выполнить обет, что он не в силах был ему противиться.

И он двинулся дальше, глядя все на те же голые, обнаженные, с желтыми скатами горы. Немного спустя он проехал мимо пастуха, пасшего четырех коз. Увидя, что животные пасутся на каменистой почве, Раньеро подумал про себя, что они едят землю.

Этот пастух, должно быть, имел раньше большое стадо, отнятое у него крестonosцами. Заметив теперь одинокого христианина, он рад был причинить ему, по возможности, больше зла. Он бросился на Раньеро и ударил палкой по свече. Раньеро так был занят своей свечой, что не пытался защищаться от пастуха, который несколько раз ударил по свече, но затем остановился в

изумлении. Он видел, что плащ христианина загорелся, а тот и не думает тушить его, пока пламя свечи в опасности. Пастуху, видимо, стало стыдно. Он долго шел за Раньеро, и в одном месте, где дорога шла меж двух пропастей, он подошел к нему и провел его лошадь.

Раньеро улыбнулся при мысли, что пастух, наверное, принял его за святого, исполняющего обет.

К вечеру навстречу Раньеро начали попадаться люди. Дело в том, что весть о падении Иерусалима распространилась за ночь по всему побережью, и целые толпы народа тотчас направились туда. То были пилигримы, ждавшие долгие годы возможности попасть в Иерусалим; тут же встречались и запоздавшие крестоносцы, и главным образом купцы, спешившие туда с жизненными припасами.

При виде Раньеро, сидевшего спиной к лошади с горящей свечой в руке, они начали кричать: «Безумный, безумный!»

Большинство из них были итальянцы, и Раньеро слышал крики на родном языке: «Pazzo, pazzo!» — что значит «безумный».

В течение целого дня Раньеро сдерживал себя, но эти непрерывно повторявшиеся крики раздражали его. Он внезапно соскочил с седла и стал умирять крикунов увесистыми кулаками. Они скоро убедились в тяжеловесности его ударов и разбежались во все стороны, а он остался один.

Тут Раньеро опомнился. «Они правы, называя меня безумным», — подумал он, ища глазами свечу, так как он на мгновение забыл о ней. Он увидел ее наконец в стороне от дороги, в яме, куда она скатилась. Свеча погасла, но вблизи нее, в сухой траве, он увидел огонь и понял, что счастье не оставило его, так как пламя загло траву раньше, чем погаснуть.

«Как печально могли кончиться все мои труды!» — подумал он, зажигая свечу и садясь в седло. Он чувствовал себя подавленным. Ему казалось теперь маловероятным, чтобы его путешествие кончилось благополучно.

К вечеру Раньеро прибыл в Рамле и подъехал к дому, где останавливаются на ночлег караваны. Это был большой застроенный двор. Вокруг него были устроены небольшие стойла, где путешественники на ночь привязывали лошадей. Комнат не было, и люди спали рядом с животными.

Народу набралось уже много, но хозяин все-таки очистил место для Раньеро и его лошади. Он дал ему поесть и задал корм лошади.

Заметив, как хорошо к нему относятся, Раньеро подумал: «Я готов верить, что разбойники оказали мне услугу, отняв у меня доспехи и коня. Несомненно, что с этой ношей мне легче будет путешествовать по стране, если меня будут принимать за юродивого».

Поставив лошадь в стойло, Раньеро сел на вязку соломы, держа свечу в руках. Он решил не спать, а бодрствовать всю ночь.

Но едва Раньеро присел, как в тот же миг задремал. Усталый, он вытянулся во время сна во весь свой рост и проспал так до утра.

Проснувшись утром, он не нашел возле себя ни огня, ни свечей. Он стал искать в соломе, но и там ничего не находил.

«Кто-нибудь отнял у меня свечу и погасил ее», — подумал он и попытался уверить себя, что он очень рад, так как этим все кончилось и он не обязан больше стремиться выполнить неразрешимую задачу.

Но вместе с тем он почувствовал какую-то внутреннюю пустоту и тоску. Ему казалось, что никогда он не желал так страстно исполнить задуманное, как теперь.

Он вывел лошадь и оседлал.

Когда Раньеро уже был готов, к нему подошел хозяин постоянного двора, держа горящую свечу, и сказал на франкском языке:

— Вчера я должен был взять у тебя эту свечу, так как ты заснул, а теперь можешь получить ее обратно.

Раньеро, притворяясь равнодушным, сказал безразличным тоном:

— Ты умно сделал, что погасил огонь.

— Нет, я не тушил, — возразил хозяин, — я видел, что ты пришел ко мне с горящей свечой, и думал, что для тебя важно, чтобы огонь продолжал гореть. Когда ты посмотришь, насколько уменьшилась свеча, ты поймешь, что она горела всю ночь.

Раньеро просиял от радости. Он поблагодарил хозяина и уехал в прекраснейшем настроении духа.

\* \* \*

Отправляясь из Иерусалима, Раньеро хотел совершить свой путь морем из Яффы в Италию. Но он оставил этот план после того, как разбойники отняли у него деньги, и решил ехать сухим путем.

Это было длинное путешествие. Из Яффы он направился к северу вдоль берегов Сирии. Дальше путь шел на запад, вдоль Малоазиатского полуострова. И затем снова на север, вплоть до Константинополя. А отсюда ему предстоял долгий путь до Флоренции.

Все это время Раньеро питался подаянием. Большею частью пилигримы, массаи направлявшиеся в Иерусалим, делились с ним пищей.

Хотя Раньеро ехал все время один, дни не казались ему ни длинными, ни однообразными. Он



все время не переставал охранять пламя, благодаря чему никогда не мог чувствовать себя вполне спокойным. Достаточно было дунуть ветру, упасть капле дождя, чтобы оно погибло.

В то время как Раньеро ехал пустынными дорогами и думал только о том, чтобы поддержать священный огонь, ему пришло в голову, что когда-то раньше он видел нечто подобное. Он видал в былые времена в своей жизни человека, который оберегал что-то столь же непрочное, как пламя свечи.

Вначале это воспоминание мелькало так неясно, что он не вполне был уверен, действительно ли когда-нибудь случилось то, о чем ему грезится?

Но по мере того как он продолжал одиноко продвигаться вперед, ему все чаще и чаще приходила в голову мысль, что нечто подобное когда-то уже было с ним.

«Точно я никогда в жизни ни о чем другом не думал», — не раз мелькало в его голове.

Однажды вечером Раньеро въехал в какой-то город. Смеркалось, и женщины стояли в дверях своих домов, поджидая мужей. Одна из женщин привлекла внимание Раньеро: высокого роста, стройная, с печальными глазами, она напоминала ему Франческу дель Уберти.

В тот же миг Раньеро понял, о чем вспоминал все это время. Он подумал, что для Франчески ее любовь бесспорно была тем же, чем для него пламя свечи, которое он старается сохранить горящим, и она всегда боялась, что Раньеро погасит эту любовь. Он удивился этой мысли, но все более и более убеждался, что именно так и было. Впервые начал он понимать, почему Франческа оставила его и что не воинскими подвигами он может ее вернуть.

Путешествие Раньеро шло очень медленно в значительной степени потому, что в дурную погоду

он не мог ехать. Тогда он сидел в какой-нибудь стоянке для караванов и охранял свое пламя. Это были очень тяжелые дни.

Однажды, переезжая гору Ливан, Раньеро заметил, что надвинулись тучи и скоро разразится гроза. Он находился высоко, между страшными пропастями и обрывами, вдали от всякого человеческого жилища. Наконец он увидел на скале могилу сарацинского святого. Это было небольшое четырехугольное каменное здание со сводчатой крышей. Раньеро решил, что там он прекрасно укроется от ливня и грозы.

Едва Раньеро успел туда войти, как разразилась снежная буря, бушевавшая целых два дня, а вместе с бурей наступил такой ужасный холод, что он едва не замерз.

Раньеро знал, что на горе легко найти ветви и хворост, так что нетрудно было бы набрать топлива для костра. Но он считал таким священным огонь, который он нес, что не хотел зажечь им ничего другого, кроме свечей перед алтарем Святой Девы во Флоренции.

Непогода становилась все ужаснее, наконец он услышал сильный гром и увидал молнии, бороздившие небо.

Одна из них ударила близ могилы, на горé, и зажгла дерево. Раньеро имел теперь огонь, не прикасаясь к священному пламени.

\* \* \*

Когда Раньеро проезжал по пустынной гористой части Киликии, свечка его стала догорать. Свечи, которые он взял с собою из Иерусалима, давно кончились, но все же он выходил все время из затруднения, так как на пути ему попадались христианские общины, где он мог достать свечи.

Но теперь запаса его пришел конец, и он уже думал, что это будет концом его путешествия.

Когда свеча почти совсем догорела, так что пламя обжигало ему руку, он соскочил с седла, набрал хворосту и сухой травы и зажег их последним остатком своей свечи. Но на горе было немного горючего материала, и огонь скоро должен был погаснуть.

Раньеро сидел и с печалью думал о том, что священное пламя должно погаснуть, как вдруг он услышал на дороге пение, и по тропинке стала приближаться процессия паломников со свечами в руках. Они шли в пещеру, где жил святой человек, и Раньеро присоединился к ним. Между паломниками была старуха, едва передвигавшая ноги, и Раньеро помог ей взойти на гору.

Когда она стала его благодарить, он знаком попросил у нее свечу, она подарила ее ему, и многие другие подарили Раньеро свечи, которые несли.

Он погасил все эти свечи, поспешно сбежал по той же тропинке вниз и зажег одну из них уже потухавшим было огнем священного пламени.

\* \* \*

Как-то раз в знойный полдень Раньеро лег спать под кустом. Он спал крепким сном, а свеча стояла около него, меж двух камней. Вскоре после того как он заснул, пошел дождь и шел довольно долго, а Раньеро не просыпался. Когда же он наконец проснулся, кругом все было мокро, и он едва решался посмотреть в сторону свечи из боязни, что она, наверное, погасла.

Но пламя горело под дождем тихо и спокойно; и Раньеро увидел, что две крошечные птички летали над огнем и трепетали крылышками. Держась друг за друга клювами, они распростирали

крылышки и таким образом защищали пламя от дождя.

Раньеро тотчас снял с себя капюшон и повесил над свечой.

Затем он протянул руку к пташкам, так как ему хотелось приласкать их. И, к его удивлению, они не улетели от него.

Раньеро был поражен, что птицы несколько не боятся его. И он подумал: «Они знают, что у меня нет иной мысли, как охранять самую хрупкую в мире вещь. Вот отчего они меня не боятся».

\* \* \*

Когда Раньеро проезжал недалеко от Никеи, он встретил несколько рыцарей с Востока, которые предводительствовали одним из отрядов, сражавшихся за освобождение святого города. Среди них находился и Роберт Тэлефер, странствующий рыцарь и трубадур.

Раньеро приближался к ним в своем грубом плаще со свечой в руках, и воины при виде его стали кричать: «Безумный, безумный!»

Но Роберт велел им замолчать и обратился к страннику.

— Давно ли уже ты так путешествуешь? — спросил он.

— Я еду так из Иерусалима, — ответил Раньеро.

— Много ли раз твоя свеча дорогой гасла?

— Она горит все тем же пламенем, как и в день моего отъезда из Иерусалима, — ответил Раньеро.

Тогда Роберт Тэлефер сказал:

— И я один из старавшихся пронести свечу, и я хотел сохранить ее навеки горящей. Может быть, ты, принеший священное пламя горящим из Иерусалима, скажешь мне, что я должен делать, чтобы пламя не угасало?

— Рыцарь, это трудное дело, хотя оно и кажется пустячным. Поистине я не стал бы уговаривать вас братья за это, ибо это маленькое пламя потребует от вас, чтобы вы забыли обо всем, кроме него. Оно не позволит вам иметь возлюбленную, если вы склонны к этому; ради этого пламени вы не смеете сесть за стакан вина. Вы не должны думать ни о чем, кроме этого пламени, и никакой другой радости не должно быть для вас. Но что особенно заставляет меня отговаривать вас от такого странствования, на которое я отважился, это то, что вы ни одной минуты не будете чувствовать себя спокойным. Сколько бы раз вы ни спасали от опасности пламя, вы не можете быть уверены в том, что в следующий момент вы не лишитесь его.

Но Роберт Тэлефер гордо откинул голову и отвел:

— Что ты сделал для твоего пламени, то я сумею сделать для моего.

\* \* \*

Раньеро прибыл в Италию. Однажды днем он проезжал по одинокой тропинке в горах.

Какая-то женщина поспешно догнала его и попросила огня от его свечи.

— У меня погас огонь, — говорила она, — дети мои голодают. Дай мне огня, чтобы развести печь и приготовить хлеба.

Она протянула руку за огнем, но Раньеро не дал ей, потому что не мог допустить, чтобы что-нибудь иное, кроме свечей пред алтарем Богоматери, было зажжено от этого огня.

Тогда женщина сказала:

— Дай мне огня, пилигрим, потому что жизнь моих детей — это пламя, которое я обязана поддерживать.

Эти слова заставили Раньеро дать ей зажечь фитиль лампы от его свечи.

Спустя несколько часов Раньеро проезжал мимо деревни, лежавшей на большой высоте. Там было очень холодно. По дороге Раньеро попался молодой крестьянин, который смотрел вслед бедняку в его обветшалом плаще. Быстро сняв с себя свой короткий плащ, крестьянин набросил его на путника. Но плащ упал как раз на свечу и погасил пламя.

Тут Раньеро вспомнил о женщине, которая выпросила у него огонь. Он вернулся к ней и зажег снова свою свечу от священного огня.

Готовясь ехать дальше, он сказал бедной женщине:

— Ты говоришь, что пламя свечи, которое ты должна охранять, есть жизнь твоих детей. Можешь ли ты сказать мне, как зовется пламя, которое я везу?

— Где было зажжено твое пламя?..

— Оно зажжено у Гроба Христа.

— Тогда оно не может иначе называться, как кротость и любовь к людям, — сказала женщина.

Раньеро улыбнулся, услышав такой ответ, — слишком неподходящим человеком для таких добродетелей считал он себя.

\* \* \*

Теперь дорога шла мимо красивых голубых холмов, и Раньеро чувствовал, что он находится вблизи Флоренции.

Он думал о том, что уже скоро он освободится от свечи. Он вспомнил свою палатку в Иерусалиме, полную военной добычи, вспомнил и храбрых воинов, которых оставил в Палестине и которые обрадуются, когда он снова возьмется за свое военное ремесло и поведет их на победы и завоевания.

Но тут Раньеро почувствовал, что, думая обо всем этом, он не испытывает никакой радости и что мысли его охотнее направляются в другую сторону.

Раньеро впервые понял, что он уже не тот, каким выходил из Иерусалима. Путешествие с горячей свечой в руке заставило его сблизиться со всеми мирными, разумными и жалостливыми и отстраниться от жестоких и воинственных.

Он радовался теперь каждый раз, когда думал о людях, которые мирно работают у себя дома, и ему приходило в голову, что он охотно вернется в свою старую мастерскую во Флоренции и станет делать прекрасные и искусные вещи.

«Поистине это пламя переродило меня, — думал он. — Мне кажется, что оно сделало меня совсем другим человеком».

\* \* \*

Была Пасха, когда Раньеро въехал во Флоренцию.

Едва он миновал городские ворота, сидя задом на лошади, с опущенным капюшоном и горящим пламенем в руке, как нищий закричал знакомое: «Pazzo, Pazzo!»

На этот крик выскочил из ближайших ворот уличный мальчуган, а мелкий воришка, который валялся здесь по целым дням и глядел на небо, вскочил на ноги. Оба они тоже стали кричать: «Pazzo, Pazzo!»

Теперь крикунов было уже трое, и они так шумели, что взбудоражили мальчишек со всей улицы. Они выскакивали изо всех углов и закоулков и, едва завидев Раньеро в поношенном плаще, на жалкой кляче, принимались кричать: «Pazzo, Pazzo!»

Но ко всему этому Раньеро давно уже привык.

Безмолвно ехал он по улице, совершенно не замечая крикунов.

Но они не удовлетворились криком: один из них подпрыгнул и попытался загасить пламя.

Раньеро поднял высоко над собой свечу и попробовал погнать лошадь, чтобы скрыться от мальчишек. Но они не отставали от него и всячески старались погасить пламя.

Чем больше Раньеро старался защитить пламя, тем изобретательнее делались шалуны. Они становились друг другу на плечи, надували щеки и дули изо всех сил. Они бросали свои шапки на свечу. И только потому, что их было так много и что они толкали друг друга, им не удавалось загасить пламя.

На улицах царило самое неудержимое веселье. В окнах стояли люди и смеялись. Ни у кого не явилось сожаления к безумному, хотевшему защитить свою свечу. Благовестили, и повсюду попадался народ, направлявшийся в церковь; все они останавливались и смеялись.

Но вдруг Раньеро встал во весь рост в седле, чтобы спрятать свечу. Вид у него был дикий. Капюшон откинулся и открыл его лицо, бледное и истощенное, как лицо мученика. Свечу он поднял над собой так высоко, как только мог.

Вся улица наполнилась диким криком. Даже взрослые присоединились к травле. Женщины бросали свои головные уборы, а мужчины — свои береты. Все старались во что бы то ни стало погасить огонь.

Раньеро проезжал в это время мимо одного дома с балконом. На нем стояла женщина. Она перегнулась через перила, вырвала из рук его свечу и скрылась в доме.

Вся толпа разразилась оглушительным хохотом и торжествовала, а Раньеро покачнулся в седле и упал замертво на мостовую.



Но едва он упал без чувств, как улица в одно мгновение опустела. Никто не пожелал помочь упавшему.

Лошадь одиноко стояла около него.

Как только толпа разошлась, Франческа дель Уберти вышла из своего дома, держа в руке горящее пламя. Она все еще была хороша, черты лица ее были нежны, а глаза серьезны и глубоки.

Она подошла к Раньеро и наклонилась над ним. Он лежал без чувств, но в то мгновение, когда свет от свечи скользнул по его лицу, он сделал усилие и поднялся. Казалось, что это пламя всецело овладело им. Увидав, что он пришел в себя, Франческа сказала:

— Вот твоя свеча. Я вырвала ее у тебя, потому что видела, как близка она твоему сердцу и как хочешь ты сохранить ее горячей. Я не знала, как иначе помочь тебе.

Раньеро при падении сильно ушибся. С трудом поднялся он на ноги и хотел идти, но пошатнулся и чуть было снова не упал. Он попробовал взобраться на лошадь. Франческа помогла ему. Когда он уселся, она спросила его:

— Куда ты хочешь ехать?

— В собор, — ответил он.

— Тогда я провожу тебя, — сказала она, — потому что и я иду к мессе.

И она взяла лошадь за повод и повела ее.

С первого же взгляда Франческа узнала Раньеро, но он не заметил, кто она, так как не давал себе времени разглядеть ее. Взор его был пригвожден к горячей свече.

По пути они не обменялись ни единым словом. Раньеро думал только о пламени, о том, чтобы сохранить его до последней минуты. Франческа же не могла говорить, потому что ей казалось, что она боится дать себе отчет в том, что приходило ей в голову. Она думала, что Раньеро вернулся на

родину безумным. И хотя она была почти убеждена в этом, она предпочитала лучше не говорить с ним, чтобы окончательно не увериться в его су-масшествии.

Раньеро вдруг услышал, что кто-то около него плачет, он оглянулся и заметил, что рядом с ним идет Франческа дель Уберти и по ее лицу катятся слезы. Но Раньеро только на мгновение остановил на ней свой взор и ничего не сказал. Он ни о чем не хотел думать, кроме своего пламени.

Раньеро дал ей довести себя до собора. Здесь он слез с лошади. Он поблагодарил Франческу за ее помощь, но все время глядел не на нее, а на пламя. Один пошел он в исповедальную к духовенству.

Франческа вошла в церковь. Была Страстная суббота, и все свечи в церкви стояли незажженные в знак траура. Франческа подумала, что и в ней погасло всякое пламя надежды, которое раньше еще теплилось в ее душе.

В церкви было очень торжественно. Пред алтарем стояло множество священников. Каноники с епископом во главе сидели на клиросе.

Немного погодя Франческа заметила, что среди духовенства происходит какое-то волнение. Почти все те, кто не обязан был присутствовать при мессе, поднялись и ушли в исповедальную. Наконец вышел туда же и епископ.

Когда кончилась месса, проповедник взошел на хоры и обратился к народу. Он рассказал, что Раньеро ди Раньери прибыл из Иерусалима во Флоренцию со священным пламенем от Гроба Господня. Он рассказал, что претерпел и вынес рыцарь в пути. И всячески превозносил его.

Присутствующие сидели пораженные и слушали. Франческа еще никогда не переживала такого блаженного мгновения. «О Господи, — простонала она, — это счастье слишком велико, чтобы я могла его пережить!» И слезы катились из глаз ее.

Патер говорил долго и красноречиво. В заключение он громким голосом произнес:

— Конечно, многим может показаться чем-то незначительным привезти во Флоренцию горящую свечу. Но я говорю вам: молитесь Господа, чтобы Он даровал Флоренции побольше носителей вечного пламени, тогда она станет великим городом и все другие города будут ей завидовать.

Когда священник кончил, главные двери собора широко распахнулись, и вошла наскоро составленная процессия. Тут шли настоятели, монахи и священники, и все они двинулись через средний проход к алтарю. В конце процессии шел епископ и рядом с ним Раньеро в том самом плаще, который он носил в продолжение всего пути.

Но в тот момент, когда Раньеро переступил порог церкви, из толпы поднялся старик и пошел ему навстречу. Это был Оддо, отец подмастерья, работавшего когда-то в мастерской Раньеро и повесившегося из-за него.

Поравнявшись с епископом и Раньеро, старик поклонился им обоим. Затем громко, чтобы все слышали в церкви, он сказал:

— Конечно, великое событие для Флоренции, что Раньеро вернулся со священным огнем из Иерусалима. До сих пор никогда еще ничего подобного не бывало. Возможно, что кто-нибудь скажет, что это невероятно. Поэтому я прошу сообщить всему народу, какие доказательства и каких свидетелей имеет Раньеро в подтверждение того, что это пламя есть действительно то самое, которое было зажжено в Иерусалиме.

Услыхав эти слова, Раньеро сказал:

— Господи, помоги мне! Откуда мне взять свидетелей. Я всю дорогу ехал один, только дебри и пустыни могут говорить за меня.

— Раньеро — честный рыцарь, и мы верим ему на слово, — сказал епископ.

— Раньеро и сам должен бы знать, что здесь возникнут сомнения, — продолжал Оддо. — Он, конечно, ехал не совсем один. Его слуги могут свидетельствовать за него.

Тут Франческа дель Уберти выделилась из толпы и поспешила к Раньеро.

— Каких еще нужно свидетелей?! — воскликнула она. — Все женщины Флоренции готовы поклясться, что Раньеро говорит правду.

Тут Раньеро улыбнулся, и его лицо на мгновение просияло. Но тотчас он снова обратил свой взор и свои мысли к пламени.

В церкви началось волнение. Часть народа говорила, что Раньеро не смеет зажигать на алтарях свечи раньше, чем не докажет своей правоты. К ним присоединились многие из его прежних врагов.

Тут встал Джакопо дель Уберти и заступился за Раньеро.

— Все присутствующие, я полагаю, знают, — сказал он, — что между мной и моим зятем дружба невелика, но теперь и я, и сыновья мои готовы поручиться за него. Мы верим, что он совершил этот подвиг, и знаем, что тот, кто был в силах выполнить такой обет, — человек мудрый, благородный, любящий ближних, и мы с радостью примем его в свою среду.

Но Оддо и многие другие не согласны были допустить, чтобы Раньеро вкусил счастье, которого он добивался. Они собрались густой толпой, и видно было, что они не отступят от своего решения.

Раньеро понял, что, если дело дойдет до борьбы, эти люди раньше всего бросятся на пламя. Не отрывая взоров от противников, он поднял пламя так высоко, как только мог.

На лице его видны были смертельная усталость и отчаяние. Видно было, что как ни готов был Раньеро на всякую борьбу, но что он не ожи-

дал ничего, кроме поражения. Что за радость, если ему даже не дано будет зажечь свечи! Слова Оддо были для него смертельным приговором. Сомнение, если оно уже теперь явилось, будет, конечно, распространяться и расти. Ему уже чудилось, что Оддо навеки погасил его пламя.

Маленькая птичка впорхнула в широко открытые двери храма. Она летела прямо на свечу Раньеро. Тот не успел ее отклонить, птичка задела ее крылом и погасила.

Руки Раньеро опустились, слезы полились из глаз. Но в первое мгновение он почувствовал облегчение. Это все же лучше, чем если бы люди погасили его пламя.

Маленькая пташка продолжала летать по церкви, беспорядочно кидаясь то туда, то сюда, как это обыкновенно бывает с птицами, когда они попадут в закрытое помещение.

Вдруг по всей церкви пронесся громкий клич: «Птица горит, священное пламя зажгло ее крылья!»

Пташка испуганно пицала. Еще несколько мгновений носилась она под сводами храма, как блуждающий огонек. Затем она быстро опустилась и упала мертвой пред алтарем Мадонны.

И в ту минуту, как птица упала пред алтарем, Раньеро встал. Он расчистил себе дорогу в церкви, — ничто не могло его удержать. И от пламени, которое пожирало крылышки птички, он зажег свечи пред алтарем Мадонны.

Тогда епископ поднял свой жезл и воскликнул:

— Господу это угодно, Он явился свидетелем Раньеро!

И весь народ в церкви, его друзья и противники, перестали сомневаться и поражаться. Подавленные чудом Господним, все воскликнули:

— Господу угодно это, Он явился свидетелем Раньеро!



О Раньеро остается еще добавить, что до конца дней своих он был счастлив, мудр, заботлив и милосерд. Но жители Флоренции называли его Паццо ди Раньеро в память того, что его приняли за безумного. И это прозвище стало почетным титулом для него. Он положил начало благородному роду, принявшему прозвище Пацци, которое он носит и доньне.

Надо еще добавить, что во Флоренции вошло в обычай каждый год в Страстную субботу устраивать празднество в честь прибытия Раньеро со священным огнем, причем пускают летать через храм искусственную птицу с огнем. Вероятно, и в нынешнем году этот праздник будет чествоваться, если не отменили обычай.

Но правда ли, — как многие думают, — что носители священного огня, жившие во Флоренции и сделавшие этот город одним из прекраснейших на земле, считали своим прообразом Раньеро, учась у него жертвовать, страдать и терпеливо ждать, — это пусть останется здесь недосказанным.

Ибо все то, что было создано благодаря огню, в отдаленные времена принесенному из Иерусалима, нельзя ни измерить, ни исчислить.



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Будур.</i> Старая шляпа детства (О Сельме Лагерлёф) .....	5
---	---

### ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ

Святая ночь .....	15
Видение императора .....	23
Колодец Мудрецов .....	32
Вифлеемский младенец .....	43
Бегство в Египет .....	66
В Назарете .....	75
В храме .....	81
Покрывало святой Вероники .....	97
Красношейка .....	150
Господь и святой Петр .....	158
Свеча от Гроба Господня .....	169

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

*Литературно-художественное издание*

Для среднего школьного возраста

*Лагерлёф Сельма*

## **ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ**

Ответственный редактор

*Н. Е. Дубань*

Художественный редактор

*Е. М. Ларская*

Технические редакторы

*Т. А. Шматко, Т. А. Евтихевич*

Корректоры

*В. В. Борисова, О. И. Голева*

Компьютерный дизайн

*Е. Г. Валерьянова, Т. А. Яковлева*

Компьютерный набор и верстка

*В. И. Лебидько*

ИД № 04982 от 04.06.01

Сдано в набор 23.01.04. Подписано к печати 24.11.04.  
Формат 84x108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. офсетная № 1. Шрифт «Школьный».  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 8,82.  
Тираж 10 000 экз. Заказ №

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов  
издательство «Детская литература» Министерства РФ по делам  
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.  
109012, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1  
[www.detlit.ru](http://www.detlit.ru)